

*Исаакию Петровичу Мордвинову,
зачинателю «Тихвинианы», и всем ученым,
кто изучал и будет продолжать
исследовать Тихвинский край,
посвящается*

An oil painting of a landscape in autumn. In the foreground, a river flows from the right towards the center, its surface reflecting the sky and the surrounding foliage. The banks are covered in grass and fallen leaves. On the left, a cluster of birches with bright yellow leaves stands prominently. In the middle ground, a line of trees with various autumnal hues (yellows, oranges, and some reds) stretches across the frame. Beyond them, a green field and a few distant buildings are visible under a bright blue sky with wispy white clouds.

ТИХВИНСКИЙ КРАЙ

Том 1

Санкт-Петербург

2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Л. Белова
Е. Б. Большаков
Ф. Д. Коньков
Л. В. Королькова
Н. П. Феофанова
И. В. Фомин (председатель)

Т46 **Тихвинский край** : в 4 т. — СПб., 2019. — Т. 1. — 244 с. : ил.
ISBN 978-5-6042574-8-7 (Типография НП-Принт) (т. 1)
ISBN 978-5-6042574-7-0 (Типография НП-Принт)

Настоящая книга является научно-популярным изданием, содержащим исторические очерки о возникновении первых поселений в описываемом регионе, их бытовании в условиях определенного климата, в окружении уникального растительного и животного мира. Особый интерес представляет рассказ о научном изучении Тихвинского края и этнографические очерки о традиционных культурах русских и вепсов.

ISBN 978-5-6042574-8-7 (Типография НП-Принт) (т. 1)
ISBN 978-5-6042574-7-0 (Типография НП-Принт)

© Л. В. Королькова, текст, 2017
© И. В. Фомин, оригинал-макет, 2019

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках первую книгу четырехтомной «Тихвинианы». Так в свое время Исаакий Петрович Мордвинов назвал свой труд и свою мечту по созданию полной истории Тихвинского края. Прошло более 100 лет. Немало статей и книг было посвящено этой теме, но говорить о полном историческом исследовании еще рано. Мы попытались проанализировать, добавить, обобщить и создать исторические очерки из того многообразия источников, указанных в библиографии. В тексте же приведены архивы, которые на данный момент частично, а иногда и совсем не изучены. Очевидно, что тема истории Тихвинского края ждет своих ученых-исследователей. В первую книгу вошли очерки общего и этнографического характера кандидата исторических наук Л. В. Корольковой. Отдельный интерес представляют разделы о русских и вепсах — основных народностях, населяющих и формирующих своей самобытной культурой облик края. Богатый иллюстративный ряд дополнит и расширит Ваше представление о тихвинцах. Надо отметить, что такого издательского проекта не было бы, если бы идея предпринять создание очередной «Тихвинианы» не пришла сенатору от Ленинградской области И. В. Фомину. Надеемся, что эта книга принесет пользу и заинтересует не только патриотов края, но и всех, кому небезразлична история нашей страны.

Главный редактор Н. П. Феофанова

ЭТНОГРАФИЯ ТИХВИНСКОГО КРАЯ

Карта пятин Новгородских в XVI в. с показанием в них городов и погостов. Составлена К. Неволным. 1853 г.

На карте показаны главные и второстепенные города, погосты и волости. Масштаб в верстах. Подкраска акварелью одновременна изданию. Цветом показаны границы пятин. В левом нижнем углу размещены условные обозначения. В нижней части карты надпись «Печать дозволяется. Цензер Н. Пелкерь 14 марта 1853 года».

Пятѣна — административно-территориальная единица (буквально — «пятая часть земли»), применявшаяся в Новгородской Руси.

Верста — старая русская мера длины, равная 1,0668 км.

На территории Тихвинского края в XIX — начале XX в. проживало довольно значительное количество сельского населения. Основным этническим компонентом были русские, вторыми по численности — вепсы. Русские и вепсы вели комплексное хозяйство. В нем умело сочетались земледелие и животноводство, охота, рыболовство, собирательство. Женщины занимались выращиванием и обработкой волокнистых культур, прядением и ткачеством. Все взрослое мужское население до революции в период, свободный от работ на земле, было занято в лесных промыслах: рубка леса и сплав, гонка смолы и дегтя, сбор живицы — сосновой смолы. Почти в каждой деревне были крестьяне, занимавшиеся бондарным, плотницким или столярным ремеслом. Широкое распространение имело изготовление утвари из прутьев, коры, сосновой и еловой щепы. Повсеместно крестьяне занимались выделкой кож, овчин и сапожным ремеслом. Там, где имелись залежи глины, пригодной для изготовления керамики, развивалось гончарство (реки Оять и Явосьма).

Стабильная система расселения русских и вепсов сложилась в эпоху позднего Средневековья и практически сохранялась без изменений до XX в. Русские деревни чаще всего имели рядовую планировку. Особенностью большинства вепских деревень являлось отсутствие какого-либо плана и порядка расположения домов. Внешний облик жилищ имел много общего. Более ранние жилые комплексы вепсов и русских, проживавших на территории русско-вепского пограничья, состояли из двух изб, расположенных параллельно друг другу; позже получили распространение дома с однорядной и поперечной связью (Г-образной и Т-образной). До начала XX в. в деревнях преобладали срубные «курные» избы с высоким и средним подпольем. Почти каждый населенный пункт имел по два, три, а то и по четыре названия: по географической местности, по имени основателя деревни, по имени наиболее влиятельного лица и т. п. Одни названия числились в книгах, другие бытовали в народе.

Удаленность Тихвинского уезда от столичных городов способствовала не только длительному сохранению архаичных элементов в материальной культуре, но и в фольклоре. В середине XIX в. в деревнях расположенных на Паие и Ояти можно было услышать старинные песни, заговоры, уходящие своими корнями в эпоху Средневековья. В каждой вепской деревне можно было узнать истории о беглых крестьянах, скрывшихся от своих господ в глухие белозерские леса, о целых деревнях разбойников, о почитаемых пустошах, о войне с «литвой», о самопогребениях вепсов. Также распространены были предания о кладах и возникновении новых поселений. До конца XX в. у вепсов сохранялась плачевая традиция (погребальная и поминальная).

Несмотря на то что с момента христианизации Тихвинского края прошло много веков, вплоть до нашего времени у русских и вепсов остались различные поверья, приметы, обряды, связанные с дохристианскими верованиями. Сельское население продолжало верить в духов природы, очистительную силу огня, промысловую магию, почитало культ растительности. Наряду с православными религиозными праздниками сохранялись народные календарные: коллективные пивные «братчины», праздники, сопровождавшиеся закланием обрядового животного.

Природа Тихвинского края:
геология, ландшафт, растительный
и животный мир

Тихвинский уезд занимал значительную территорию на северо-востоке Новгородской губернии. Граничил он на западе с Новолодожским уездом, на юге с Новгородским уездом, на востоке с Белозерским и Устюженским уездами, а на севере с Лодейнопольским уездом Олонецкой губернии. Южные рубежи выходили к Валдайской возвышенности. Местность в основном пересеченная. Вепсовская возвышенность вместе с Тихвинской грядой являются основными водоразделами. Здесь берут начало реки, входящие в Балтийский (Паша, Сясь) и Каспийский (Лидь, Колпь) бассейны.

Основой геоморфологической структуры уезда являются архейские и протерозойские граниты и гнейсы. Эти коренные кристаллические породы находятся глубоко под осадочными породами. С начала палеозоя почти вся территория региона была покрыта морем. Отступление воды произошло в конце каменноугольного периода. На всей поверхности Тихвинского края коренные породы перекрыты ледниковым суглинком с валунами, над которым залегают пески и глины, отложившиеся в результате отступления ледника. Между Пашекожельским погостом и д. Залющик встречаются *озы* — грядообразные холмы, протянувшиеся на несколько километров с северо-запада на юго-восток. Сельги-озы встречаются по р. Сясь от д. Бесовы Харчевни до Осташевой Горки. Основой Вепсовской возвышенности и Тихвинской гряды являются известняки каменноугольного периода. В этих породах содержится большое количество конкреций кремня. Самое большое обнажение известняков находится в каньоне р. Рагуша.

Современный ландшафт Тихвинского края сформировался после таяния ледника. Он характеризуется холмисто-моренным ландшафтом, переходящим в юго-восточной части в зандровую равнину. Западная часть уезда — это низменность, местами слабо всхолмленная, прорезанная довольно густой сетью рек. Иную картину имеют восточная и юго-восточная части уезда, здесь местность возвышенная. Резкое повышение хорошо видно

в районе Пикалево. За каждым возвышением обычно следует небольшое плато, переходящее в пологий склон, направленный к юго-востоку. Наиболее возвышенными пунктами являются гора у деревень Борисовщина, Абрамова Гора, Рудная горка, Звонец и Харагеничи. После таяния ледника климат и ландшафтные зоны менялись. Приледниковые и послеледниковые тундры сменились зоной сосново-березовых лесов. Около 6 тыс. лет назад началось продвижение на север широколиственных пород деревьев. Вместе со сменой ландшафтных зон происходила смена животного мира.

Через Тихвинский край протекает большое количество рек. По густоте речной сети бассейны Ояти и Паши значительно превосходят бассейны других рек Ленинградской области; это — кладовая чистых пресных вод. Сясь является одной из трех крупнейших рек Тихвинского уезда. Она пересекает моренную равнину с крупными участками озерно-ледниковых и водно-ледниковых равнин. Полого-волнистые междуречья, сложенные мореной, местами перекрыты песками и супесями, дренированы. В растительном покрове преобладают мелколиственные и елово-мелколиственные леса. Реже встречаются еловые леса черничного типа, растущие на сильноподзолистых почвах. Большие площади плоских моренных междуречных пространств в значительной степени заболочены и покрыты долгомошными, сфагново-долгомошными, травяными мелколиственными и елово-мелколиственными лесами, переходящими в сфагновые сосняки и сфагновые торфяники. Сясьско-Пашский водораздел занят огромным болотным массивом Соколий Мох (свыше 40 тыс. га).

Участки с холмистым и грядовым рельефом расположены в основном на границе с Южным Приладожьем. Здесь пологие моренные холмы достигают в высоту 20 м и чередуются с понижениями. Между д. Горка (Паша) и д. Залющик можно встретить грядообразные холмы. По правому берегу р. Сясь также тянется комплекс холмисто-моренных, камовых и озовых урочищ, чередующихся

На стр. 10–11:

Вид на Карбоновое плато у д. Феньково. 2011 г.

Абсолютные отметки достигают 270–286 м. Территория перекрыта четвертичными отложениями, лежащими на карбонатных породах среднего карбона. Преобладают моренные валунные суглинки и флювиогляциальные пески. Рельеф холмисто-моренный (преимущественно мелкохолмистый) и флювио-камовый (с относительными превышениями от 5–8 до 15–20 и даже 30 м).

На стр. 13:

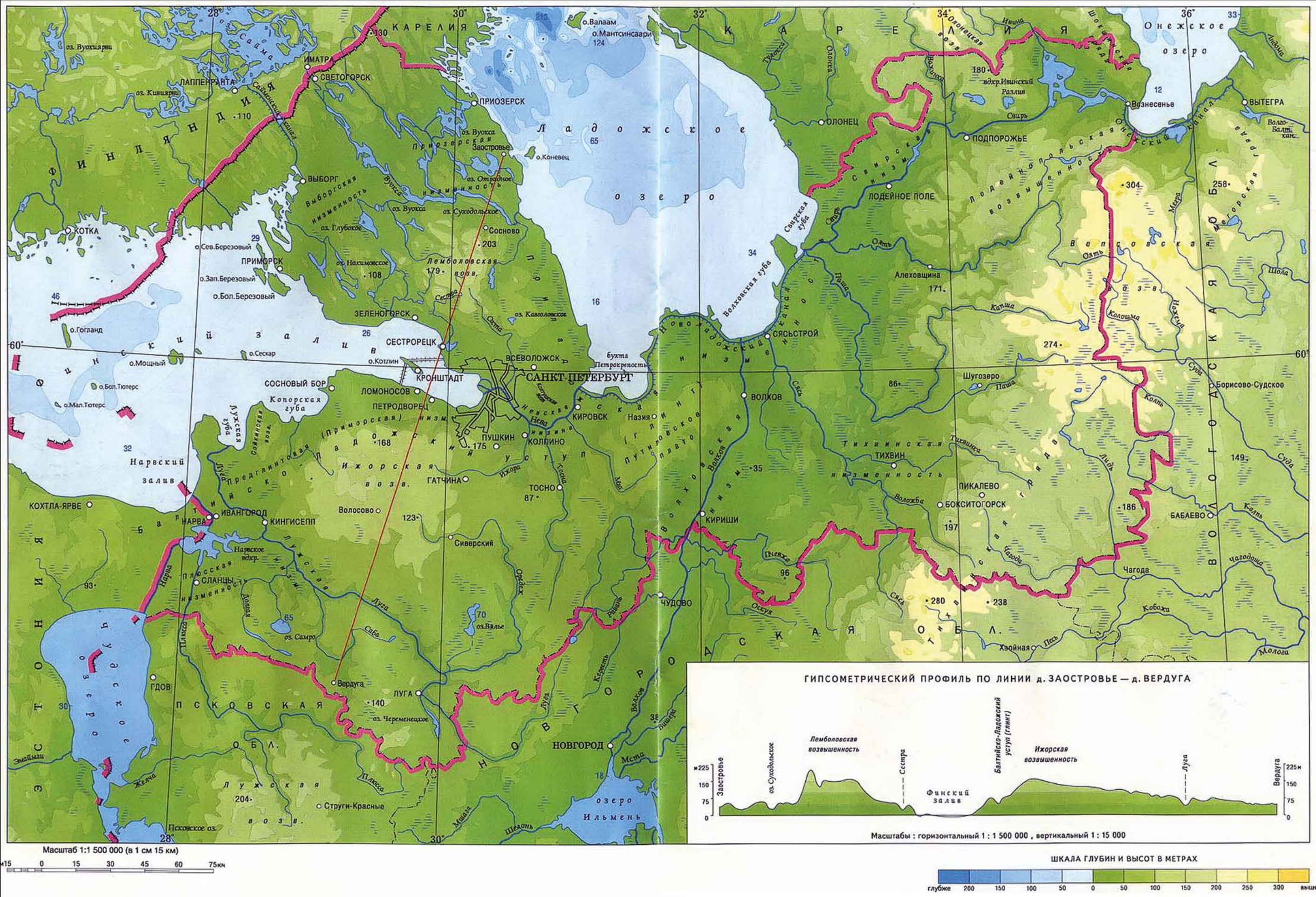
Вид на р. Сясь у д. Воскресенское. 2010 г.

Река Сясь относится к Балтийскому бассейновому округу. Длина реки — 260 км, площадь бассейна — 7330 км². В эпоху Средневековья р. Сясь через ее приток Воложба и волок Хотеславль связывалась с бассейном Волги. Ниже по течению р. Сясь до 1920-х гг. проходила западная граница Тихвинского уезда.

Геологическая карта
Ленинградской
области с указанием
основных рек, озер,
городов, шкалы
глубин и высот

Тихвинский район
расположен на востоке
Ленинградской обла-
сти. Его территория
охватывает часть
Тихвинской гряды
и Вепсовской возвы-
шенности.

Вид с Ребовой горы на излучину р. Ояти и д. Ярославичи (северная граница Тихвинского уезда). 2011 г.

с заболоченными котловинами и небольшими озерами. Почвенно-растительный покров в этой местности отличается большой пестротой. Местность по р. Сясь также довольно разнообразна. Здесь высокие берега с крутыми склонами сменяются низменными заболоченными или песчаными с террасами. На некоторых участках река врезана в коренные глины, пески и известняки девона, которые образуют многочисленные перекааты и пороги.

Наиболее интересной рекой является Рагуша. Она относится к типу исчезающих рек (карстовых). Река берет начало из Никулинского озера в Новгородской области, протекает с юга на север и впадает в р. Воложба (бассейн р. Сясь). В межень практически вся река протекает по подземному руслу. Берега рагушского каньона образованы отложениями верхней пестроцветной толщи девона (воронежский горизонт)

и нижнекаменноугольными известняками. В середине каньона высота склонов достигает 80 м. Там, где известняки составляют ложе реки, из-за процесса выщелачивания образовались пустоты-проходы, куда и уходит вода.

Около 80% почв Тихвинского уезда сильно- и среднеподзолистые. Из-за повышенной кислотности и небольшого запаса питательных веществ они сравнительно малопригодны для окультуривания. Среди луговой растительности преобладают наименее ценные луга пустошного и торфяного ряда, которые характеризуются низкими кормовыми достоинствами и сравнительно невысокой урожайностью. Поэтому сельскохозяйственные угодья здесь даже в XX в. не превышали 6% от всей территории. При этом они представляли собой островки среди лесных пространств. Наиболее ценными землями были небольшие участки

по верхним частям склонов и холмов, обращенных к озерным котловинам и долинам рек.

В Тихвинском уезде имеются минерально-сырьевые ресурсы: девонские глины, известняки, кварцевые пески, огнеупорные глины и бокситы. Однако наибольшее развитие в этом крае получила лесозаготовительная промышленность. По своему положению и значению Тихвинский уезд, до 1927 г. входивший в состав Новгородской губернии, был одним из важнейших лесозаготовительных районов. Деловая древесина в необработанном виде шла водным путем в Петербург. Однако ее качество было невысоким, поскольку подавляющая часть лесов произрастала на временно и постоянно переувлажненных и заболоченных почвах.

До начала массовых вырубок леса среди растительности наиболее распространенными видами были сосна, ель, береза,

осина. Изредка встречалась белая ольха. Липу и клен можно было встретить в разных частях уезда, чаще всего липа представляла собой кустарник, а клен рос в виде подлеска и редко достигал большой высоты. К редким породам относился ильм (вяз). Единичные деревья встречались по берегам Рагуши и Канжаи, при впадении ее в Урюю. На опушках и по берегам водоемов можно было встретить черную ольху. Из берез повсеместно были распространены береза пушистая и береза бородавчатая. Среди пород ивы встречались ива лапландская и ива черничная. Черемуха и рябина росли повсюду.

Из полукустарниковых пород в пределах Тихвинского края произрастали можжевельник, бузина, лещина, калина, черная и красная смородина, малина. Среди травянистой растительности часто встречаются редкие виды растений. Так, в районе д. Рудная Горка на р. Воложба

Река Рагуша. 2016 г.

Левый приток р. Воложба, бассейн р. Сясь (Балтийский бассейновый округ). Рагуша начинается севернее деревни Лушино, течет на северо-восток, принимая слева ручей, вытекающий из Никулинского озера. Рагуша — карстовая река, памятник природы. Длина реки — 40 км, площадь ее водосборного бассейна — 202 км². Геологическое строение долины обязано известнякам, оформившимся еще в каменноугольном периоде. В них встречаются отпечатки древнейших раковин и кораллов. На участке в четыре километра она уходит под землю, оставив на поверхности сухое русло, после сильных дождей заполняемое водой, затем снова выходит на поверхность. Вдоль участка развития карстовых процессов речная долина приобретает каньонный характер, при этом высота бортов достигает почти 60 м.

Вид на р. Паша. 2011 г.

Река является левым притоком р. Свирь. Относится к Балтийскому бассейну. Паша берет начало на западном склоне Вепсовской возвышенности из Пашозера. Высота истока над уровнем моря — 115,9 м. Древнейший исток реки сейчас носит название р. Ульяница. Длина Паши — 242 км. На реке много порогов. Самый крупный из них Святой порог (с двумя ступенями, длиной около 200 м). Бассейн Паши был освоен уже в эпоху неолита. В эпоху Средневековья в среднем течении реки располагались курганные могильники Приладожской курганной культуры. Река Паша на протяжении последних столетий служила главной сплавной магистралью.

и по р. Рагуша сохранились редкие папоротники *Cystopteris Sydetika*, *Phegopteris Robertiana*. На открытых южных склонах р. Рагуша встречаются типичные для юга растения: яминник душистый, горечавка крестовая, герань Роберта, каменисто-мянник аптечный. Редкие виды растений можно встретить и на р. Черенка. Там растут два вида колокольчиков с крупными голубыми и фиолетовыми цветами, недотрога желтая, северный борец (аконит), перелеска трехлопастная, ядовитый воронец колосистый, сочевник весенний, чистец лесной, шлемник обыкновенный, осот огородный, валериана лекарственная.

Северная часть Тихвинского края входит в Межозерье. Так принято называть территорию, расположенную между тремя крупными озерами: Ладожским,

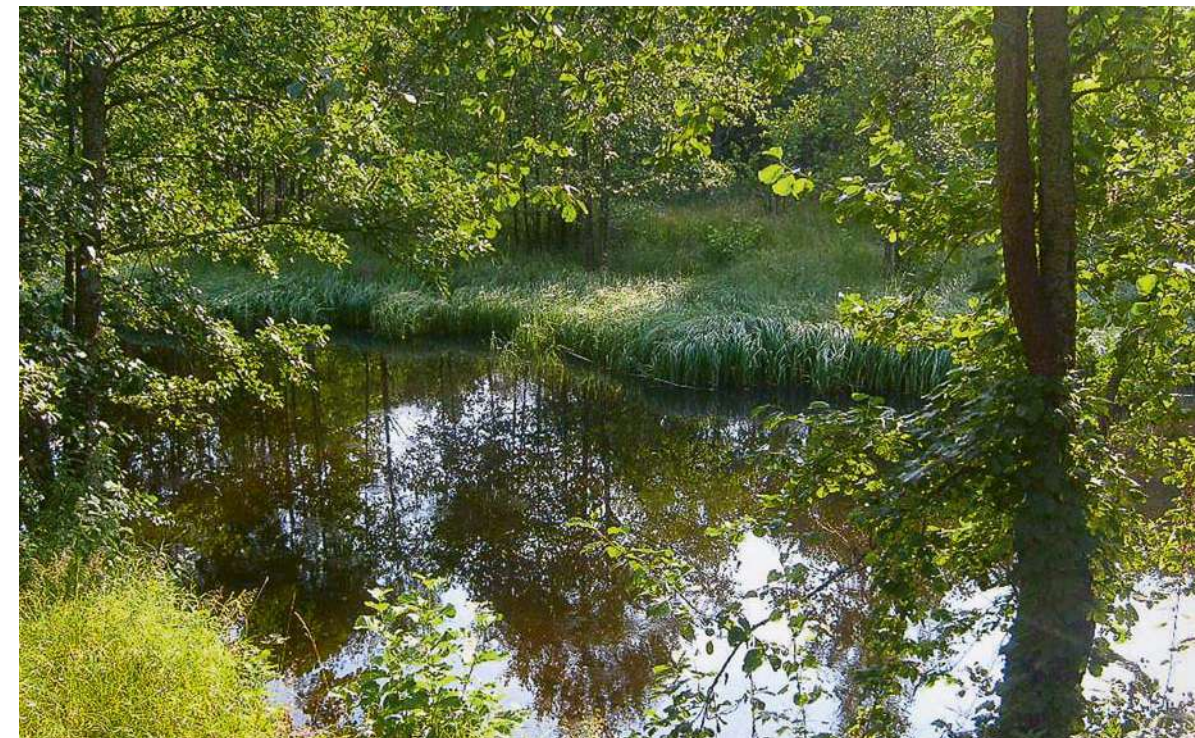
Онежским и Белым. Здесь начинается Вепсовская возвышенность; ее самыми высокими точками являются д. Борисовщина и д. Абрамова Гора. Большинство холмов вытянуто в северо-восточном направлении. Все пространство между холмами занято болотами, старыми руслами рек, лесами, ручьями и озерами.

Вепсовская возвышенность расположена на карбоновом плато, которое на северо-западе соприкасается с Девонской низиной. Эта территория испытала неоднократные оледенения. При передвижках ледники сгужали на возвышенности моренный материал, шло скопление краевых ледниковых и водно-ледниковых образований. Современный облик рельефа связан с двумя стадиями осташковско-го этапа валдайского оледенения, которые носят названия «вепсовская» и «лужская».

Юго-восточная граница «лужской» стадии пересекает весь район с юго-запада на северо-восток от верховьев р. Капша (Капшозеро) до верховьев р. Нижняя Курба — среднее течение р. Оять — оз. Ладвинское.

На возвышенностях с сильно пересеченным рельефом сформировался своеобразный ландшафт. Для него характерны: пестрота грунтов, различные режимы увлажнения и разнообразный

Вид на р. Чагода у д. Усадище. 2008 г.

Река является левым притоком р. Молога, впадающей в Волгу. Она берет начало из болот Волго-Ладожского водораздела. Исток реки — оз. Чагода. Длина р. Чагода — 246 км, площадь бассейна — 680 км². Крупнейшие притоки в верховьях Чагоды — Горюн, Лидь. В верховьях Чагоды есть поселения эпохи камня. Здесь же в море встречается кремль в конкрециях.

Верхнее течение р. Колпь. 2011 г.

Река является притоком р. Суда и берет свое начало на Вепсовской возвышенности (Екшозеро). Колпь относится к Волжскому бассейну. Длина реки — 254 км, площадь бассейна — 3730 км². В верховьях р. Колпь находились вепские деревни Саньков Бор и Красный Бор.

**Река Капша́ у Святого ручья.
2016 г.**

Река является правым притоком р. Паша и относится к Балтийскому бассейну. Длина реки — 115 км, площадь водосборного бассейна — 1700 км². Исток Капши — Капшозеро, он находится на высоте 180,7 м. Течение реки быстрое. Плесы чередуются с порогами и перекатами. Первое население появилось на р. Капша в эпоху камня. В Средневековье в среднем и нижнем течении по берегам реки располагались курганные могильники Приладожской курганной культуры.

почвенно-растительный покров. Холмисто-моренный рельеф составляет около 30% территории. Он представляет собой сочетание холмов различной величины с крутизной склонов от двенадцати до тридцати градусов.

Водно-ледниковый рельеф в самом центре Вепсовской возвышенности, где сейчас находится природный парк «Вепсский лес», хорошо показан в районе правобережья р. Генуя (Енуя); он сложен разнотернистыми песками с гравием и галькой. Зандровые равнины имеются в районе оз. Капшозеро; они сложены гравийно-песчаным материалом. Долинные зандры приурочены к долине р. Оять, ее притокам и к р. Капша. В районе Святозера и на р. Канжая имеются известняки с древней

фауной и флорой. Также на Святозере есть выходы окремненных известняков с конкрециями кремня.

Водный рельеф Вепсовской возвышенности и Девонской низины представлен озерными котловинами, террасами и пляжами, развитыми вдоль некоторых крупных озер, а также речными долинами, террасированными у крупных рек и слабо разработанными у мелких. На этой территории встречаются три основных типа озер: лопастные со слабоволнистым дном и отдельными глубокими ямами (Койгушское, Леринское, Пелушское, Нурмозеро, Тутока, Пелдушское, Святозеро, Большое Шугозерское, Микулинское и др.), длинные и узкие в виде глубоких борозд (Капшозеро, Лидское, Долгозеро, Пашозеро

Вид на Капшозеро у переправы на северный берег. 2006 г.

Озеро находится на высоте 180,7 м. Длина озера — 13 км, ширина — 1 км. Площадь водосборного бассейна — 362 км². С восточной стороны в Капшозеро впадает р. Генуя (Енуя), текущая из системы Алозера, Гарбозера и Леринского озера. С западной стороны находится исток р. Капша. По берегам озера расположены деревни вепсов.

и др.), округлые в виде котлообразных углублений (Белое, Глухое и др.). Размеры, глубина и форма озер определяются геологическим строением местности. Глубина озер различная. Самое мелководное (из крупных озер) — Пелушское, а самое глубокое — Харагинское. В Леринском озере наибольшая глубина достигает 18 м, в Большом Шугозерском — 22 м, а в Пелушском максимальная глубина — 6,5 м. На Капшозере средняя глубина 12 м, а наибольшая (в ямах) до 48 м. Наиболее красивы озера: Шигольское, Шидрозеро, Капшозеро, Пашозеро, Святозеро, Леринское (Кукозеро) — на нем много небольших островов, а в весеннее время в это озеро текут несколько ручьев из соседних болот, через которые озеро

соединяется с системой Капши. Основной тип болот — верховые. Они сформировались путем заболачивания водоемов, сохранившихся после отступления ледника. Мощность торфа различная — от 1,5 до 6–7 м. Характерной особенностью рассматриваемой территории является наличие карста (воронки, котловины, карстовые овраги, озера — Леринское, Койгушское, Пупозеро и др.).

В настоящее время на территории, которая раньше входила в состав Тихвинского уезда (на северо-востоке), располагается часть природного парка «Вепсский лес». Общая территория парка составляет 189,1 тыс. га. В Тихвинском районе находится 89,2 тыс. га особо охраняемой территории, а в Бокситогорском районе —

Вид на Пашозеро с высокого берега. 2006 г.

Озеро находится на высоте 115,9 м над уровнем моря, имеет форму лука, обращенного выпуклой частью в сторону Паши. Длина водоема составляет около 9,7 км, средняя ширина — 600 м. Средняя глубина — около 25 м, максимальная — 50 м. Площадь водного зеркала — 5,6 км², а площадь бассейна — 413 км². В Пашозеро впадают Чога, Урья, Кузрека, а вытекает р. Паша. Озеро относится к Балтийскому бассейну. Берега Пашозера были освоены еще в эпоху неолита. В эпоху Средневековья местность Пашозеро впервые упоминается в новгородской берестяной грамоте, датированной 1396–1409 гг.

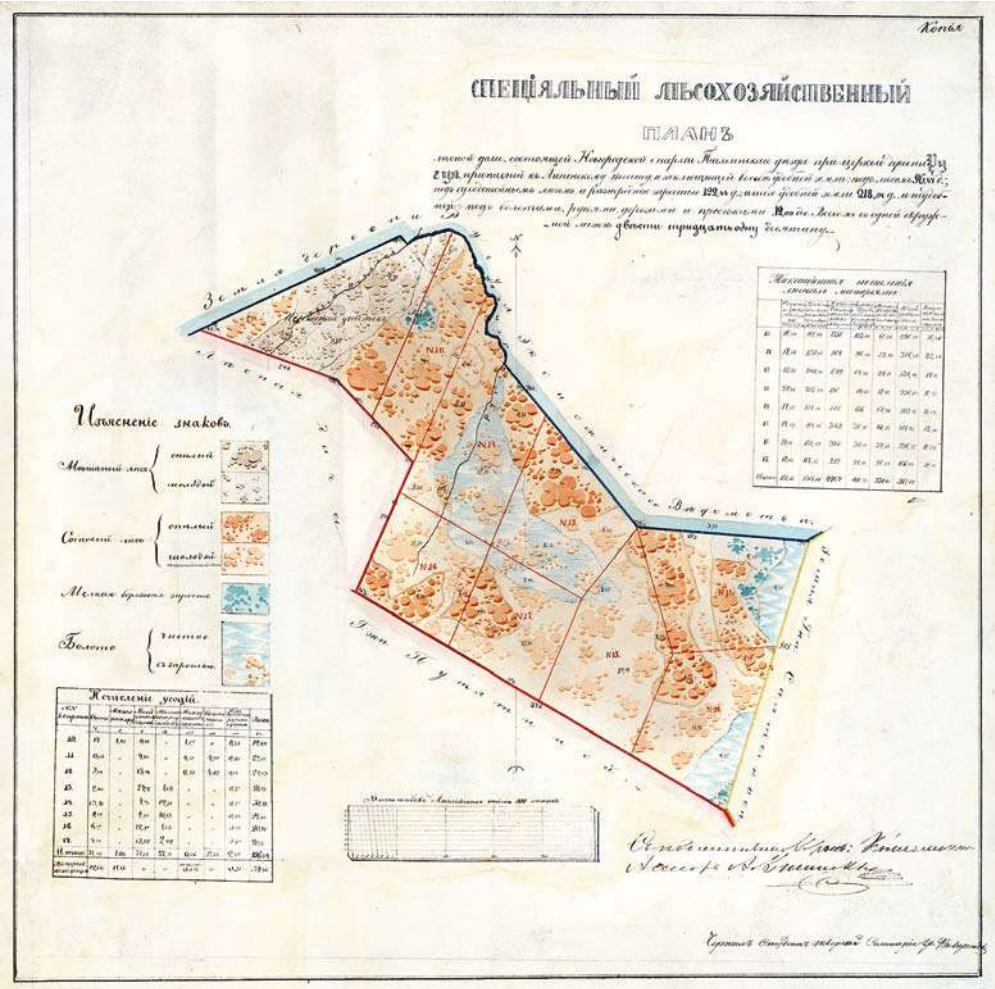

Вепский лес. 2014 г.

Лес в районе Шугозера. 2010 г.

Сосновый лес на правом берегу р. Капша у д. Олонечно. 2012 г.

Лесотехнический план дачи при церкви в д. Ругуй. Тихвинский уезд. Середина XIX в.

В верхней части плана надпись: «Специальный лесохозяйственный план лесной дачи, состоящей Новгородской епархии Тихвинского уезда при церкви деревни Ругуя, приписной к Лишенскому погосту и заключающей в себе удобной земли: под лесом 96,47 д.; под сухостойным лесом и разнородною заростью 122,44 д.; итого удобной земли 218,91 д.; и неудобной: под болотами, ручьями, дорогами и просеками 32,09 дес. Всего же в одной окружной меже двести тридцать одну десятину». Слева внизу на плане нанесены условные обозначения и количество угодий в десятинах. Серым цветом показан смешанный лес, красным цветом — сосновый лес, голубым цветом — березняки. Также на плане показаны заболоченные земли. В верхней части плана (справа) указана стоимость разных видов леса. Масштаб плана выполнен в английских дюймах. Справа в нижнем углу надпись: «Чертил студент Тверской семинарии Гр. Филаретов».

1 десятина = 1,093 га
1 дюйм = 2,54 см

Малое Замошское болото. 2015 г.

Вепсский лес. 2014 г.

Венерин башмачок
обыкновенный

Костяника

Колокольчик
широколистный

Растения Тихвинского края, занесенные в Красную книгу. Ботаническая иллюстрация из книги К. А. М. Линдмана «Bilder ur Nordens Flora». 1917–1926 гг.

Лось

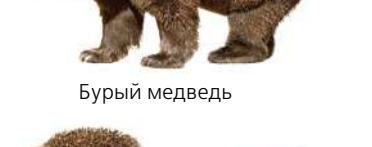
Лисица

Заяц-беляк

Волк

Бурый медведь

Еж

Кабан

**Примеры животного мира
Тихвинского края**

10,9 тыс. га. Характерной особенностью парка является наличие карста. В пределах парка развит преимущественно карст, покрытый континентальными четвертичными отложениями: мореной, флювиогляциальными отложениями и др. Наиболее распространенными карстовыми формами являются воронки и поноры (отверстия в породах в виде дыр, колодцев, трещин), котловины, карстовые овраги, подземные реки и карстовые озера: Леринское (Нурмозеро), Пупозеро. На этих озерах периодически наблюдается изменение уровня водного зеркала — подъем и осушение прибрежной части.

На территории парка находится более 400 озер. Они объединены в 10 озерных групп. Большая их часть находится на территории Тихвинского края. Это «висячие озера», входящие в одноименный резерват. Они находятся в Приоятье. «Висячие озера» лежат на ручьях, пересекающих коренной берег р. Оять, как бы нависая над ними. Перепад высот между озерами и рекой составляет 65–75 м. Также к бассейну Ояти относится Ащозерская группа озер. Этот резерват расположен на Карбоновом уступе и приподнятой Девонской низине. В Ащозеро впадает р. Нижняя Курба с притоками Нойдоя, Бембоя, Кивоя, речки Питкоя и Кузея, а вытекает р. Ащина, несущая свои воды в Оять. Капшозерская группа озер занимает 16,7%

территории парка. В нее входят Капшозеро, Лаукозеро (Алексеевское), Вячеозеро, Долгозеро, Новозеро, Харагинское озеро. В Корвальскую группу входят самые крупные озера парка: Нурмозеро, Леринское и Пупозеро. Нурмозеро — карстовый, бессточный водоем, весной озеро сильно разливается и подтопляет берега и прибрежный лес. Озера Пашозерской группы относятся к водосбору Пашозера. Самым крупным озером здесь является Большое Канжозеро, затем следуют Сяргозеро и Пялозеро.

Большие пространства на территории природного парка «Вепсский лес» занимают болота. Они играют регулируюшую роль климатической, гидрологической и биогеохимической обстановки, являются хранилищами чистых пресных вод. Сфагновые болота являются естественными мощными фильтрами, а болотные воды обладают целебными свойствами. В пределах парка болота встречаются на водораздельных равнинах, на пологих склонах, в межхолмных котловинах и ложбинах, на озерных и речных террасах, в поймах рек. Наиболее широко представлены верховые болота. Основная часть болот природного парка сформировалась путем заболачивания водоемов, сохранившихся после отступления ледника. В некоторых болотных массивах сохранились маленькие остаточные озера. На болотах растет клюква, брусника, голубика, морошка. Болота являются местом обитания разнообразных видов фауны, дают им приют и корм.

В составе флоры вепсского леса преобладают виды бореальные, свойственные среднетаежной подзоне. С севера заходят виды гипоарктические: карликовая береза, вороника, морошка. С юга распространяются виды, типичные для южно-таежной подзоны: липа, вяз, клен, орешник, дуб и др. С запада в Межозерье проникли виды атлантические, относящиеся к наиболее древним, например лобелия. Многочисленные сибирские виды образуют на этой территории западную границу своего ареала и представляют один из древнейших реликтовых комплексов, появление которого относят ко времени валдайского

оледенения. Это ель финская, воронец красноплодный, орлячок сибирский, кувшинка четырехгранная, княженика и др.

На Вепсовской возвышенности встречается много полезных видов растений. Среди них есть лекарственные: валериана, крушина, ложечная трава, мята, ромашка, толокнянка, ландыш, можжевельник, плаун, чистотел и др.; дубильные растения (кора ивы) и красильные: ольха, черемуха, черника, корни щавеля, листья ланжетки, корневища сабельника. В лесу и на полях много съедобных растений. Среди них: сныть, мокрица, рогоз, кувшинка, иван-чай и др. Наряду с полезными видами флоры в лесу и по берегам водоемов можно встретить ядовитые растения. Это — цикута (вех ядовитый), копытень, багульник, волчья ягода, вороний глаз, аконит и др. Часто встречаются виды растений, занесенные в Красную книгу: костяника хмелистная, белокопытник, лобелия Дортмана, полушник озерный, пололепестник зеленый, надбородник безлистный, петров крест чешуйчатый и др.

Коренные леса представлены на возвышенности елью европейской и финской, сосной обыкновенной, березой, осинкой. Еловые леса разнообразны: ельники-зеленомошники, ельники-черничники, ельники-кисличники, ельники крупнотравные и др. Однако коренные зрелые леса сохранились лишь небольшими участками среди обширных вырубок и вторичных лесов. На повышениях моренных холмов встречаются ягельные и брусничные сосновые леса. Во вторичных лесах растут осина, береза повислая и пушистая, ольха. В подлеске встречается клен платановидный, липа сердцевидная, ильм (вяз шершавый). В районе д. Корвала раньше проходила северная граница произрастания дуба.

Животный мир Тихвинского края разнообразен. В довоенное время в лесных дебрях повсеместно можно было встретить лося, оленя (проходом), медведя, косулю, рысь, куницу, барсука, белку, летягу, глухаря, рябчика, тетерева, вальдшнепа и другую живность. Вблизи поселений водились волки, россомахи, лисицы, выдры,

Цапля серая

Тетерев

Глухарь

Лунь полевой

Некоторые виды птиц

Щука

Окунь

Золотой и серебряный караси

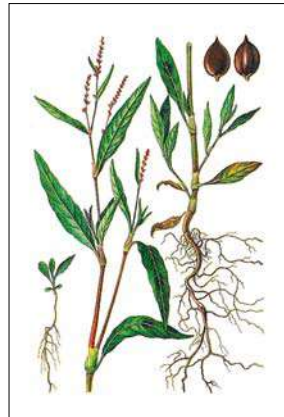
Сырть

Ручьевая форель

Лосось

Кувшинка белая
четырёхгранная

Водяной перец

норки, хорьки, куницы, горностаи, ласки, зайцы. Многие виды этих животных сохранились и до наших дней. Пернатое царство представлено большим количеством видов — около 60. В вепсских лесах обитают: скопа, чернозобая гагара, желна, рябчик, глухарь, тетерев, гусь пискалька, серый журавль. Иногда встречаются малочисленные и редкие виды: цапля серая, гоголь, коршун черный, лунь полевой, лебедь-шипун, пустельга, трехпалый дятел.

Климат региона умеренно-континентальный с коротким теплым летом и продолжительной зимой. В холодные снежные годы продолжительность снежного покрова достигает 120 и более дней в году. Заморозки бывают с начала сентября и до конца июня. Реки покрываются льдом в начале декабря, а вскрываются в апреле. Лето умеренно теплое. Характерной особенностью климата является высокая влажность воздуха. Пересеченный рельеф местности формирует разнообразные микроклиматы.

**Виды рыб, обитающих в реках
и озерах Тихвинского края**

Научное изучение
Тихвинского края.
XIX–XX века

Научное изучение Тихвинского уезда началось в XIX в. Нетронутые природные богатства этого края, большое количество археологических памятников, архаичный образ быта коренного населения, хорошая сохранность старинных говоров и фольклора привлекали сюда исследователей из различных областей науки. На Тихвинской земле работали инженеры, геологи, ботаники, археологи, этнографы, историки, лингвисты, археографы, фольклористы и музыковеды. Собранный ими материал лег в основу многих научных публикаций и вошел в состав коллекций различных учреждений науки и культуры. Большинство ученых, работавших в Тихвинском уезде, были профессионалами своего дела, выдающимися личностями, имена многих вошли в историю науки: Д. Европеус, Н. Е. Бранденбург, А. Е. Бренн, Н. И. Репников, А. И. Колмогоров, В. И. Равдоникас, Э. Н. Сетяля, Л. Кеттунен и др. История научных изысканий рассматриваемой территории заслуживает монографического изучения, однако это дело будущего. В данном разделе приведены лишь основные направления и этапы исследований.

Геологические исследования

Тихвинский край имел значительные запасы недровых богатств. Геологическими разведками конца XIX — начала XX в. здесь были обнаружены залежи огнеупорных глин высокого качества, алюминиевая руда, красный и белый бокситы с очень высоким содержанием металла, минеральные краски (мумия, охра), известь и кварцевый песок исключительной чистоты. Первые сведения о месторождении красных глин, содержащих алюминиевую руду, появились в 1869 г. В начале 1870-х гг. развернулись широкомасштабные изыскания. Инженерами Дитмаром и А. Е. Бренном на землях крестьян Чудского сельского общества по берегам р. Явосьма, по ручью Урьезжа были обнаружены залежи огнеупорных глин. На левом берегу р. Тутока, за д. Никульское, найден пласт цветного мрамора, а под ним — мергель с примесью белой глины, пригодной для изготовления цемента. Также увенчались успехом поиски железной руды. Она была обнаружена недалеко от д. Мелехово (красный железняк). Белую фаянсовую глину удалось обнаружить на р. Паша у д. Мелехово, а в урочище Духовщина (р. Тихвинка) зафиксировали наличие белой огнеупорной глины. В 1890-х гг. в верховьях р. Воложба изысканиями железной руды занимался инженер В. Н. Базырин.

В 1900 г. разведку глин по левому берегу Воложбы проводил местный помещик Н. А. Базылин. Ему удалось обнаружить минерал темно-красного цвета. Однако он и не подозревал, что имеет дело с бокситами. Базылин считал, что открыл железную руду. В 1915 г. месторождение песка у д. Фальково на р. Паша осматривал П. Философов. Он констатировал обнаружение значительных запасов чистейшего

песка, пригодного для производства хрусталя. Временем официального открытия бокситов стал 1916 г. Житель Тихвина инженер Т. П. Тимофеев доставил в Геологический комитет Санкт-Петербурга образцы пород из Тихвинского уезда, которые были определены как алюминиевая руда с большим содержанием кремнезема. В этом же году исследования огнеупорных глин и бокситов проводил В. И. Искюль.

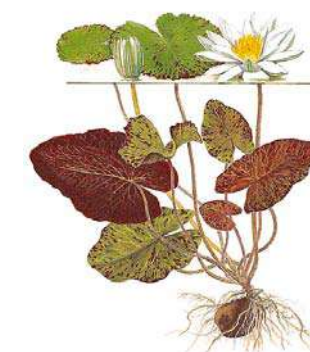
В 1917 г. недалеко от усадьбы Почаево по поручению Геологического комитета разведки бокситов производил М. Василевский. В 1919 г. здесь работал инженер Солдатов. В этом же году по инициативе Тихвинского Совнархоза рекогносцировочные исследования полезных ископаемых в Пикалевском районе проводил горный инженер В. Н. Томилин. Им были обследованы залежи песков в верховьях р. Сясь (д. Елисеево и д. Мачеха) и в районе ст. Пикалево. В 1920–1922 гг. исследования полезных ископаемых в Тихвинском уезде проводил инженер Попов. Спустя два года после окончания этих изысканий сотрудники Геологического комитета С. Ф. Малавкин и Волков произвели геологические разведки и картографирование Тихвинского бокситного района. В 1929 г. в окрестностях Тихвина началось строительство бокситовых рудников, а вскоре был сооружен глиноземный завод.

Ботанические исследования

До второй половины XIX в. флора Тихвинского уезда была практически не исследована. Первые ботанические изыскания в Тихвинском уезде были начаты только в 1870-х гг. Инициатива исследования рек Сясь, Паша и Оять принадлежала известному ученому И. Ф. Шмальгаузену. В 1884 г. флору в районе Пашозера изучал А. А. Антонов. В 1894 г. были предприняты ботанические исследования в самых удаленных районах уезда — на Шидрозере и Нурмозере. Руководил экспедицией А. И. Колмовский. В конце XIX в. в долине р. Сясь работали ботаники Р. Ниман, А. А. Антонов и А. И. Колмовский.

В июне 1919 г. отделом прикладной ботаники ученого комитета Народного комиссариата земледелия в Тихвинский уезд была направлена специальная ботаническая экспедиция. В состав экспедиции входили ботаники Р. Э. Регель, Г. Д. Циинзерлинг и тихвинский исследователь И. А. Киселев. Научные изыскания проходили в районах рек Рагуша, Сясь и Тихвинка. За время работы экспедиции было собрано около 700 видов растений. В этом же году исследованием растительности в бассейне р. Сясь занимался Э. Ф. Дамберг. Он изучал древесные породы, травянистые суходольные и болотные растения. Собранные им сведения и материалы предшествующих экспедиций легли в основу небольшой статьи «Флора», опубликованной в 1925 г. в издании «Природа Тихвинского края».

Кувшинка белая

Первоцвет весенний

Медуница лекарственная

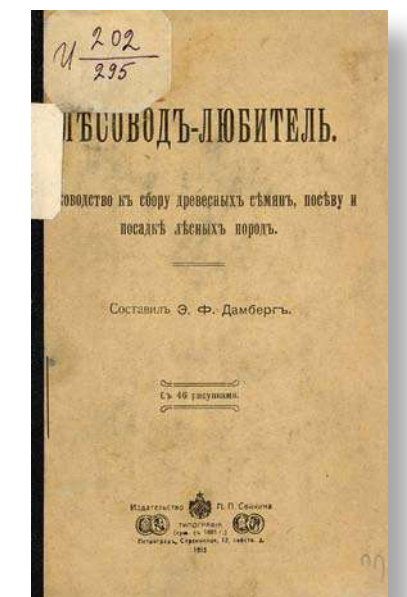
Гусиный лук

Лобелия Дортмана

Растения Тихвинского края

«Лесовод-любитель». 1915 г. Составитель Э. Ф. Дамберг

На стр. 32–33:

Вид на курганный групп у д. Городище с «Чудского городка». 1909 г.

Река Рагуша. 2015 г.

Давид Эммануэль Даниэль Европеус

(рус. *Давид Петрович Европеус*, фин. *David Emmanuel Daniel (Taneli) Europaeus*) (1820–1884)

Будущий фольклорист, этнограф и археолог Давид Европеус родился 1 декабря 1820 г. в бедной семье в Савитайпале (село на юго-востоке Финляндии). Мальчик рано лишился отца. В 1844 г. ему удалось устроиться в Кайани помощником Элиаса Лённрота, который в то время работал над составлением финско-шведского словаря. Европеус увлекся языкознанием и древней историей финских родов. В 1845 г. Европеус получил небольшую финансовую помощь от Финского общества писателей для проведения полевых исследований. В 1845–1853 гг. он проводил полевые исследования в Восточной Финляндии, Олонецкой и Санкт-Петербургской

губерниях; изучал фольклор финнов, карелов, вепсов, ижоры, води, ингерманландских финнов. Во время экспедиций исследователь записал около 2500 рун, многие из которых были включены Элиасом Лённротом во вторую редакцию эпоса «Калевала». В 1847 г. совместно с Августом Альквистом и Пааво Тикканеном основал газету «Суометар» (фин. *Suometar*).

Давид Европеус последние годы своей жизни жил в бедности. 15 мая 1884 г., во время одного из петербургских путешествий, он скончался в больнице для бедных. При содействии русских друзей его тело перевезли в Хельсинки.

Николай Ефимович
Бранденбург (1839–1903)

работы и флористические сборы (С. А. Дыренков). Также к изучению заказника были привлечены ботаники А. Е. Бородина, М. С. Боч и др. Исследования, проведенные С. А. Дыренковым и А. Е. Бородиной, позволили выявить 108 видов сосудистых растений, относящихся к 36 семействам. К 2004 г. было выявлено уже 77 видов мхов (23 семейства) и 438 видов сосудистых растений, относящихся к 91 семейству. Свой вклад в изучение растительного мира Тихвинского края внесла и детская экологическая экспедиция «Живая вода» (журнал «Костер»). С 1993 г. по 1999 г. она работала в районах расселения капшинских и южных вепсов.

Николай Ефимович Бранденбург — генерал, военный историк, писатель, археолог и музейевед. Н. Е. Бранденбург происходил из дворянской семьи, он родился 8 августа 1839 г. в Санкт-Петербурге. После окончания общеобразовательной гимназии в 1857 г. поступил в Кадетский корпус. В 1858 г. получил чин поручика и был зачислен в Кексгольмский гренадерский Императора Австрийского полк. Затем он служил в артиллерийских бригадах. В 1860–1870-х гг. Н. Е. Бранденбург был вольнослушателем факультета восточных языков Петербургского университета.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Николай Ефимович был направлен в действующую армию для сбора материалов об участии артиллерии в боях и других сведений. Воевал под Русуком, Никополем, Плевной. В 1879 г. Бранденбург организовал историческую библиотеку и доисторический отдел Артиллерийского исторического музея, в залы которого открыл свободный доступ, занялся систематизацией музейных коллекций, их пополнением, в том числе архивными документами XVIII в.

После того как Николай Ефимович стал действительным членом Императорского Русского археологического общества (1878 г.), он начал проводить археологические экспедиции в Приладожье. За период с 1878 г. по 1884 г. Н. Е. Бранденбург исследовал около 150 курганов, расположенных в бассейне рек

Паша и Сясь. Результаты раскопок были опубликованы в книге «Курганы Южного Приладожья», изданной Императорской Археологической комиссией.

Во время раскопок 1878–1884 гг. Бранденбург обратил внимание на городище в Старой Ладоге, известное под названием «Рюрикова крепость». К концу XIX в. от этого сооружения остались руины, древние каменные стены и башни находились без надзора и постоянно разрушались местными жителями. Императорское Русское археологическое общество приняло предложение Н. Е. Бранденбурга осуществить раскопки в Старой Ладоге. Николай Ефимович был назначен руководителем экспедиции 1884–1885 гг. и получил средства на проведение работ.

В 1902 г. в связи с подготовкой к 100-летию Отечественной войны 1812 г. был поднят вопрос о создании музея, который включал бы в себя памятники всех войн, что вела Россия. С целью изучения опыта работы военно-исторических музеев за рубежом Николай Ефимович Бранденбург был командирован в поездку по городам Европы. За три месяца он объехал 14 городов и изучил работу 20 музеев, работая в напряженном ритме. Эта работа подорвала здоровье Николая Ефимовича, страдавшего болезнью сердца. После очередного сердечного приступа в Испании Н. Е. Бранденбурга привезли на родину в тяжелом состоянии, и 31 августа 1903 г. он скончался. Похоронили его на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Археологические исследования

На территории Тихвинского края известны различные археологические памятники: мезолитические и неолитические стоянки, городища, селища, курганные могильники, жальники, каменные кресты. Первые любительские раскопки курганов на р. Сясь в 1840 г. проводил некто Ушаков. Однако материалов по этим исследованиям не сохранилось. Самыми первыми в поле зрения профессиональных исследователей попали курганные могильники Приладожской курганной культуры. Их изучение началось в 1870-х гг. В 1874 г. в Тихвинском уезде археологические раскопки проводил Д. Европеус. У д. Залющик, расположенной недалеко от р. Паша при дороге, ведущей в Тихвин, он раскопал самый большой курган. Исследованное сооружение представляло собой холм диаметром более 17 м и высотой около 3 м. В центральной части насыпи, под дерном на глубине около 0,4 м Д. Европеусом был обнаружен очаг, окруженный кладкой из камней. На очаге лежал очажный набор: железная сковорода, железная лопата, глиняные горшки. Вокруг очага располагались пять захоронений остатков кремации, совершенной в стороне от места возведения погребального сооружения, и кальцинированные кости коня. Рядом с погребением мужчины находился богатый погребальный инвентарь: железный топор, стрелы, пряжка от пояса, кресало, костяной гребень в футляре. В грунт были воткнуты меч, два копья, четыре ножа. Среди конских костей были найдены железные удила, плетъ и бубенчик-ботало. С другой стороны от очага находились погребения трех женщин. В самом богатом из них оказались предметы, входившие в комплекс одежды скандинавских женщин: овальные ажурные фибулы, соединенные цепочками; обломки серебряной ложновитой гривны, костяной трубчатый игольник, 60 целых и 20 кусков сплавившихся бусин, шесть дирхемов (конец IX — первая половина X в.). Вещи, найденные в ходе этих раскопок, поступили на хранение в музей Гельсинфорса (Хельсинки) и Парижа.

Курган у д. Заозерье. 1920-е гг.

Вслед за этими работами, в 1878–1886 гг., исследования курганов на р. Паша и р. Сясь были проведены Н. Е. Бранденбургом. Раскопанные им курганы находились у д. Прогаль (р. Паша) и по р. Шижня, у деревень Исаково, Новинка и Саньково. Именно этот исследователь первым зафиксировал курганную группу из 36 насыпей в округе Чудского городка (Городище) на правом берегу р. Сясь и раскопал в ней семь насыпей. Выявленные погребения были датированы X — первой половиной XI в. Исследования этих памятников

позволили ему сделать вывод об их принадлежности средневековому прибалтийско-финскому населению. В 1909 г. этот археологический объект привлек внимание молодого археолога Н. И. Репникова. Во время разведки в Посясье он осмотрел курганную группу у д. Городище на р. Сясь, раскопал пять курганов, обследовал городище и с помощью закладки шурфа зафиксировал наличие на нем культурного слоя.

С 1910 г. по 1916 г. по заданию Московского археологического общества

Жальники — средневековые христианские могильники, существовавшие в период XI–XVI вв. Родовые кладбища. Как правило, жальники располагались на окраинах поселений.

Книга А. И. Колмогорова
«Тихвинские курганы». 1914 г.

Александр Иванович Колмогоров родился 6 октября 1875 г. в Енисейске. Начальное образование получил в местной гимназии, а затем обучался в Красноярской гимназии. После ее окончания выдержал экзамен в Московский университет и поступил на естественное отделение. В годы студенчества А. И. Колмогоров увлекся зоологией и антропологией. В 1902 г. он совершил первую поездку в Финляндию с целью антропологического изучения финнов. После окончания университета и получения диплома 1-й степени в 1904 г. он был оставлен в МГУ «для подготовки к профессуре».

В 1905 г. А. И. Колмогоров начал обследование чухарей (вепсов). Местом для проведения географических, антропологических и этнографических наблюдений стал Тихвинский уезд Новгородской губернии. Эта экспедиция была организована при содействии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ).

Эти работы были продолжены в 1906 г. В этом же году на заседании ОЛЕАЭ Александр Иванович был

избран в члены данного общества, а 15 октября 1907 г. исследования А. И. Колмогорова в Тихвинском крае были отмечены большой серебряной медалью. В 1908 г. исследователь сдал экзамены на соискание степени магистра географии и этнографии и был приглашен на работу в МГУ ассистентом. Через несколько лет Колмогоров стал приват-доцентом. В 1910 г. А. И. Колмогоров продолжил изучение вепсов. Он проводил исследования в северо-западной части Тихвинского уезда и в соседних районах. В 1911 г. Александр Иванович целенаправленно занимался изучением народной медицины, собрал гербарий, который включал более 100 лекарственных трав. В этом же году по поручению Московского археологического общества Колмогоров провел раскопки средневековых курганов в Тихвинском крае.

Наряду с полевыми исследованиями А. И. Колмогоров вел активную просветительскую деятельность. Он преподавал географию в московском Набилковском коммерческом училище и Никола-

евском женском коммерческом училище, читал публичные лекции. После революции 1917 г. А. И. Колмогоров получил звание профессора МГУ и работал на кафедре антропологии при физико-математическом факультете (открыта в 1919 г.). В университете он читал курсы: «Экономическая география России», «Антропология России», «Антропология и этнография России», «Описательное народоведение».

К 1918 г. А. И. Колмогоровым была подготовлена к публикации книга «Вепсы. Опыт монографии народности». Он хотел представить ее в качестве диссертации. За эту монографию (в рукописи) А. И. Колмогорову была присуждена премия Александра Павловича Разцветова — хирурга, антрополога, учредившего на свои средства премию и медаль за антропологические исследования. 24 апреля 1923 г. Колмогоров скончался, он был похоронен на Семеновском кладбище в Москве. Рукопись была безвозвратно утеряна.

Николай Иванович Репников
(1882–1940)

Николай Иванович Репников принадлежал к плеяде известных археологов и историков, первые шаги которых в науке относятся к началу XX столетия. Его научные интересы были тесно связаны с северо-западом России и Крымом. Самостоятельная научная деятельность ученого началась с открытий важнейших археологических памятников, оставленных крымскими готами. Ему посчастливилось исследовать такие уникальные археологические объекты, как Старая Ладога, городище Эски-Кермен, готский могильник Суук-Су, пещерные города Крымского нагорья, Чудской городок на р. Сясь в Тихвинском уезде.

Н. И. Репников родился в Санкт-Петербурге 9 апреля 1882 г. В 1900 г. он окончил коммерческое училище. С ранних лет у Николая Ивановича проявился интерес к «древностям», который и определил дальнейшую судьбу юноши. В 1902 г. он продолжил свое образование в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте. Одновременно с учебной началась трудовая деятельность исследователя. Н. И. Репников был приглашен на должность внештатного научного сотрудника Археологической комиссии. В 1904 г. он поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Годы учебы в высшем учебном заведении стали временем становления Н. И. Репникова как археолога-полевика, искусствоведа и этнографа.

В 1910 г. началось сотрудничество исследователя с этнографическим отделом Русского музея (ЭО РМ),

где он впоследствии работал в должности коллежского регистратора и хранителя археологической коллекции музея, которая в те годы насчитывала свыше 5000 предметов. Многие годы в летний период Николай Иванович проводил археологические изыскания. Свои первые «Открытые листы» на производство археологических раскопок в Старой Ладоге (1910–1913 гг.) и в Тихвинском уезде он получил по ходатайству ЭО РМ. Зимой 1916 г. Н. И. Репников посетил северную часть Тихвинского уезда, провел рекогносцировку в вепсских деревнях.

За время плодотворного сотрудничества с музеем Н. И. Репниковым был собран уникальный фотоматериал, посвященный раскопкам Староладожского городища, церкви Святого Климента, приходским церквям и часовням Новоладожского и Лодейнопольского уездов, и материал раскопок у д. Городище Тихвинского уезда (14 коллекций). Результатом проведенных исследований стали публикации и многочисленные фотографии, часть из которых была выполнена фотографом В. М. Машечкиным, а другая — самим исследователем. В последующие годы Н. И. Репников работал в Эрмитаже, в Государственной академии истории материальной культуры, собирал материал о жальниках, изучал иконопись. Также он консультировал В. И. Равдоникаса во время возобновления раскопок Староладожского городища. В конце 1930-х гг., будучи в Старой Ладоге, он упал с лестницы и впоследствии долго болел. Николай Иванович скончался 25 декабря 1940 г. в Ленинграде.

А. И. Колмогоров занимался изучением жальников. Он раскопал могильники у деревень Селище, Рандога, Рыбесжка, Павловские Концы, Пяхта и др. Основной целью археологических исследований было становление связей населения Юго-Восточного Приладожья с современными кайванами. Итоговый отчет по своим археологическим изысканиям А. И. Колмогоров представил 14 октября 1914 г. на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; доклад назывался «О курганном населении Новгородской губернии». К 1915–1916 гг. им был

собиран и проанализирован материал по теме «Курганные жальники Новгородской и Тверской губернии». Антропологические и вещевые находки, обнаруженные в ходе раскопок, были переданы в Антропологический музей Московского университета (туда же были сданы на хранение 500 фотографий) и в Исторический музей в Москве.

В 1915 г. по поручению Тихвинского отделения Новгородского общества любителей древностей тихвинец В. И. Равдоникас произвел раскопки одного из самых крупных курганных могильников, располагавшегося в верховьях р. Сясь у с. Дрегли. В то время памятник насчитывал 100 насыпей высотой от 0,3 до 2,5 м и диаметром от 4 до 12 м. В девяти курганах, исследованных В. И. Равдоникасом, были обнаружены погребения с западной ориентировкой и предметы, датируемые XI–XII вв.: бусины из сердолика, хрусталя и стекла, бисер, височные кольца из серебра, ножи, глиняные горшки. В этом же году он провел обследование сопки у д. Новоандреево. Исследователь был близок к открытию первого селища в этом регионе, которое могло бы стать одним из интереснейших памятников. Однако найденные им на огородах деревни фибула с многогранными головками и лировидная пряжка не натолкнули его на мысль о распаханном культурном слое.

С 1926 г. по заданию Академии наук СССР В. И. Равдоникас начал систематическое изучение памятников Юго-Восточного Приладожья. Он исследовал 21 курган у д. Красная Заря (Бесовы Харчевни). Эта курганная группа была датирована XI–XII вв. Отдельные погребения без инвентаря относились к XIII в. Среди находок были немецкая монета (Вормс, Генрих III, 1039–1046) и монета-подвеска (Вормс, Оттон II, 973–983). За весь период исследований В. И. Равдоникасом и его коллегами было раскопано 114 курганов в 33 пунктах и две сопки у д. Красная Заря. В раскопках пяти курганов у д. Чехихино участвовал археолог Т. Арне. В 1930 г. В. И. Равдоникас продолжил исследования поселения у д. Городище, начатое Н. И. Репниковым. Он заложил два раскопа общей

Сопка у д. Красная Заря
(Бесовы Харчевни),
1920-е гг.

площадью 240 м². Исследования этого поселения подтвердили сохранность культурного слоя с лепной и гончарной керамикой на всей площадке городища. В 1937 г. по рекомендации Н. И. Репникова археологические разведки по р. Капша проводил сотрудник Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) Н. Н. Чернягин. Он обследовал курганы у деревень Бечугино, Витуй, Дмитровка. Это были последние предвоенные работы в Тихвинском районе.

Археологические исследования на территории Тихвинского края возобновились в 1957 г. и продолжаются до настоящего времени. В 1960–1980-х гг. здесь работали новгородские, ленинградские и петрозаводские археологи Т. Л. Верхоубова, В. Я. Конецкий, В. А. Кольчатов, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко, О. А. Пескова, Ю. Н. Урбан, С. И. Кочкуркина и сотрудник Тихвинского музея И. П. Крупейченко. В 1965 г. он вместе со школьниками г. Тихвина проводил раскопки у д. Новоандреево (р. Сясь), в 1966 г. исследовал несколько курганов в д. Еремина Гора (р. Капша), а с 1967 г. по 1969 г. руководил раскопками курганов у д. Чехихино (р. Сясь). Этот же исследователь на протяжении четырех полевых сезонов

проводил раскопки курганов, расположенных на р. Тихвинка у д. Горелуха (1962, 1963, 1978, 1979 гг.).

В 1970 г. В. А. Назаренко в ходе археологических разведок, проводившихся в Тихвинском районе, посетил Сясьское городище (Чудской городок) и обнаружил, что большая его часть уничтожена карьером. В то время казалось, что памятник потерян для науки. В 1971 г. отряд Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР решил еще раз проверить сохранность культурного слоя городища и заложил на городище шурф. Однако дальше этого исследования не пошли. В 1970–1971 гг. исследования и раскопки курганов по р. Капша проводил восточный отряд северо-западной археологической экспедиции кафедры археологии ЛГУ под руководством В. А. Кольчатова. В ходе этой экспедиции были выявлены новые могильники, расположенные у деревень Виногора, Ганьково, Лихачево, Михалево, Олончана. На распаханном поле у деревень Ганьково и Давыдовщина была обнаружена позднесредневековая керамика. А недалеко от д. Максимова Гора (р. Воложба) на поле была обнаружена керамика XII–XIII вв. В 1972 г. В. А. Назаренко

Камень-чашечник
со «следом лося»
у д. Воложба.
1990 г.

Камень со знаками
у д. Плесо.
1990 г.

снял план курганный группы у д. Городище, которую открыл Н. Е. Бранденбург. К этому времени в могильнике было только 26 насыпей, причем все они были раскопаны.

В 1970-х гг. экспедицией Новгородского музея были продолжены археологические исследования курганного могильника у с. Дрегли, начатые в 1915 г. В. И. Равдоникасом. К этому времени археологи Т. Л. Верхорунова и В. Я. Конечный обнаружили на берегу р. Дреголька всего 40 курганов. Остальные были разрушены в ходе хозяйственной деятельности. За время работы экспедиции удалось исследовать 23 кургана и две жальничные могилы и произвести разведочные работы на селище. Все курганы содержали погребения по обряду трупоположения в больших ямах. В 17 раскопанных насыпях были выявлены погребения с большим количеством сопровождающих вещей. Среди них были: провололочные и ромбоштитковые височные кольца, ожерелья из бусин, отдельные бусины и бисер, пластинчатый перстень, монетовидная подвеска, ножи, гончарные сосуды и монеты (Дортмунд, Генрих II, 1014–1024, Утрехт, еп. Вильгельм, 1054–1076).

В 1970–1980-х гг. раскопки курганов приладожской курганной культуры продолжил И. П. Крупейченко. В 1970–1972 гг. и с 1975 г. по 1977 г. он исследовал могильники, расположенные на р. Капша у д. Орехово. В полевые сезоны 1973 и 1974 гг. он раскопал часть курганов, расположенных в районе Шугозера; в 1980-е гг. были раскопаны несколько курганов у деревень Карасенка, Липная Горка, Лихачево и у Смоленского шлюза. В целом за три десятилетия И. П. Крупейченко было раскопано 40 курганов.

До 1980-х гг. на территории Тихвинского края памятники эпохи мезолита, неолита и раннего металла были известны лишь по случайным находкам кремневых и сланцевых орудий. Для целенаправленного поиска стоянок в указанное время была создана Ленинградская областная комплексная экспедиция под руководством Ю. Н. Урбана. Ее внимание

Неолитическая стоянка.
Пашозеро. 2010 г.

было сконцентрировано на поиске памятников древнейших эпох. В 1985–1987 гг. Ю. Н. Урбану в ходе археологических разведок удалось обнаружить первые стоянки эпохи камня, были начаты раскопки стоянки Белое-1, расположенной в 8 км от ст. Тургошь. В культурном слое памятника был обнаружен инвентарь мезолитического облика: ножи и ножевидные пластины из кремня, скребки, нуклеусы. Проведены исследования стоянки Карасинка-1. В 1991 г. Ю. Н. Урбан обнаружил стоянку Меженка-2, расположенную на одноименной речке. Здесь также были обнаружены ножевидные пластины и отщепы кремня. Этим же археологом были найдены неолитические стоянки на оз. Вожанское, оз. Забельском и Песочном у д. Бор, на берегах Шугозера, Пашозера и Шидрозера. Наиболее древним памятником, обнаруженным во время разведок, была стоянка у д. Забелье. При ее раскопках был найден инвентарь эпохи раннего неолита, близкий по облику верхневолжским находкам.

В 1989–1990 гг. вологодскими археологами Н. В. Косоруковой и А. Н. Башенькиным были открыты две мезолитические стоянки по берегам р. Лидь и у д. Лиственка (р. Колпь). Летом 1990 г. на стоянке

Лиственка были проведены археологические раскопки, вскрыто более 100 м² поселения. В ходе раскопок удалось обнаружить углубленное в материк жилище, хозяйственные ямы. Количество находок было значительным: скребки, резцы, ножи, наконечники стрел, сланцевый топор, кварцевые скребки.

Археологические раскопки на территории Тихвинского Большого Успенского монастыря были начаты в 1983 г. Они проводились НИИ «Спецпроектреставрация». В течение пяти полевых сезонов в археологических исследованиях участвовала ленинградский археолог А. А. Никонова. Проведенные исследования показали хорошую сохранность культурного слоя на территории монастыря. Стратиграфия его ранних слоев практически не была нарушена поздними перекопами. За время раскопок была собрана разнообразная коллекция вещественных источников XVII–XIX вв. Одной из многочисленных групп находок были кузнечные изделия: топоры, долота, замки, ключи, ножи, подковки, рыболовные крючки. Также были найдены стеклычатые окончины, свинцовые переплеты. Между Трапезной палатой и Поваренным корпусом были найдены изделия из дерева: лопаты,

Неолит — новый каменный век, завершающая стадия эпохи камня, характеризуется использованием каменных и костяных орудий (в том числе изготовленных с помощью техники пиления, сверления и шлифовки). В неолите широкое распространение получила глиняная посуда.

лапти, фрагменты кошелей и бондарных изделий, строительные детали и большое количество фрагментов глиняной посуды.

Летом 1987 г. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР при участии Объединения музеев Ленинградской области и исторического факультета ЛГУ продолжили исследование комплекса археологических памятников у д. Городище на р. Сясь. Здесь была раскопана курганный насыпь высотой 2,2 м и диаметром 18 м. В ней было обнаружено трупосожжение (кости принадлежали человеку и лошади). По находкам это погребальное сооружение было датировано второй половиной VIII — IX в. В насыпи кургана были обнаружены фрагменты неолитической керамики, орудия из кремня и сланцевое тесло. Вероятно, на месте, где был сооружен курган, ранее находилась неолитическая стоянка. Также в этом году возобновились исследования сохранившейся части Городища. Их проводили А. Д. Мачинская и О. И. Богуславский. Небольшие раскопки показали перспективность дальнейших работ на этом памятнике. В последующие годы работы на Городище были продолжены. В них принимали участие О. А. Щеглова и Т. Б. Сениченкова. В ходе исследований удалось обнаружить сооружения, связанные с металлургией. В культурном слое были найдены бусины, фрагмент серебряного дирхема второй половины VIII — первой половины IX в. и лепная керамика.

В 1990–1991 гг. исследования в верховьях р. Лидь (район расселения южных вепсов) начала Северорусская археологическая экспедиция Вологодского педагогического института под руководством А. Н. Башенькина. В ходе полевых исследований у деревень Чайгино и Тедрово удалось обнаружить два курганно-жальничных могильника, одиночный курган и два грунтовых могильника. В могильнике Чайгино-1 под курганный насыпью были обнаружены два наиболее ранних погребения — женское и мужское, находившиеся в могильных ямах. По инвентарю погребения были датированы

XI–XII вв. Рядом с курганом было вскрыто 10 погребений с каменными конструкциями; умершие были захоронены в колодах (XV–XVI вв.).

В 1991–1992 гг. археологические разведки в рассматриваемом регионе проводил археолог А. В. Ильин. В период с 26 июня по 11 июля он обследовал долину р. Тихвинка от д. Большой Двор до д. Чевакино. На этом участке, на правом берегу реки у д. Труфаново, был зафиксирован жальник, который местное население называло «Старая старуха». Еще несколько жальников были зафиксированы у деревень Верховье, Врачево, Деревя, Касково, Михалево, Плутино, Пшеничниково, Семеново, Старина, Чевакино. Также во время разведки были осмотрены курганные насыпи у Орловского шлюза, д. Пшеничниково и д. Яковлево; у д. Горка исследователь зафиксировал культовый камень, а в д. Верховье осмотрел каменный крест с жальника.

В конце июля — начале августа разведочные работы проходили на р. Явосьма между деревнями Давыдовщина и Чуганово и на участке этой же реки от д. Ушаково до д. Григино. Во второй половине августа исследования проходили по р. Лидь от Святозера до пос. Заборье. У д. Плеска А. В. Ильин зафиксировал культовый камень, расположенный на левом берегу р. Лидь. Этот камень когда-то находился в часовне. Также во время этой разведки был осмотрен жальник, расположенный у д. Плотаниха. В 1992 г. А. В. Ильин проводил археологические разведки на территории Новоандреевского сельсовета. У д. Новоандреево им были осмотрены сопки, у д. Заручье и д. Кострино обнаружено позднесредневековое селище. Особое внимание исследователь уделил сбору информации о жальниках и культовых камнях (деревни Воложба, Городище, Заручье, Захожа, Плесо).

Целенаправленный поиск средневековых селищ в рассматриваемом регионе был начат в 1993 г. и проводился до 2000 г. Эти работы выполняла Этноархеологическая экспедиция Российского этнографического музея (Л. В. Королькова). В ходе археологических разведок, проходивших

по рекам Сясь и Тихвинка, удалось обнаружить 12 средневековых поселений. Из них семь — на р. Сясь: Мелегежская Горка (Новоандреево), Октябренок, Петровское-2, Петровское-3, Петровское-4, Чемихино-1, Чемихино-2. Два селища обнаружены на р. Тихвинка: Овино-9, Заручье. Еще два памятника были зафиксированы в междуречье Тихвинки и Паши на Залющицком и Заозерском озерах. С 1994 г. по 2003 г. Л. В. Королькова проводила раскопки на поселениях Овино-9 (XI–XII вв.), Петровское-2 (XI–XIII вв.) и Петровское-3 (XV в.). Также поиск поселений производился по р. Воложба и ее притокам Пярдомля и Лининка. В ходе археологической разведки 2000 г. на территории бывшего Климентовского погоста были зафиксированы 13 средневековых селищ. Керамика курганного времени была обнаружена на месте бывшей д. Головинское (Мозолево), на распаханых полях у деревень Максимова Гора и Колбеки. На остальных селищах была обнаружена керамика XV–XVI вв.

В 1990-х гг. продолжился поиск памятников эпохи камня. О. М. Тихомирова на протяжении трех полевых сезонов проводила раскопки многослойной неолитической стоянки, расположенной при впадении р. Луненка в р. Сясь. На этом поселении были обнаружены большое количество орудий из кремня и сланца, фрагменты керамики, орнаментированной оттисками гребчатого и круглого штампа. Во время совместных археологических разведок, проводимых Л. В. Корольковой и О. М. Тихомировой, были обнаружены неолитические стоянки на Залющицком озере и на р. Сясь, недалеко от Ильинского погоста. В последующие годы во время археологических разведок, проводимых Л. В. Корольковой на Капшозере, была зафиксирована новая неолитическая стоянка. В 1997 г. была обнаружена мезолитическая стоянка на Шидрозере. А в 2000 г. первое местонахождение эпохи камня было зафиксировано на р. Воложба. В эти же годы поиск памятников эпохи камня на Леринском озере был предпринят Т. М. Гусенцовой.

Лингвистические и археографические исследования

Первая лингвистическая экспедиция была организована финским исследователем Юхой Куйолой в 1911 г. Разрешение на эту поездку было выдано Новгородским губернатором. За полтора месяца исследований Ю. Куйола обследовал всю карело-язычную Тарантаевскую волость. За время работы в карельских деревнях было записано шесть сказок, 217 лексем, около 2642 карельских слов. Самый большой по объему и значимости материал был записан в д. Бирючево. Этот материал был опубликован в 1932 г. Э. Лескинем. В 1916 г. в районе расселения южных вепсов (д. Пятино и д. Радогоща) работали финские ученые: лингвист Э. Н. Сетяля и фольклорист и музыковед А. О. Вайсенен. Первый фиксировал данные о языке вепсов, а второй собирал музыкально-песенный фольклор. Впервые в этой экспедиции был применен фонограф. С его помощью были записаны сказки, заклинания и наигрыши. Собранный лингвистический материал в настоящее время хранится в Государственном архиве Финляндии, а остальные записи — в Национальном музее Финляндии. Зимой 1917–1918 гг. Тихвинский уезд посетил Л. Кеттунен. Он проводил исследования в деревнях южных вепсов. Эти материалы были переданы на кафедру прибалтийско-финских языков Хельсинкского университета, а фотографии по этнографии вепсов, сделанные в деревнях Кортала, Радогоща, Чайгино, поступили в фотоархив Музейного ведомства в Хельсинки.

В 1931 г. на северо-востоке Тихвинского района работала вепсская лингвистическая экспедиция Яфетического института (Ленинград). Ее руководителем был аспирант русско-финской секции Комиссии по изучению племенного состава населения Григорий Харитонович Богданов. Основной целью исследований стал сбор

Эмиль Нестор Сетяля
(1864–1935)

Эмиль Нестор Сетяля — известный финский языковед, политик и государственный деятель, основоположник финно-угорского сравнительного языковедения, родился 27 февраля 1864 г. в Кокемяки (город в провинции Сатакунта в западной Финляндии).

После получения высшего образования он работал в Гельсингфорском университете; с 1893 г. по 1929 г. занимал должность профессора финского языка и литературы. Помимо лингвистики Сетяля увлекался этнографией, фольклором финно-угорских народов. В 1888–1890 гг. он выезжал с экспедицией в район расселения вепсов с целью изучения их языка и традиционной культуры. Эмиль Сетяля много времени уделял издательской работе, вместе с К. Круном издавал журнал «Finnisch-ugriscbe Forschungen» («Финско-угорские исследования»). Наряду с этим он активно занимался общественно-политической деятельностью. Был депутатом сейма. С 1913 г. по 1914 г. Эмиль Сетяля являлся президентом Финской академии наук и литературы. Ученый также был членом партии младофиннов, принимал участие в работе Финского сената. С 7 по 15 ноября 1917 г., будучи Председателем Финского сената, фактически являлся главой провозгласившей независимость Финляндии. В 1925 г. он занимал пост министра образования Финляндии, а в 1926 г. — пост министра иностранных дел. В это же время Сетяля стал канцлером университета в Турку. До последних лет жизни он сохранял интерес к науке. Эмиль Нестор Сетяля скончался 8 февраля 1935 г. Похоронен на кладбище Хьетаниеми в Хельсинки.

материалов для создания вепсской письменности, букварей и учебников. В состав лингвистического отряда вошли профессор Д. В. Бубрих, ассистент Карельского научного центра М. М. Хямяляйнен, студент отделения национальных меньшинств педагогического института им. Герцена А. М. Михкиев и местный житель — вепс Гирькин. В Тихвинском районе вепсская лингвистическая экспедиция начала работу в марте. Ее маршрут проходил через вепсские деревни от Пелдушского погоста (Приоятье) до Пелушского (южные вепсы).

Сотрудники экспедиции проверяли сведения по вепсскому языку, собранные финским профессором Л. Э. Кеттуненом (1917 г.). Итогом работы стали довольно значительный текстовый материал и 1600 словарных карточек. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что вепсский язык является самостоятельным языком, поскольку имеет своеобразную смысловую, грамматическую и звуковую структуру, в общем отличную от структуры других западно-финских языков.

Летом 1934 г. на востоке региона (Ефимовский и Капшинский районы) исследование вепсов проводила международная лингвистическая экспедиция. В ее состав

входили трое финских ученых: профессор Л. Э. Кеттунен, Л. Пости и П. Сиро. От этнографического отдела Русского музея (Ленинград) в этой научной поездке принимала участие сотрудник музея М. Ю. Пальвадре. Помимо лингвистического материала в экспедиции были собраны сведения о социально-экономическом положении вепсов и национальном строительстве, записаны предания о войне с Литвой, о чудских могилах, о местных разбойниках, о почитании жальников и пустошей, связанных со старыми поселениями. В последние предвоенные годы на северо-востоке Тихвинского края этнографический материал собирал сотрудник Музея антропологии и этнографии

Н. Н. Волков. В настоящее время они хранятся в МАЭ РАН (Ф. 849).

Систематическое изучение говоров вепсов началось с конца 1950-х гг. Исследования проводили сотрудники Карельского научного центра РАН — лингвисты Н. И. Богданов, М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. За время работы экспедиции был собран ценный лексический, фольклорный и этнографический материал по культуре южных вепсов. Значительная часть этой информации вошла в сборник «Образцы вепсской речи». В 1965 г. были организованы лингвистические исследования тихвинских карел. Эту работу проводили М. И. Муллонен, В. Д. Рягоев и др. Собранный материал лег в основу книги «Образцы карельской речи: Тихвинский говор собственно карельского диалекта» (1980).

Первая археографическая экспедиция с посещением г. Тихвин была организована в 1809–1811 гг. Ее возглавлял член Российской Академии наук, историк К. М. Бороздин. В составе экспедиции работал палеограф, конференц-секретарь Академии художеств А. И. Ермолаев. Итогом этих исследований стал альбом акварелей и рисунков, на листах которого запечатлены типы тихвинских головных уборов и виды Тихвина, чертежи некоторых предметов из монастырских ризниц.

Археографическая работа была возобновлена лишь в 1988–1990 гг. В это время в ряде деревень Бокситогорского района работала археографическая экспедиция под руководством Д. О. Цыпкина. Археографическая работа велась в тесном контакте с этнографами. Во время экспедиции удалось приобрести ряд изданий и рукописей, принадлежавших ранее местной книжнице и наставнице старообрядцев М. Ф. Ерошонковой. Среди них — Тропарь и канон св. Симеону Богоприимцу XX в., Служебник и Уставной сборник XIX в. и др. В д. Бирючево были обнаружены две старинные книги: Житие и служба св. Николаю Миркилийскому (1640) и Требник (1647). Из книжного собрания О. И. Кудряшовой собирателям были переданы Триодь постная, изданная в Москве в 1604 г., и Канонник (1651).

Фольклор. Этнография. История

Первые записи фольклора Тихвинского уезда были собраны в конце 1830-х гг. и опубликованы в 1840 г. тихвинским землевладельцем Г. И. Парихиным. В 1852–1853 гг. старинные песни, детские и взрослые игры, свадебные обряды, описания молодежной беседы, поверья и суеверия, пословицы и поговорки, а также образцы тихвинского говора были записаны в Тихвине и деревнях учителем Тихвинского уездного училища А. Невинским. Эта работа проводилась по заданию Академии наук (Санкт-Петербург), записанная информация предназначалась для академического областного словаря. Невинскому удалось собрать значительное количество устаревших русских слов, широко бытовавших в то время в Тихвинском крае: баркан — морковь, кокорочки — блины, лемка — рот, меденица — пчела, типтуха — курица и др. В 1880-е гг. некто Владо Николаевич записал в Тихвинском уезде материал об «остатках языческих жертвоприношений». В настоящее время эти источники хранятся в архиве Русского географического общества (РГО).

Тихвинские учителя, помещики, дворяне и служащие приняли участие в этнографическом проекте конца XIX в. князя В. Н. Тенишева. Этот проект предполагал сбор материалов о быте русского населения Европейской России. Руководством к работе служила «Программа», составленная в Этнографическом бюро. Она включала этнографический вопросник и рекомендации для корреспондентов о том, что именно следует наблюдать и фиксировать в районе их проживания. В посылаемых корреспондентам циркулярах указывалось, какой материал следует собирать в первую очередь, а какой не представляет научной ценности.

Одним из корреспондентов Этнографического бюро был Н. Н. Бруханский, его имение Лесок находилось на р. Пчевжа в Нелашецкой волости. В одном из своих писем, адресованном в Этнографическое бюро, он обосновывал необходимость своего участия в проекте: «Приступая к настоящему, весьма интересующему меня

труду, считаю нужным выяснить то обстоятельство, что я родился, вырос и прожил в описываемой местности с лишком 20 лет; постоянные сношения лично мои и моих родителей — старинных местных помещиков с окружающими наше имение крестьянами дали мне возможность вполне изучить их быт. Много способствовала этому и деятельность моего отца, местного земского начальника. Именно на основании этих обстоятельств беру на себя смелость давать ответы на вопрос «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России»¹. Имение, в котором в летнее время проживал Н. Н. Бруханский, находилось вблизи деревень Дорожницы, Лашино и Среднее Село (р. Пчевжа). Именно там в 1898 г. он записал этнографический материал. Со знанием дела Николай Николаевич описал местное крестьянство, условия жизни, сельское хозяйство, подсобные занятия, одежду сельского общества.

Сведения о крестьянах, проживавших на территории западной части Сугоровской волости (р. Сясь), собрали учителя Воскресенского образцового училища В. А. Четвериков и А. Ершов (1899 г.). Последнему эту работу уступил тихвинский уездный предводитель дворянства,

Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942)

¹ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 726. Л. 1.

Евгений Александрович Ляцкий — известный литературовед, литературный критик, публицист, прозаик, поэт, этнограф, почетный доктор Белградского университета, почетный член Союза русских писателей и журналистов в Праге. Родился в Белоруссии в семье дворянина-землевладельца. В 16 лет Евгений Александрович, будучи еще гимназистом, увлекся изучением народного творчества и занялся сбором фольклора. В 1889 г., после окончания Минской гимназии, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. По окончании учебы в 1893 г. по предложению известного фольклориста профессора В. Ф. Миллера Е. А. Ляцкий был оставлен при университете для написания магистерской работы.

В 1899 г. Евгений Александрович переехал в Санкт-Петербург, где был принят на работу в качестве библиотекаря в Императорскую Публичную библиотеку. В январе 1902 г. он был зачислен в ЭО РМ старшим этнографом и хранителем библиотеки Русского музея до января 1907 г.

Евгений Александрович Ляцкий стоял у истоков создания этнографической коллекции Русского музея. С первых лет работы этнографического отдела им была создана корреспондентская сеть, в которую входили и представители от Тихвинского уезда

Новгородской губернии. Летом 1902 г. состоялась первая поездка Ляцкого в Тихвинский уезд, там он посетил ряд русских и вепсских деревень Красноборской и Пелдушской волостей: Пирозеро, Вонозеро, Пелдуши, Мягозеро и др. По итогам его поездки были сформированы две фотографические коллекции и вещевая коллекция.

В январе 1907 г. Е. А. Ляцкий вышел в отставку в чине статского советника. В его послужном списке указаны следующие награды: польские ордена Святого Станислава 1-й и 2-й степеней и российский орден Святого Владимира 4-й степени «За полезную и плодотворную деятельность». В конце 1917 г. Ляцкий уехал в Финляндию, а затем в Швецию. В 1920 г. он организовал в Стокгольме издательство «Северные огни» (1920–1921). Был редактором и издателем журнала «Около России». С 1922 г. жил в Праге, преподавал на кафедре русского языка и литературы в Карловом университете. В 1923–1926 гг. Ляцкий руководил пражским издательством «Пламя», редактировал газету «Огни», сотрудничал в журналах «Новая русская книга», «Русский архив», в газете «Воля России», печатался в «Научных трудах Русского народного университета в Праге» и др. Умер Е. А. Ляцкий 7 июля 1942 г. в Праге, похоронен там же, на Ольшанском кладбище.

Лаури Эйнари Кеттунен — известный финский лингвист, этнограф, член Финской академии наук. Он родился 10 июня 1885 г. в семье фермера в Йоринене. В 1905 г. закончил школу в Куопио (административный центр провинции Северное савао). Высшее образование получил в Гельсингфорском университете, закончил его в 1908 г. со степенью бакалавра. В университете он познакомился с известным лингвистом Эмилем Сетяля и в дальнейшем сотрудничал с ним. В 1913 г. Лаури Кеттунен защитил докторскую диссертацию в Музее Кодавера, в 1914 г. стал доцентом Гельсингфорского университета. С 1920 г. по 1925 г. преподавал в университете Тарту, а в 1929 г. был назначен экстраординарным профессором прибалтийско-финских языков в Хельсинкский университет.

Лаури Кеттунен неоднократно принимал участие в научных экспедициях, в том числе и в тех, которые работали в районах расселения вепсов. Последняя его экспедиция в Тихвинский край состоялась в 1934 г. Помимо языкознания Лаури Кеттунен проявлял интерес к литературе, он писал прозу, стихи (публиковался под псевдонимом Тойво Хови Кеттунна). В 1935–1937 и в 1940-х гг. Лаури Кеттунен выезжал для чтения лекций в Будапешт. В 1953 г. он вышел в отставку. Исследователь активно участвовал в деятельности финно-угорского общества. В 1959 г. получил премию Финской академии наук за исследования в области балтийско-финских языков. 2 февраля 1963 г. Лаури Эйнари Кеттунен скончался.

Повозка с предметами, собранными А. В. Лесковой для Этнографического отдела Русского музея (экспедиция Е. А. Ляцкого). Деревня Вонозеро. 1902 г.

Анна Васильевна Лескова

Анна Васильевна Лескова принадлежала к роду священников Лесковых, которые служили в Соцком и Мягозерском приходах. Образование она получила в Державинском училище (Званка) Новгородской губернии. В этом заведении с 1869 г. обучались девицы духовного звания, оно готовило учительниц для церковно-приходских и земских школ. В Тихвинский уезд А. В. Лескова приехала в 1880 г. В 1883 г. она была назначена народной учительницей в Печевскую земскую школу Пелдушской волости. В то время во всей этой волости было всего два грамотных старика. На долю молодой русской учительницы выпало немало испытаний. За первые 18 лет работы в Пелдушах (Печевицах) А. В. Лескова обучила грамоте около 200 человек, среди которых большинство составляли вепсы.

В 1902 г. она охотно откликнулась на призыв оказать содействие этнографическому отделу

поскольку Ершов нуждался в деньгах. В тетрадях, присланных в Этнографическое бюро, был представлен материал о лесных работах, народной демонологии, охоте и рыболовстве, о крестьянской свадьбе и о местных старообрядцах.

В этой же волости записями этнографического материала в деревнях Гавшино, Дорошево, Звягино, Новая, Устье, Халезево, Черенцово и Чехихино занимался учитель двухклассного народного образцового училища в с. Ильинское В. И. Иванов, выпускник новгородской учительской Александровской школы (1898–1899 гг.).

Русского музея в сборе материалов по вепсской этнографии. Нужно отметить, что А. В. Лескова принадлежала к тем людям, которые почитали обращение ученых к ним за честь, а свою деятельность — долгом. Анна Васильевна сотрудничала с музеем в 1902–1903 гг., была в числе корреспондентов Е. А. Ляцкого.

А. В. Лескова приобретала для ЭО РМ предметы музейного значения, записывала тексты песен народного исполнителя Степана Богданова, описывала жизнь и быт вепсов, их обычаи и обряды. Также А. В. Лесковой был составлен русско-чухарский словарь, насчитывающий 2820 слов на средневепском диалекте. В настоящее время он, как и другие ее рукописи, хранится в рукописном архиве РЭМ. Из вещей, собранных А. В. Лесковой в 1902–1903 гг., были сформированы две коллекции, насчитывающие 51 предмет.

Этому корреспонденту удалось записать интересную информацию об образе жизни местных крестьян, их занятиях, о сельской взаимопомощи, о родильной обрядности. В д. Овино этой же волости ответы на этнографический вопросник фиксировал земский фельдшер А. А. Родкин. В его тетрадях содержится информация о крестьянской общине, о народной пище. Еще одним корреспондентом из числа учителей был И. А. Парихин, проживавший в д. Кулига Новинковской волости (р. Паша). Он собирал материал в 1898 г. В ответах на вопросы Этнографической программы содержатся сведения об отношениях крестьян к земской власти, об исполнении воинской повинности, о местных престольных праздниках, о пастушестве, о народных знаниях и верованиях, о земской школе.

В числе корреспондентов Этнографического бюро был крестьянин, волостной мировой судья и земский гласный А. М. Матвеев 44 лет. В 1898–1900 гг. он собрал этнографический материал по сельскому хозяйству, крестьянскому жилищу, народной пище, о сельских сходах и общественных отношениях, об исполнении воинской повинности, о праздниках и народных

верованиях, о свадьбе и родильной обрядности в деревнях Золотово и Максимова Гора Большегорской волости Тихвинского уезда. В этом же уезде В. П. Ханцовым была записана информация о ходе деревенской свадьбы в д. Максимова Гора.

К сбору этнографических сведений о русских крестьянах Тихвинского уезда подключилась и молодая дворянка Л. Н. Швахгейм, имевшая поместье в Кушевичской волости (р. Капша). В декабре 1898 г. она согласилась стать корреспондентом Тенишевского этнографического бюро и начала собирать этнографический материал о народных занятиях и промыслах, сельском хозяйстве, о праздниках и играх молодежи, о народных верованиях. В Костринской волости материал был записан жителем д. Новоандреево М. П. Шахотским (1898 г.). В его тетрадях есть информация о земских начальниках, крестьянских повинностях, народном образовании и пр. Все указанные выше материалы хранятся в архиве РЭМ и СПбФ АРАН.

Летом 1902 г. по заданию этнографического отдела Русского музея на севере Тихвинского уезда работал этнограф Е. А. Ляцкий. Он обследовал ряд русских и вепских деревень Красноборской и Пелдушской волостей. Во время этой поездки исследователь собрал коллекцию предметов материальной культуры вепсов и сделал ряд фотоснимков в деревнях Вонозеро, Печевицы (Пелдуши), Расловицы. В последующие годы собирательская работа в Тихвинском уезде производилась корреспондентами этнографического отдела Русского музея — учителями земских школ. В 1902–1903 гг. с этнографическим отделом сотрудничала А. В. Лескова, учительница начальной школы в д. Пелдуши. Анна Васильевна занималась сбором предметов музейного значения среди вепсов, делала записи по Этнографическому вопроснику, записывала материал по вепсской лексике и составила словарь вепских слов. С 1904 г. по 1906 г. этнографические материалы собирал учитель Корвальской школы А. А. Киселев. За время своей деятельности Александр Андреевич подготовил рукопись «Описа-

ние жизни чухарей», включающую 89 страниц текста и 167 зарисовок предметов быта, сельскохозяйственных орудий, средств передвижения, промысловых орудий, также он собрал значительную вещевую коллекцию по этнографии вепсов.

В 1905 г. состоялась первая поездка московского исследователя А. И. Колмогорова к «чухарям» Тихвинского уезда Новгородской губернии. Она была организована при содействии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с целью проведения географических, антропологических и этнографических наблюдений. В 1906 г. эти исследования были продолжены. Результатом работ первых двух лет стали публикации

Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г.

Александр Андреевич Киселев (1892–?)

Александр Андреевич Киселев родился в 1892 г. в мещанской семье. Начальное образование получил в Крючковском министерском народном училище Тихвинского уезда, после его окончания был принят в Гатчинскую учительскую семинарию. В этом учебном заведении преподавали не только специальные предметы, но и краеведение; обучающиеся имели навыки сбора сведений по этнографии. После каникул, проведенных в родных местах, воспитанники представляли в музей семинарии отчеты о своих наблюдениях и собранные ими коллекции. Впоследствии эти навыки очень пригодились А. А. Киселеву. В 1902 г. он был направлен в Корвальскую земскую школу Тихвинского уезда Новгородской губернии. Эта школа располагалась в районе расселения вепсов, на самой границе уезда. Здесь молодой педагог оказался в полном отрыве от привычного общества. Одиночество и желание приносить пользу Родине свело его с корреспондентом этнографического отдела Русского

музея Е. А. Ляцким. С 1904 г. по 1906 г. он собирал материал по вепсской этнографии. А. А. Киселев был знаком с известным этнографом Д. К. Зелениным, вел с ним переписку, советовался по поводу приобретения тех или иных предметов музейного значения.

За время сотрудничества с ЭО РМ А. А. Киселев написал и передал в музей рукопись «Описание жизни чухарей». Кроме того, А. А. Киселев приобрел для Русского музея разнообразные предметы, бытовавшие в вепских деревнях в XIX — начале XX в. В 1905 г. Александр Андреевич Киселев при неосторожном обращении с ружьем получил ранение. Поскольку рана заживала очень медленно, Киселев был вынужден уехать из Корвалы в Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии, в имение одного из своих друзей.

На этом биографические сведения прерываются и дальнейшая судьба А. А. Киселева неизвестна.

З. П. Малиновская и сотрудники экспедиции обедают с крестьянами. 1926 г.

Зинаида Палладиевна Малиновская (1891–1972)

в журнале «Землеведение» — «Поездка в Чухарию», «Карстовая река Рагуша», «Озера Тихвинского уезда». В 1910 г. А. И. Колмогоров вновь отправился в южное Приладожье с целью монографического описания чухарей (вепсов). Исследова-

ния проводились в северо-западной части Тихвинского уезда и в южной части Лодейнопольского уезда. Всего за время экспедиций к чухарям был собран значительный антропометрический материал — обмерено 727 человек от 6 до 60 лет. Причем полностью были измерены 50 семей. Наряду с антропологией Александр Иванович активно занимался этнографией: записывал вепские слова, песни, сказки, пословицы, загадки, обрядовый фольклор; собирал вещи (в деревнях Пелушского погоста он приобрел образцы тканей и вышивок). В 1911 г. А. И. Колмогоров целенаправленно занимался изучением народной медицины (собрал гербарий, включающий более 100 лекарственных трав) и сделал описание озер: Шидрозеро, Лесное, Кургальское, Пяртозеро, Водозеро, Самозеро и др.

Результаты проведенных работ были положены в основу монографии А. И. Колмогорова «Вепсы, опыт монографии народности». Она была подготовлена к 1918 г. Исследователь хотел представить ее в качестве диссертации. Но из-за революционных событий диспуты были отменены. Опубликовать такой огромный труд в те годы было невозможно (смета на издание без таблиц и рисунков составила 64 тыс. рублей), да и сам Колмогоров не в состоянии был довести его до завершения из-за постигшей его тяжелой болезни. Почти готовая работа состояла из 28 авторских листов текста, 6 авторских листов сводок антропологического материала и 18 таблиц и рисунков (типы, виды, инвентарь, костюмы, постройки и диаграммы). Известно, что исследователь хранил свою монографию в ячейке одного из банков Москвы. После смерти А. И. Колмогорова в 1923 г. труд всей его жизни затерялся.

В 1915 г. поездку к чухарям предпринял В. И. Равдоникас. Он отправился на север Тихвинского уезда. Вепский край встретил исследователя сурово, продемонстрировав ему свое бездорожье и дикость. По этому поводу Равдоникас писал: «Дороги эти показали мне на опыте, почему в самом деле трудно иметь с чухарями какое бы то ни было постоянное сношение <...> небольшой дождь, и вся эта тропинка

превращается в море жидкой глинистой грязи, в которой нетрудно утонуть. Несколько раз увязал я в такой грязи, лошадь падала, приходилось отпрягать ее и отправляться в поисках какого-нибудь жилья, чтобы позвать на помощь. и это в июне месяце! Легко представить, что бывает с такими дорогами весной или осенью»¹. Особо поразил В. И. Равдоникаса девственный вепский лес, о котором он также упомянул в своем докладе 1916 г.: «Лес красив своей некультурностью, своею самобытностью. Вид человека не гармонирует с его гордым, непреступным видом. Есть что-то мистическое в его красоте; почти жутко оставаться одному и бродить в его дебрях. Всякий звук, стук дятла, скрип вершины, треск сломанного сучка заставляет насторожиться, а если внезапный порыв ветра гудящей и стонущей волной пронесется над лесом — в себе ощущаешь настроение, граничащее с ужасом, с сильным животным ужасом перед неизвестным»². Можно предположить, что именно эти первые впечатления от поездки оказали на исследователя столь сильное влияние, что он лишь бегло ознакомился с несколькими вепскими деревнями и вернулся обратно в Тихвин.

Этнографическое изучение Тихвинского края было продолжено в советское время. В 1920 г. в уезде работала экспедиция, состоявшая из учащихся первого года обучения Педагогических курсов. Этнографический материал собирался в Васильевской, Звонецкой, Красноборской и Новинской волостях Тихвинского уезда. За время работы экспедиции была собрана интересная информация о народной демонологии, включая свадебные причитания. В 1920-х гг. этнографические материалы в деревнях, расположенных в верхнем течении р. Сясь, собирал В. А. Рассказов (впоследствии — заведующий Тихвинским музеем). Этому исследователю удалось зафиксировать информацию о почитаемых камнях, часовнях и каменных крестах. В настоящее время отчет В. А. Рассказова хранится в архиве Инсти-

¹ СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

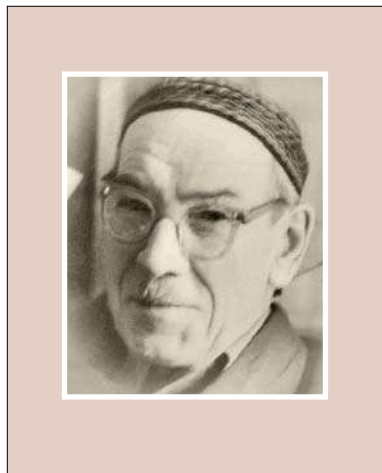
² СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

Е. В. Скородумов помогает крестьянам налаживать косу. Радогощинский сельсовет. 1929 г.

тута истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН). В 1927–1929 гг. на территории Тихвинского уезда работала экспедиция этнографического отдела Русского музея. Ее участниками были: сотрудник этнографического отдела З. П. Малиновская, студент Н. С. Розов и научный сотрудник Ленинградского областного архива Е. В. Скородумов, уроженец с. Ребовичи Тихвинского уезда. Основной задачей экспедиции стал сбор материалов о традиционной культуре южных вепсов. Во время полевых исследований была приобретена значительная коллекция вещей, состоящая из предметов быта, одежды. Сделаны фотографические снимки, запечатлевшие занятия крестьян земледелием — уборку и обработку зерновых и технических культур, заготовку сена; домашние занятия и ремесла вепсов, сухопутные и водные средства передвижения, разные типы старинных изб, амбаров, бань, интерьеры жилищ и церквей, священные рощи, церкви и часовни.

Е. В. Скородумову удалось собрать и записать интересный материал о вепской свадьбе, о «льноводстве у вепсов» и лесозаготовках. Следует отметить особую скрупулезность, с которой исследователь подходил к сбору материала по той или иной теме. Так, исследуя разведение льна,

Николай Сергеевич Розов
(1896–1987)

Николай Сергеевич Розов родился в апреле 1896 г. в с. Николо-Замощье Мологского уезда Ярославской губернии. Его отец был сельским учителем, мать — крестьянкой. В 1907 г. он поступил в Рыбинскую гимназию, а после ее окончания в 1914 г. продолжил обучение в Ростовской гимназии им. А. Л. Кекина, которую окончил в 1916 г.

В 1919 г. его приняли на работу счетоводом в Учетно-контрольную комиссию (г. Тула). Затем он был переведен по службе в г. Бугуруслан Самарской губернии, с 1919 г. по 1920 г. работал государственным контролером. В 1920–1921 гг. Н. С. Розов учился на химическом факультете Томского технологического института (не закончил обучение). В 1921 г. приехал в Петроград и поступил в Сельскохозяйственный Стебутаевский институт. Это было сложное для Петрограда время: в городе царили голод и холод. Занятия в институте проводились нерегулярно. Студенты вынуждены были сами зарабатывать себе на жизнь.

Однажды во время поиска заработка Н. С. Розов во дворе Русского музея встретился с профессором Д. А. Золотаревым, который оказался не только его земляком из Рыбинска, но и родственником по отцовской линии. В то время Давид Алексеевич вместе с сотрудниками ЭО РМ готовился к летней Верхне-Волжской экспедиции. Поскольку Н. С. Розов был энергичным человеком, любителем путешествий и обладал умением находить выход из любых ситуаций, Д. А. Золотарев пригласил его принять участие в экспедиции 1922 г. в качестве его технического помощника и фотографа. С этого времени началась научная карьера исследователя. В 1923 г. поступил на I курс Географического института, который в 1925 г. вошел в состав Ленинградского государственного университета в качестве географического факультета и Н. С. Розов стал студентом антропологического отделения по специальности «физическая антропология». В 1929 г. он защитил дипломную работу. С 1922 г. по 1932 г. он также занимал должность научного сотрудника Государственной академии истории материальной культуры.

С 1 июня по 1 сентября 1925 г. Н. С. Розов был командирован ЭО РМ в свою первую экспедицию в район расселения вепсов. Следующая его поездка состоялась с 10 июля по 1 августа 1926 г. в составе экспедиции ГАИМК, которая работала в Шапшинской и Винницкой волостях Ленинградской губернии. В этой

экспедиции Николай Сергеевич занимался антропологическими измерениями вепсов (было обследовано более 100 человек) и проводил фотосъемку. В 1926 г. в фототеку Русского музея от Н. С. Розова поступило 127 негативов и отпечатков к ним.

В течение двух летних месяцев 1927 г. Розов продолжал антропологические исследования в Лодейнопольском и Тихвинском уездах. В этой экспедиции ему удалось приобрести у священника Винницкого погоста список с писцовой книги Обонежской пятины Ильинского погоста. Кроме того, в экспедиции был собран статистический материал о численности населения, расселении «чухарей», степени их обруселости. В 1927 г. фотосъемка проводилась в Ярославском, Озерском и Ладвинском обществах. Исследователю удалось запечатлеть проведение заветных праздников, водосвятные молебны, действующие часовни, придорожные столбы с крестами и иконами, культовую деревянную резную скульптуру. Также было отснято большое количество местных жителей с указанием их фамилий и деревень, в которых они проживали.

В 1929 г. ГАИМК изыскала средства для финансирования экспедиций, что позволило Н. С. Розову продолжить работу по изучению вепсов Присвирья и Тихвинского района. Однако на этом его исследования прибалтийско-финского населения закончились, так как технологический отдел ГАИМК, в котором он работал, в 1930 г. был расформирован, все программы по изучению прибалтийско-финского населения были свернуты.

В 1934 г. Н. С. Розов переехал в г. Томск. Здесь он продолжил свои исследования в области антропологии, а также читал лекции в Томском государственном университете. В 1936 г. он был приглашен в Томский педагогический институт (факультет естествознания), где и работал все последующие годы. С мая 1958 г. — организатор и первый заведующий Кабинетом антропологии ТГУ. Организатор Музея анатомии человека при ТГУ. С 6 июля 1961 г. — доцент кафедры физиологии человека и животных биолого-почвенного факультета ТГУ. 1 сентября 1963 г. Н. С. Розов был освобожден от работы в ТГУ в связи с выходом на пенсию.

Николай Сергеевич Розов скончался 3 октября 1987 г. в Томске.

В 1929 г. к этнографическим исследованиям Тихвинского уезда подключился научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры Н. И. Репников. Он изучал местные святыни: священные деревья, источники, почитаемые кресты. В Шиженском, Пашекожельском и Шугозерском погостах ученый зафиксировал места расположения священных сосен и деревянных крестов. Также исследователь собрал информацию о заветных праздниках, на которых происходили коллективные трапезы с закланием баранов или быков (деревни Будогоща, Дерново, Пялья, Шижня). В Шиженском погосте от настоятеля храма Н. Георгиевского Н. И. Репников услышал и записал историю о том, что в данном месте в Петров день «искони» убивали «обещанных» быков, коров. Мясо использовалось для приготовления общественной трапезы, а шкура шла в пользу церкви. Этот обычай имел давнюю историю. Все попытки приходского священника искоренить этот обычай были безрезультатны и только озлобляли крестьян. Так, в 1768 г. священник Е. Рождественский за попытку прекращения ритуала заклания жертвенного животного был утоплен в колодце, а в середине XX в. священник А. Кубецкий чуть не был сожжен в своем доме. Обряд жертвоприношения совершался до середины 1920-х гг.

В 1960–1980-х гг. северо-восточные районы Тихвинского края активно исследовали эстонские этнографы (А. Ю. Петерсон и др.). Большинство экспедиций проходило в районе расселения южных вепсов. Помимо сбора информации ученые занимались приобретением предметов музейного значения. В эстонский Национальный музей (г. Тарту) поступило свыше 1000 памятников традиционной культуры вепсов, около 3700 фотоснимков и более 1000 рисунков, также туда попали магнитофонные записи, сделанные в деревнях вепсов.

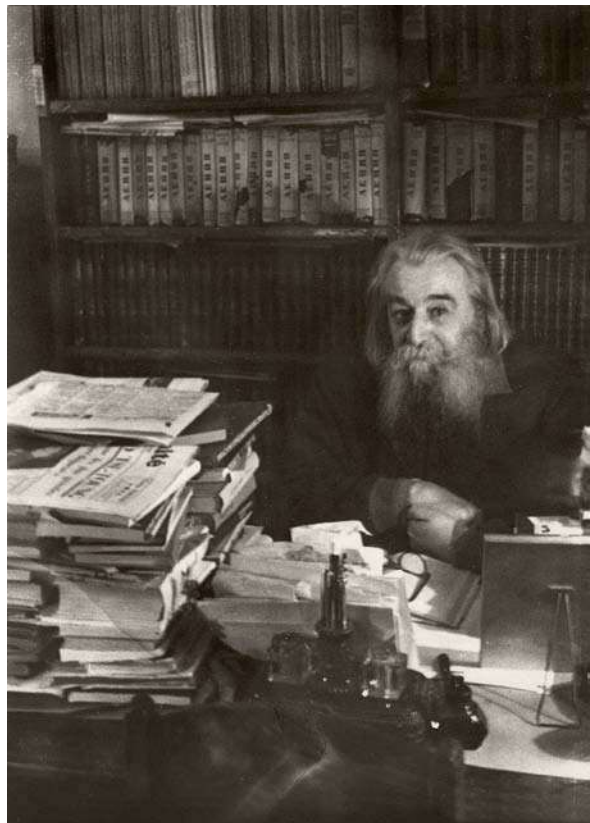
В 1970–1980-х гг. в деревнях вепсов собирательскую деятельность осуществляли сотрудники Русского музея М. А. Сорокина, С. К. Погадаева, В. Д. Мурашко, М. В. Захарова, Е. Б. Кузнецова. Самостоятельные

исследования проводила Л. П. Азовская. В это же время в Тихвинском крае возобновил экспедиционную работу Государственный музей этнографии (позже — РЭМ). Его сотрудники З. Б. Предтеченская и Д. А. Гюрб осуществляли сбор предметов музейного значения и проводили опросы.

С начала 1980-х гг. к этнографическим исследованиям края подключились Тихвинский историко-мемориальный и архитектурно-художественный музей (ТИМАХМ) и Пикалевский краеведческий музей. Первая этнографическая экспедиция была проведена в 1989 г. В ней участвовали сотрудники ТИМАХМ С. В. Антипова, А. А. Титова и научный сотрудник Государственного музея этнографии народов СССР Д. А. Гюрб. Экспедиция носила реконгностировочный характер и охватила широкий круг русских деревень Шиженского, Шугозерского, Явосемского сельских советов. Впервые была сделана заявка на комплексный подход к сбору экспонатов и восполнение лакун по этнографии вепсов. В последующие годы собирательскую работу в ТИМАХМ проводила А. А. Титова (Алексеевский, Андреевский, Ганьковский, Пашозерский, Шиженский, Шугозерский сельсоветы).

С 1981 г. по 1986 г. на северо-востоке Тихвинского края этнографические исследования проводила научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук И. Ю. Винокурова. Первая ее экспедиция проходила в деревнях Хмелезерского и Сидоровского сельсоветов. Работа по изучению южных вепсов была продолжена в 1985 г. На следующий год И. Ю. Винокурова проводила обследование на территории расселения капшинских вепсов в Алексеевском сельсовете. За все время исследований был собран материал по календарным обычаям, обрядам и праздникам вепсов, который лег в основу монографии, увидевшей свет в 1994 г.

В 1989–1994 гг., 2002 и 2004 г. в карельских деревнях Тихвинского края этнографические исследования проводила О. М. Фишман. За это время были опрошены сотни жителей деревень Бирючево, Дубровка, Дятелка, Забелино, Коргорка,

Владислав Иосифович Равдоникас
(1894–1976)

Коростелево, Курята, Логиново, Моклаково, Новинка, Селище, Толсть и Климово. В ходе полевой работы был собран разнообразный материал, характеризующий традиционную культуру карел-старообрядцев, который впоследствии лег в основу монографии О. М. Фишман «Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы» (2003). Также во время экспедиций в карельские деревни были собраны несколько коллекций предметов музейного значения, которые затем поступили на хранение в РЭМ.

С 1990-х гг. исследования Тихвинского края осуществлялись кафедрой этнографии и антропологии СПбГУ (А. Г. Новожилов, С. Егоров), научным сотрудником отдела этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики РЭМ Л. В. Корольковой. В 2000-х гг. сбором этнографической информации в Тихвинском районе занимались студенты кафедры культурологии и кафедры музейного дела и охраны памятников философского факультета СПбГУ под руководством Л. В. Корольковой.

Целенаправленное изучение музыкальной культуры Тихвинского края силами Ленинградской консерватории, Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК),

Исаакий Петрович Мордовин
(1871–1925)

Ленинградского государственного института культуры (ЛГИК) и студенческих экспедиций началось после Великой Отечественной войны. Научные сотрудники и студенты этих учреждений собирали музыкально-песенный фольклор в деревнях на реках Сясь, Пчевжа, Паша и Оять, а также в районах расселения вепсов (Ф. А. Рубцов, Л. П. Гуляева, Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, М. А. Лобанов и др.). С 1978 г. по 1981 г. на западе Тихвинского края (современный Киришский район) работала экспедиция под научным руководством А. М. Мехнецова. В ее состав входили А. Н. Захаров, А. Ю. Кастров, Е. И. Мельник, А. Б. Сушко,

И. Б. Толстикова. Начиная с 2007 г. на протяжении трех полевых сезонов в районе расселения тихвинских карел фольклорный материал собирала Е. В. Самойлова.

Исследования в области церковной истории Тихвина стали проводиться в начале второй четверти XIX в. Одним из первых интерес к этой теме проявил уроженец Тихвина Я. И. Бередников. В 1827 г. он вышел в отставку и поселился в родном городе. Здесь Яков Иванович познакомился с архимандритом Тихвинского монастыря, духовным писателем Илларионом (Кирилловым), при его содействии был допущен к монастырскому архиву и вскоре приступил к его изучению. Именно на этом поприще он снискал славу ученого: был удостоен звания ординарного академика.

Исторический материал по Тихвинскому краю собирал местный землевладелец С. И. Успенский, с 1915 г. — председатель Лученского общества потребителей. В его коллекции было значительное количество различных документов из семейных архивов местных дворян, потерявших свои усадьбы в конце XIX — начале XX в. В 1920-х гг. С. И. Успенский был арестован органами ОГПУ. После его ареста краевед-

ческий архив в числе других бумаг из библиотеки С. И. Успенского был увезен оперативниками на нескольких подводах. К счастью, документы не пропали. Они были переданы на хранение в архив, где и находятся поныне (Санкт-Петербургский институт российской истории РАН. Ф. 137).

В 1913 г. в Тихвине было создано Тихвинское отделение Новгородского общества любителей древности (НОЛД). Его председателем был избран С. А. Цвылев, секретарем — И. П. Мордвинов. В начале 1913 г. в отделение входило около 50 членов. При обществе была создана историческая библиотека с разделом книг о Тихвине. Членами общества собирались сведения для «Тихвинской энциклопедии» и «Тихвинского некрополя», организовывались лекции по истории региона. Тихвинским отделением НОЛД было организовано празднование 300-летия снятия осады шведами Тихвина (1913 г.). Также члены общества принимали деятельное участие в сборе материалов для Тихвинского музея древностей. При поддержке общества с 1915 г. в Тихвинском уезде стали проводиться геологические, ботанические и археологические экспедиции.

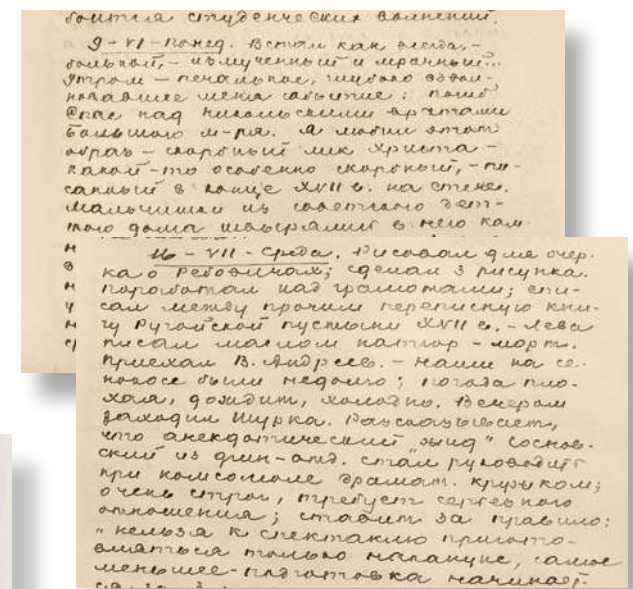
Также нужно отметить, что несколько тихвинцев непосредственно входили в состав Новгородского общества любителей древности. Среди них были: В. М. Братановский, Н. В. Киселев, Л. И. Котляров, И. П. Мордвинов, Г. Т. Страхов, А. А. Унковский, Е. А. Шапошникова (почетные члены), Н. П. Бараев, И. В. Васильев, Н. И. Знаменский, протоирей храма с. Озерове Н. И. Соколов (члены-сотрудники). В конце 1923 г. — начале 1924 г. правопреемником и продолжателем деятельности Тихвинского отделения НОЛД стало Тихвинское общество изучения местного края, в состав которого входило более 200 человек (из них около половины составляли уездные учителя). К концу 1920-х гг. деятельность краеведов постепенно сворачивалась, и в 1929 г. общество прекратило свое существование.

Выдающимся историком и музееведом Тихвинской земли был И. П. Мордвинов (1871–1925). На протяжении многих лет

он изучал архив Большого Успенского монастыря и документы из национализированных после революции усадеб. Исаакий Петрович собрал довольно значительный материал для печати по истории Антониево-Дымского, Введенского, Николо-Беседного, Реконьского монастырей. По его инициативе в Тихвине был учрежден журнал «Тихвинец» и стал выходить Тихвинский земский календарь. И. П. Мордвинов много внимания уделял и краеведческой работе. Он призывал интеллигенцию Тихвинского уезда оказывать посильную помощь в деле «познания Родины», собирать краеведческий материал для научных учреждений.

И. П. Мордвинов был инициатором создания Музея местной старины (1914 г.), а после революции создавал Музей местного края (Тихвинский музей краеведения). Он занимался изучением коллекций музея, разборкой поступающих в музей

материалов. Часто сам проводил экскурсии, а также занятия на экспозиции музея с курсантами местных учебных заведений. В 1925 г. вышла его историко-краеведческая работа «Старый Тихвин и Нагорное Обонежье». На протяжении последних лет своей жизни И. П. Мордвинов вел дневники, куда ежедневно записывал всю важную для него информацию

о каждом прошедшем дне. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (Ф. 2253). Дневники Исаакия Петровича Мордвинова являются бесценными свидетельствами прошлого, они содержат информацию о жизни Тихвина и уезда в послереволюционный период, о современниках Мордвинова. В дневниках также встречаются этнографические материалы, сведения о деятельности музея.

И. П. Мордвинов
«Старый Тихвин
и Нагорное Обонежье».
Тихвин. 1925 г.

И. П. Мордвинов
«Шведское разоренье
в Тихвине. 1613–1913».
Санкт-Петербург. 1913 г.

И. П. Мордвинов
«Тихвин и Столбово
в 1609–1617 гг.»
Тихвин. 1917 г.

Страницы из личного
дневника И. П. Мордвинова.
1924 г.

Православие
и старообрядчество
в Тихвинском
уезде

Православие

Жители Тихвинского уезда в XIX в. были в основном христианами, исповедующими православие. Однако среди приверженцев официальной религии многие ранее принадлежали к старообрядчеству. Тихвинский уезд был разделен на приходы. К середине XIX в. в нем числилось 4 городских и 47 сельских приходов. Основными источниками содержания церковного причта в XIX в. были земельные владения, денежное жалование, доходы от треб — молебнов, крещения, венчания, отпевания. Жалование священника, которое выплачивала казна, в зависимости от класса прихода составляло от 200 до 350 рублей в год; оклад дьячка в среднем был 60–80 рублей, пономарь получал 60–70 рублей, а просвирня — 30 рублей. Помимо этого духовенству полагалась руга — денежное и натуральное вознаграждение от прихожан. Во время хождений с крестом в Рождество, Пасху и в храмовые праздники священнослужители собирали хлеб. Иногда эти сборы были значительны — до 30 пудов за один день.

Часто помощь церкви оказывало волостное правление — оно выделяло средства на отопление домов причта и мелкий ремонт. Крестьяне жертвовали деньги на отопление церкви, на наем сторожей. Богатые прихожане иногда выделяли большие суммы на строительство и подновление храмов. В каждом приходе был церковный староста. На эту должность обычно выбирали зажиточных, уважаемых крестьян. В обязанности старосты входил надсмотр за церковью.

Во второй половине XIX в. при церквях стали создаваться церковные попечительства. Церковный актив состоял из ревностных и зажиточных прихожан. Он избирался на три года и ведал состоянием приходского храма, изыскивал средства на его ремонт, оказывал помощь церковно-приходским школам, нищим. Казначеем попечительства обычно выбирали приходского священника. Количество членов попечительства было различно, в них входили представители разных сословий, в том числе крестьяне.

Православный храм крестьяне считали «домом Божиим». Каждый верующий должен был прийти на исповедь и к Святому Причастию не реже четырех раз в году. Обычно это делали в каждый пост. Святое Причастие давало силы бороться с грехом. Богослужение укрепляло веру и обогащало эмоциональную жизнь селян. В XIX в. крестьяне посещали храм в воскресные дни и в праздники, особенно в Великие. Глубоко верующие крестьяне молились каждый день в установленное время. Утром первый раз молились, когда вставали с постели. После умывания все семейство читало молитвы «Отче наш» и «Верую». На работе в поле, когда садились обедать, также совершали молитву. Молящиеся становились лицом по направлению к церкви и читали текст молитвы. Вечером молились перед сном.

В русских деревнях большое значение придавалось церковным постам. Эта традиция передавалась от старшего поколения младшему. Во время постов прекращали употреблять скоромную пищу: мясо и молочные продукты, яйца и пр. Самым продолжительным и строгим был Великий пост. Во все дни этого поста разрешалась только растительная пища. Подготовка к началу поста начиналась за пять воскресений до его начала. С этого времени верующие должны были готовить свои души к Великому посту и настраиваться на покаяние. Пост завершался торжественным праздником Пасхи. Через неделю после праздника Святой Троицы начинался Петров пост. Во время этого поста разрешалось в субботу и в воскресенье есть рыбу. Третий, Успенский пост длился две недели и продолжался до дня Успения Пресвятой Богородицы. Рождественский пост длился 40 дней, он начинался после дня св. апостола Филиппа. Этот пост по строгости был близок к Петрову посту. В Рождественский пост, помимо ограничений в питании, были ограничения в поведении: запрещалось петь, плясать. Кроме больших постов, многие крестьяне соблюдали однодневные посты по средам и пятницам. В дни постов крестьяне старались не ссориться с односельчанами, не предаваться веселью. С малых лет постившиеся

крестьяне развивали в себе силу воли, учились контролировать свое поведение.

Наиболее ревностные приверженцы православия считали своим долгом хотя бы раз в жизни побывать на богомолье в монастыре. Традиция паломничества поддерживалась особой любовью крестьян к «священным местам». Крестьяне Тихвинского уезда ходили на богомолье в Александро-Свирский, Валаамский и Соловецкий монастыри. Часто в монастырь жертвовали крупный рогатый скот для избавления от болезней и неудач в хозяйстве. Тем, кто побывал в святых местах, завидовали. Из монастырей крестьяне обычно приносили маленькие иконки наиболее почитаемых святых: Александра Свирского, Зосимы и Савватия Соловецких. Также в монастыри ходили на «помочи» и отправляли туда больных детей на временное жительство.

В разных местностях были свои наиболее почитаемые иконы. В Тихвинском уезде больше всего почитался Тихвинский образ Божией Матери, находившийся в Тихвинском монастыре. В этом уезде «Тихвинская» была в каждом доме. День обретения этой иконы был местным праздником, на который стекались паломники со всей округи и даже из крупных городов.

В Тихвинском уезде преобладали деревянные храмы. Их строительство велось до первого десятилетия XX в. В XVII–XVIII вв. темпы сооружения церквей были незначительными, что можно объяснить сохранностью к тому времени средневековых храмов. Активизация храмового строительства произошла в XIX в. В это время были построены следующие новые храмы: церкви в честь св. вмч. Георгия Победоносца в Койгушском погосте (1805 г.) и в Пелушах (1851 г.). В Пелдушском погосте (Печевицы) была возведена церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1862 г.). В конце XIX в. новые храмы возводились также в погосте Корбеничи — церковь св. блгв. вел. кн. Александра Невского (1891 г.) и др.

По объемно-композиционному решению большинство церквей относились к постройкам, имеющим развитую горизонтальную связь: крыльцо — сени — трапез-

«Купец читает «Апостол» в церкви». Л. И. Соломаткин. 1865 г.

ная — моельное помещение — алтарная часть. Храмы строились на каменном фундаменте. В большинстве случаев каждое из помещений имело свое отдельное покрытие. Сени и трапезные покрывались на два ската, а моельные помещения на два или четыре ската. Материалом для кровли служили тес или металлические листы, которые покрывались краской. Колокольни обычно рубились над притвором (сенями). Крыши колоколен имели шатровое завершение и были покрыты тесом. Площадки с колоколами могли быть открытыми и закрытыми. Открытые площадки имели богатый резной декор.

В плане колокольни имели четырехгранник или восьмигранник (восьмерик на четверике, восьмерик на шестерике). Их строили в один, два или три яруса (в зависимости от места расположения храма). Высота этих сооружений варьировалась в пределах от 4 до 8 саженей.

Приходские храмы имели разное количество куполов. Для небольших церквей наиболее характерны были один или два купола, церкви большого объема венчали одна большая глава и две малые (над колокольной и алтарной частью). Со второй половины XIX в. стали строиться многокупольные культовые сооружения, они имели пять больших глав и одну главку над алтарной частью. Купола с крестами были разнообразны по форме и размеру, они устанавливались на круглые и граненые барабаны. Снаружи церковь обшивали тесом, окрашивали масляной краской или белили известью. Если позволяли средства, то бревенчатые стены внутри храма закрывали тесом, льняным холстом с последующей окраской масляной либо клеевой краской, штукатурили, белили, оклеивали обоями. Потолки иногда обшивали парусиной.

Строительство новых культовых сооружений зависело как от церкви, так и от желания крестьян иметь христианский храм поблизости от места своего проживания. Обычно в таких случаях собирались знающие и грамотные люди из числа деревенских жителей и сочиняли прошение на имя правящего архиерея. Затем сельский сход избирал специальных посыльных, которые отправлялись

в Новгород. Получение «храмозданной» грамоты давало право на строительство. После получения этого документа крестьяне нанимали «церковных мастеров» и начинали всем миром заготавливать строительный материал.

Место для новой церкви выбирали с таким расчетом, чтобы она зрительно объединяла все окружающее пространство в целостный ансамбль. Под строительство храмов крестьянская община отводила свободные от сельскохозяйственного использования земли, как правило, на окраине населенных пунктов. На строительстве церкви под руководством мастеров работали все приходские плотники. После того как постройка была завершена, приглашали мастеров-иконописцев и приобретали церковную утварь: книги, церковные сосуды, светильники, облачения. Затем следовало освящение новой постройки. Обычно это событие выливалось в большой праздник, на который собирались жители всей округи. Освящало новую церковь духовенство уездного города.

Помимо церквей было много часовен. К началу XX в. в сельской местности их насчитывалось до 423. Распространению часовен способствовали отдаленность церквей от приходских селений, плохие пути сообщения и желание крестьян иметь место для общественной молитвы. В этом случае часовня заменяла прихожанам церковь. Часто часовни строились после пожара в церкви, в них временно хранили книги и церковную утварь. Большинство тихвинских часовен было построено «по обету» — по случаю спасения от неурожая, гибели скота, пожара, чудесных явлений и видений. В некоторых деревнях поводом для постройки часовни было явление какой-либо иконы. Также часовни ставили на деревенских кладбищах. В них держали гробы до погребения.

Часовни строились и содержались на средства крестьянской общины. Ставились в различных местах: на окраинах деревень, в центре поселения, в лесу при дороге, у озера, на ручье, при источнике. Они освящались именами персонажей христианского пантеона, наиболее

1 сажень = 213, 36 см

Часовня у д. Заборовье. 1920-е гг.

Часовня Покрова Пресвятой Богородицы с колокольной в священной роще у д. Шондовичи. 1927 г.

Часовня Илии Пророка у д. Черкасова Гора. 2013 г.

почитаемыми в крестьянской среде: Илия, Георгий, Никола, Параскева Пятница, Флор и Лавр и др. Священника при часовне иметь не полагалось; чтение «часов» проводили в них сами крестьяне. Они же приносили в часовню иконы, свечи, книги. В интерьере часовни отводилось специальное место для «заветов» — предметов, служивших приношением Богу; в специальные деревянные ящики или на полки складывали овечью шерсть, продукты питания, а на перекладины, укрепленные под потолком, вешали заветные полотенца, одежду, ткани.

Большинство часовен Тихвинского края относились к клетскому типу. Они включали молельное помещение и притвор. Наиболее ранние по времени возведения часовни строились с низким подклетом — в одно-два бревна. Более поздние постройки имели подклет среднего размера — в два — четыре бревна. Сруб обычно устанавливался на камни; у небольших построек валуны подкладывались под углы, а в крупных

постройках — под углы и по периметру стен. Почти все часовни имели двухскатную крышу самцовой конструкции. В зависимости от финансовых возможностей крестьян, крыши покрывались тесом, досками или дранкой. Единственная часовня, покрытая черепицей, находилась в д. Зиновий Наволок на р. Оять.

В XIX в. часовни возводились со звонницами и без них. Обычно основание звонниц врезалось в конек крыши над сенями. В плане звонницы были четырехугольными или многогранными. В одних случаях стены этих сооружений зашивались тесом (оставлялось лишь небольшое световое оконце), в других — сохранялись открытые площадки. Кровля звонниц поддерживалась на столбах и имела завершение в виде невысокого шатра. Многие часовни строились с боковыми галереями (открытыми и закрытыми) и крыльцами (низкими и высокими).

В церквях и часовнях Тихвинского края даже в 1920-е гг. можно было встретить

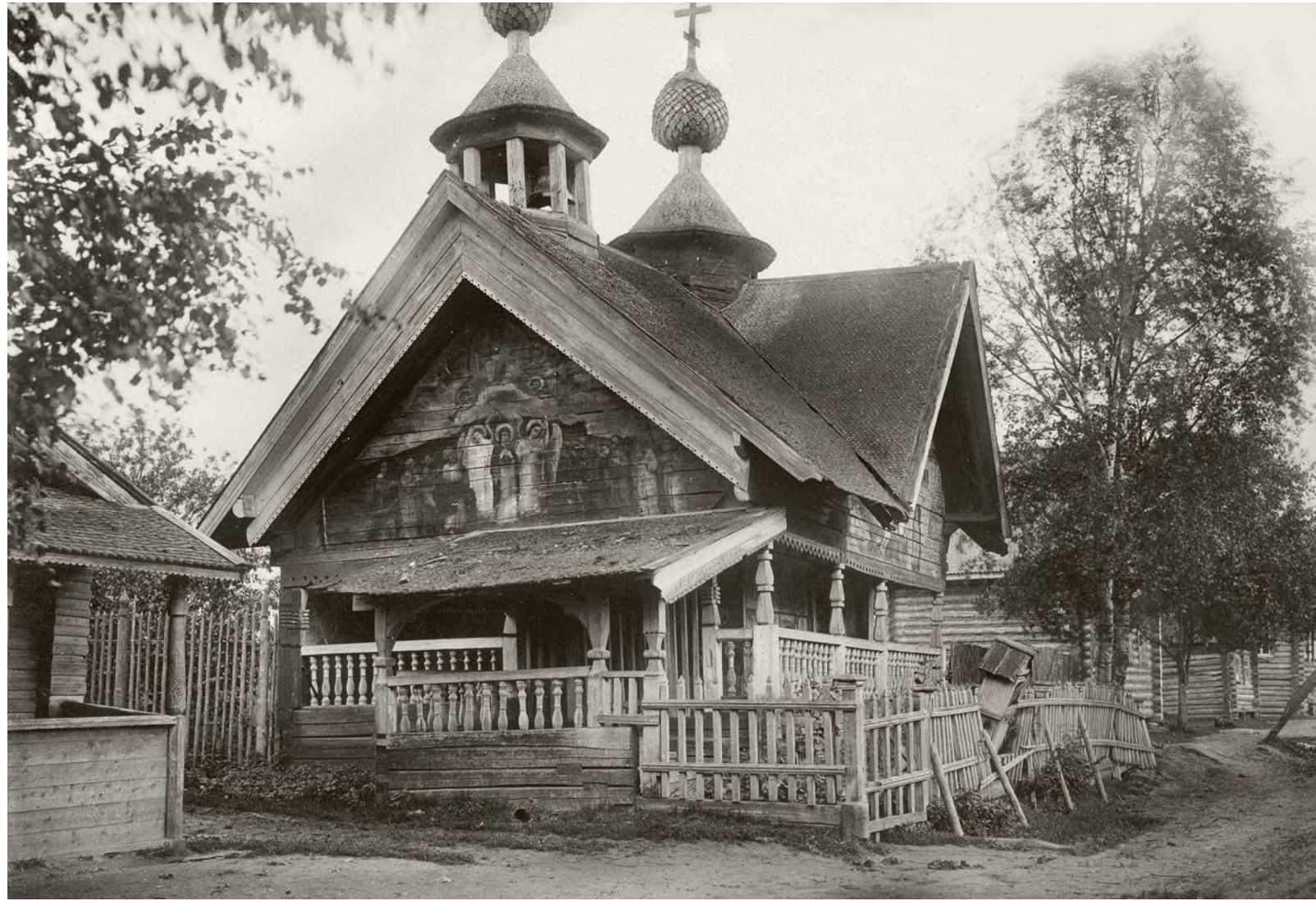
редкие памятники христианской культуры: иконы XVII в., лубок XVIII в., деревянную культовую скульптуру. В сельской местности крестьяне старались, чтобы их «божница» была как можно лучше украшена. Киот с иконами покрывали вышитыми полотенцами, раму украшали бумажными цветами. За иконами хранили пасхальные яйца, свечи, освященные веточки вербы, флакончик со святой водой. Рядом с иконами на стенах вешали «божественные картинки» и царские портреты, вырезанные из газет и журналов. Состоятельные крестьяне покупали лубочные картинки религиозного содержания.

Сельское и городское население Тихвинского уезда соблюдало все праздники церковного календаря. Главными праздниками считались Рождество, Крещение, Пасха. Троица. С трепетом в деревнях почитали Илию и Ивановскую пятницу. В Жуковской волости Тихвинского уезда в день св. Иоанна Предтечи не работали и постились: при этом не ели ягоды и капусту, считая это грехом. В день Илии Пророка многие крестьяне не работали, так как считали, что Илия или убьет, или сожжет дом. К праздникам приводили в порядок жилище: мыли стены, пол, потолок, лавки и обязательно иконы и киоты. Воду, которой мыли иконы, сливали на «большой» угол. Выливать воду в другое место считалось большим грехом. Когда домашние иконы становились ветхими, их заменяли новыми. Старые образа несли на реку и пускали их по воде. При этом молились и говорили: «Прости нам, Господи».

В числе приходских традиций было празднование престольных дней. Престольные праздники были вторыми по значимости после Пасхи. Они устраивались в память о святых, в честь которых были освящены храмы и церковные приделы. В день праздника в церкви священник служил литургию, молебен, а потом все прихожане совершали крестный ход с выносом

Вид на Колбецкий погост
и церковь Покрова
Пресвятой Богородицы.
Река Воложба. 1920-е гг.

Часовня Вознесения
Господня в д. Овино.
1920-е гг.

храмовой иконы. На этом «религиозная» часть праздника заканчивалась и начиналась «мирская». В начале XX в. еще соблюдалось празднование всех престольных праздников. Готовиться к празднику начинали за неделю: мыли избы, варили пиво, пекли пироги и калитки, коптили сига, запекали рыбники. В винные лавки стояли очереди. В день праздника в каждом доме принимали гостей из ближних и дальних деревень. Количество гостей у одного хозяина доходило до 30 человек, которых нужно было кормить два дня. По возвращении из церкви в дом гости приступали к обеду. Ближе к вечеру на улице начинались танцы, пение частушек. Как правило, праздник кончался потасовкой, во время которой парни из разных деревень выясняли отношения, сводили старые счеты при помощи кольев, ножей, топоров.

Кроме общих церковных праздников прихожане каждой деревни отмечали свои особые годовые и «заветные» праздники. В «годовые» праздники крестьяне праздновали дни памяти святых, особо почитаемых в той или иной местности. Наиболее распространены в сельской местности были праздники: Рождество Богородицы, Покров Богородицы, дни памяти свт. Николая Чудотворца, свв. мчч. Флора и Лавра, Архангела Михаила, Пророка Илии, а также дни почитания икон — Тихвинской иконы Божией Матери, Казанской иконы Божией Матери и др.

«Заветные», или «обетные», праздники устанавливала крестьянская община в память избавления от общественных бедствий: холеры, пожаров, падежа скота и пр. Так, например, в с. Золотово Тихвинского уезда праздник Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы был установлен

в 1868 г. по случаю падежа скота. В этот день в деревне устраивали крестный ход. В с. Овинец праздновали день Зверинской Божией Матери (2 июля). В день праздника крестьяне ходили «кропить поля» святой водой. Это делали для того, чтобы сохранить скотину. В д. Крутик в заветный праздник, установленный по случаю падежа скота, по домам носили иконы либо посещали храм, в котором в этот день проходил молебен. Иногда заветные дни устанавливали по случаю смерти или спасения от стихии кого-либо из жителей деревни. Так, в селении Дрочилово Тихвинского уезда 27 июля праздновали день св. Пантелеймона. Поводом для учреждения этого заветного праздника послужил следующий случай. В грозу три крестьянина этой деревни укрылись от дождя под деревом, двое были поражены молнией, а один остался жив. В честь чудесного избавления от смерти было предложено установить в этот день деревенский праздник.

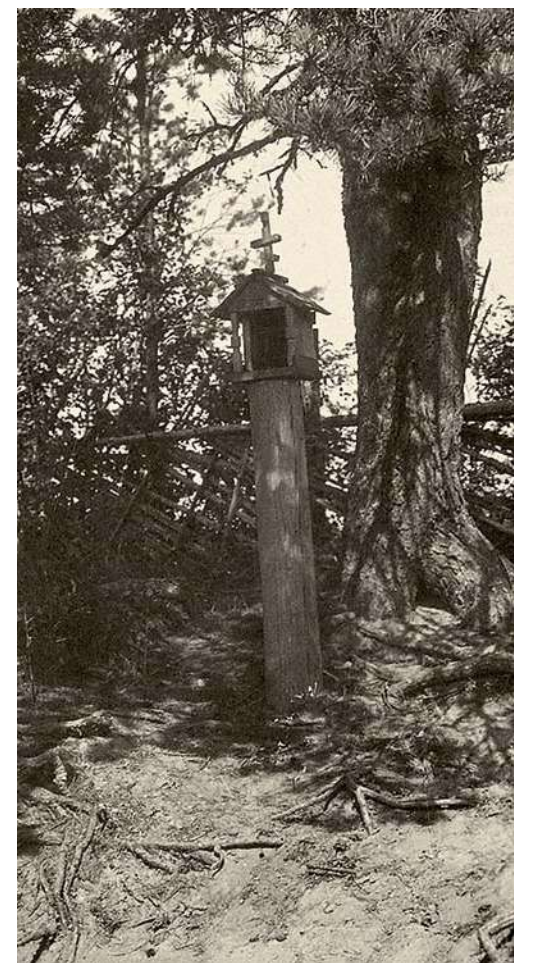
В некоторых деревнях существовали заветные праздники с жертвоприношениями. Один из таких праздников проходил 15 августа в д. Большая Будогоща, куда собирались жители окрестных деревень. Местом праздника был холм на берегу р. Пчевжа, рядом с часовней Успения. В день праздника там разводили костры и над ними на жердях подвешивали шесть больших котлов. К часовне приводили заведенных баранов. Их резали, разделяли и варили мясо. За котлами и костром следили 5-6 мужчин, которые «дали завет». Некоторые крестьяне приносили с собой на праздник кусок баранины или курицу, а иногда и шерсть, соль, крупу, хлеб. Крупа и соль добавлялись в котлы при варке мяса. Шкуру жертвенных баранов и принесенную шерсть продавали, а деньги отдавали на нужды часовни. Готовое мясо вынимали из котлов на столы, очищали его от костей, рубили для супа, а кости раздавали детям лакомиться. Около семи часов вечера начинался молебен, его проводил местный священник. После молебна скот прогоняли под иконами. Священник благословлял приготовленную пищу, пробовал ее, а затем все приступали к еде.

При раздаче мяса существовал обычай кормить первыми «чужестранцев», потом «странников» и нищих, а затем уже всех остальных.

В других деревнях Тихвинского уезда крестьяне «завещали Богу» крупный и мелкий домашний скот — быков, коров, баранов, овец. Нередко «завещанный» скот покупали в складчину всей общиной или каждое хозяйство по очереди жертвовало своих домашних животных. Их приводили к церкви или к часовне и закалывали здесь же, иногда скот резали в этот день дома, а мясо приносили на праздник с собой. В день праздника или накануне мясо «завещанных» животных варили в больших котлах, установленных на улице около церкви, на лугу или вблизи значимого для жителей округа места, например у жальника, и затем устраивали тут же совместную трапезу для всех членов

Почитаемый крест
под навесом
у д. Мутнозеро.
1920-е гг.

Придорожный столб
с крестом, иконой
и приношениями
у д. Бахарево. 1927 г.

Каменный крест
у д. Черницы.
2013 г.

Почитаемый каменный
крест в часовне
Илии Пророка
у д. Черкасова Гора.
2013 г.

общины, пригласив к столу и гостей. Шкуры убитых «завещанных» животных обычно отдавали в церковь. В Шиженском погосте такой праздник проводили в Петров день, в погосте Капша — в день Преображения, в погосте Масельга — в Троицын день, а в Шугозерском погосте — в Медостов день. После совместной трапезы начиналось гулянье.

В XVII–XIX вв. на территории Тихвинского края сформировалась сеть сакральных объектов — местных святынь. Наиболее почитаемыми были камни-следовики, камни с различными знаками, камни с выбитыми крестами, деревянные кресты, святые источники, священные деревья и рощи. Культ камней в народной культуре был связан как с почитанием самого камня, так и с представлениями о святости воды, собирающейся в углублениях камня или в находящемся рядом с ним источнике. Воду, взятую из «следков» или смытую с камня, использовали для лечения различных болезней. Так, например, в д. Кудрево водой, политой на камень, лечили глазные и детские болезни, а кусочки отколовшегося камня приносили домой, нагревали и прикладывали к больному месту.

Наиболее ранние деревянные кресты Тихвинского края относятся к XVII в., они запечатлены на плане Тихвинского посада, датируемом указанным временем. Кресты показаны стоящими у четырех дорог, шедших в разных направлениях от Тихвина. Придорожные кресты при деревнях, расположенных вдоль Ярославского тракта, упомянуты в путевых записях П. И. Челищева, проезжавшего через Тихвинский край в 1791 г. В более позднее время кресты стали ставить у святых источников, рядом со священными деревьями и часовнями. В Тихвинском уезде почитаемые кресты сохранялись вплоть до XX в. К примеру,

Памятный крест на Куковой горе — месте явления Тихвинской иконы Божией Матери у д. Новое Село. 2013 г.

в д. Овино деревянный крест стоял рядом со священной сосной «Троеручица». К нему приносили «заветы» — полотенца, пищу. Здесь же хоронили некрещенных детей, умерших во младенчестве. Еще один почитаемый крест находился при источнике, расположенном недалеко от Шугозерского погоста.

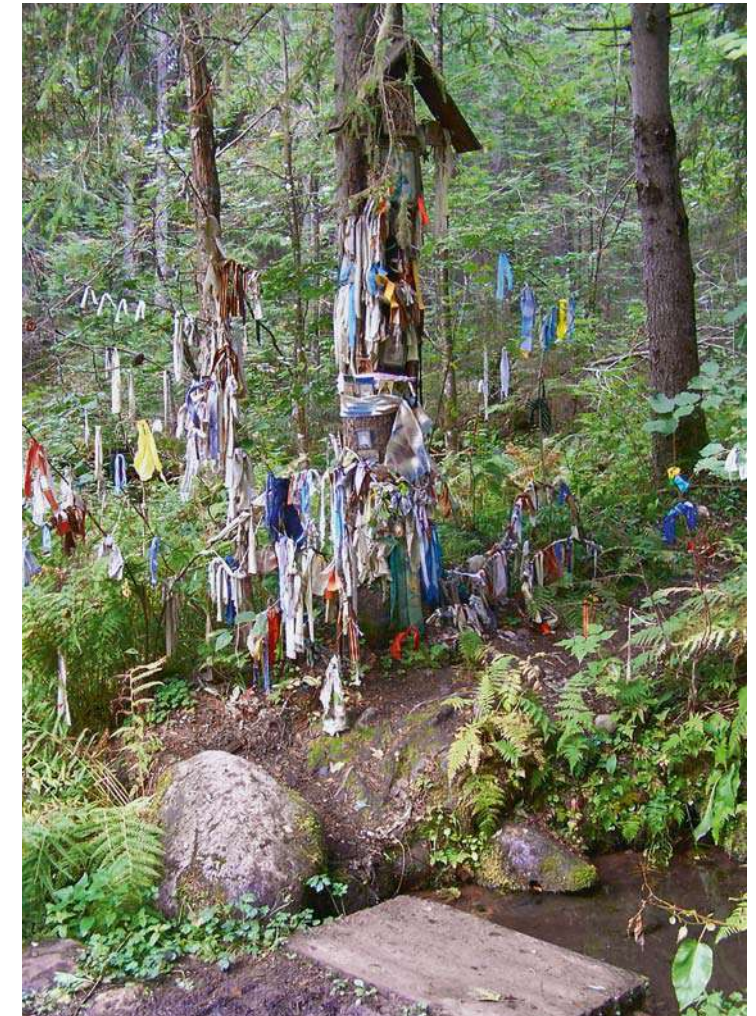
К числу сакральных объектов крестьяне относили «святые» источники: родники, ручьи, колодцы и озера. Возникновение почитания таких объектов было связано с разными событиями: с явлением в данном месте Божией Матери (Новое Село) и произошедшими в связи с этим чудесами. Также водоемы становились священными после того, как в них было видение икон (Мелекса), либо они находились рядом с часовнями или с почитаемыми деревьями и камнями. Из святых источников набирали воду для обливания с целью получения здоровья. Один из таких источников находился недалеко от Шугозерского

погоста. Над ним был поставлен сруб с навесом. Воду из этого источника считали священной, исцеляющей глазные болезни. Также этой водой обливали больных детей. На р. Паша большим почитанием пользовалась священная роща с целебным колодцем у д. Заборовье. Рядом с колодцем стояли старая засохшая сосна, заключенная в небольшую старинную часовню, и деревянный крест XVII в. Из колодца брали воду для лечения больных детей, а взамен бросали в воду деньги. Ствол сосны грызли для облегчения зубной боли.

В деревнях, расположенных в долине р. Воложба, местные крестьяне почитали Макаров колодец, находящийся рядом с одноименной часовней, построенной в XVII в. крестьянином д. Жилая Глина Макаром. Часовня располагалась недалеко от места впадения р. Рагуша в Воложбу. В преклонном возрасте Макар уединился в этом месте и молился. После смерти его почитали как праведника. В начале XX в. к Макаровой часовне был установлен крестный ход. Наиболее почитаемым деревом в Тихвинском уезде была сосна «Троеручица» у д. Овино Ильинского прихода. Крестьяне окрестных деревень хоронили под сосной маленьких детей, умерших до крещения, и выкидышей. Они полагали, что в кроне священного дерева умершие младенцы найдут свой последний приют. Большой популярностью пользовался святой источник и у д. Змеева Новинка. За целебной водой сюда приезжали не только жители окрестных деревень, но и крестьяне Новгородской губернии.

Во второй половине XIX в. религиозность крестьян начала падать. Это сказалось в первую очередь на посещении храмов. Так, в 1867 г. тихвинский краевед Иван Хрущов писал: «Народ на Ояти мало религиозен, с истинами религии мало знаком. Церковь в праздники всегда пуста»¹. В то же время он отмечал, что местное население посты соблюдает строго и очень уважает местного святого Александра Свирского. Практически все

¹ Хрущов И. 1867. Отд. оттиск. С. 3.

Святой источник
недалеко
от д. Олонечно.
2016 г.

Святой источник
у д. Змеева
Новинка.
2014 г.

жители уезда отмечали заветные праздники. В эти дни в деревнях не работали. Женщины хлопотали по хозяйству, готовили праздничный обед и ждали в гости родственников из соседних селений.

Вепсы, проживавшие в Тихвинском уезде, также исповедовали православие. Несмотря на то что они недостаточно хорошо знали Святое Писание и практически не понимали священника, к церкви и христианской религии они относились с почтением. Исследователи, наблюдавшие за жизнью этой народности в конце XIX — начале XX в., отмечали: «Чухари церковь посещают исправно; взрослые, идя в церковь, придеваются, а молодежь наряжается. В церкви мужчины стоят смирно, а бабы частенько шепчутся. Дома молятся утром, садясь и выходя из-за стола, и вечером. В субботу вечером зажигают перед образом свечу, кладут низко земные поклоны, потом садятся ужинать. Самый бедный крестьянин старается приобрести икону получше»¹. Вепсы, как и русские, по обещанию ходили на богомолье в Соловецкий, Александрo-Свирский, Паданский и Тихвинский монастыри. Повсеместно население строго соблюдало посты.

Посещать храм дети начинали по достижении семи лет. С этого времени родители обязывались приводить их на исповедь. Осмысляя свои поступки, ребенок учился осознавать, что является хорошим, а что дурным, греховным. Неизгладимое впечатление на вепсов производило внутреннее убранство храма и пение. Богослужение укрепляло веру и накладывало отпечаток на эмоциональную и культурную жизнь крестьян, формировало общие взгляды на жизнь и нравственные позиции. Нередко, в знак благодарности Богу, деревенские жители жертвовали храму книги, иконы, церковную утварь, а к наиболее чтимым иконам и деревянным скульптурам приносили полотенца, бусы, кресты и другие украшения.

¹ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 373. Л. 2.

Старообрядчество

Церковная реформа патриарха Никона, проведенная в 1654–1656 гг., вызвала негативное отношение «ревнителей древнего благочестия». Они не поддержали сближение московского устава службы с уставом греческой и других ближневосточных православных церквей, исправление богослужебных книг, обрядности и замену двуперстного крестного знамения трехперстным. Противники Никона, старообрядцы, видели в нарушении обряда церковной службы величайший грех, закрывавший нарушившим его путь к спасению. По их представлениям, с принятием нововведений рушился весь прежний образ жизни: уважение к предкам, государственная идеология православного царства. В душах русских людей поселилась тревога. Особенно тяжело было проповедникам, которые еще недавно звали народ к духовному возрождению, к благоговейному отношению к Церкви и к церковной службе, к уважению заветов святителей и предков, к бережному отношению к православному быту и обряду, к оцерковлению всей жизни. Многие из тех, кто твердо стоял за московскую церковную традицию и не принял перемен, оказались в расколе.

В то время небрежное отношение тихвинского духовенства к обрядам и верованиям привело к тому, что Тихвинский край почти весь был ослеплен расколом. Из тихвинских священников вышли известные деятели раскола: игумен Николо-Беседного монастыря Досифей, инок Геннадий Качалов (раскольники признавали их святыми), пострижник Николо-Боровинской пустыни тихвинский купец Иосаф Чаплин и Данила Викулин, который служил дячком в Шунгской вотчине Тихвинского Большого монастыря и имел тесные связи с тихвинцами. Эти люди способствовали распространению раскола в России. В 1666 г. по указу митрополита Иосаф Чаплин должен был быть арестован,

Мало-Шугозерский Спасский погост. Церковь Спаса Преображения. 1920-е гг.

«Божьи люди».
В. А. Кузнецов.
1917 г.

но его вовремя предупредили, и он успел скрыться. Игумен Досифей в 1669 г. также скрылся от преследования и уехал в Москву. Там ему пришлось принять участие в постриге боярыни Федосьи Морозовой. Он благословил ее на страдания за веру. Позже он ушел в Олонецкие леса и поселился в Курженской обители. Вокруг него образовался небольшой кружок из учеников-тихвинцев, вместе они основали несколько скитов. После этого Досифей отправился на Волгу, а потом на Дон, где создал монастырь. Последним его пристанищем стало поселение на р. Кума, где он скончался в 1688 г.

В 1680-х гг. в Тихвинском крае, на р. Сясь, объявился беглый раскольник Геннадий Качалов (в миру Георгий). С его появлением

раскол в этой местности значительно усилился. Для поимки Геннадия и его последователей в Тихвин был прислан стрелецкий голова, местный помещик Василий Козодавлев. Около его усадьбы в Пашекожельском погосте находилось главное гнездо раскольников. Геннадий проживал в удаленной от погоста д. Островок и успел скрыться до приезда отряда. Стрельцам удалось лишь схватить его помощника Ивана Сикаву, который в то время находился в д. Валдость. Геннадий же ушел в Поморье, а затем на Выг. Там он подготовил почву для образования секты странников и бегунов. Геннадию как святому было составлено «житие со службою».

Тихвинский купец Иосаф Чаплин через 10 лет после своего бегства был схвачен

в Тихвине и заключен в Успенский монастырь (1676 г.), а потом его заковали в кандалы и выслали в Новгород, где заключили в земляную тюрьму. В октябре 1677 г. он бежал, дальше его след теряется. В 1677 г. в Тихвине был схвачен раскольник Иван Рахкуев, а его престарелая мать была заключена во Введенский девичий монастырь. Нужно отметить, что эта обитель с сочувствием относилась к раскольникам. Проповеди расколуучителей приводили к бегству тихвинцев в Олонецкие леса, где они в конце XVII в. основали целый ряд скитов и поселение Тихвинский Бор.

К первой половине XIX в. в истории старообрядчества наметился своеобразный «перелом» во взаимоотношениях между государственной властью, официальной Церковью и приверженцами «древлего» православия. Несмотря на преследования со стороны Православной Церкви, численность старообрядцев не сокращалась. С целью выяснения состояния дел в приходах по поручению Владыки Амвросия в 1816–1817 гг. была предпринята первая попытка уточнить количество старообрядцев в Новгородской епархии и собрать сведения о местах их проживания. В ответ на запросы епархии священники присылали сообщения о том, что на местах «численность раскольников умножается». Стало окончательно ясно, что справиться с «распространением раскола» Церкви самой не под силу. Церковные иерархи стали требовать от официальных властей ужесточения мер, применяемых к раскольникам. С 1827 г. был принят ряд правительственных документов, ограничивающих права старообрядцев. Им было запрещено строить новые часовни и ремонтировать старые; рожденные в браке дети не признавались законными; была введена уголовная ответственность за распространение раскола и обращение в старую веру православных. Старообрядческих наставников, перекрещивающих младенцев и стариков, брали под стражу и предавали суду. Власти не позволяли открывать новые старообрядческие кладбища, а на приходских кладбищах если и разрешалось хоронить старообрядцев, то только записанных

в метрические книги. С 1827 г. по 1838 г. существовал запрет на проповедование и совершение треб в соседних уездах. В 1840 г. был принят документ, не позволявший раскольникам иметь при своих часовнях колокола.

Несмотря на все законодательные акты, регламентирующие поведение старообрядческого населения, ситуация в уездах практически не изменилась. Явные раскольники стали тайными, возобновилось создание скитов и бегство отдельных

Трехстворчатый медный складень «Деисус» из д. Усть-Капша. XIX в. 2006 г.

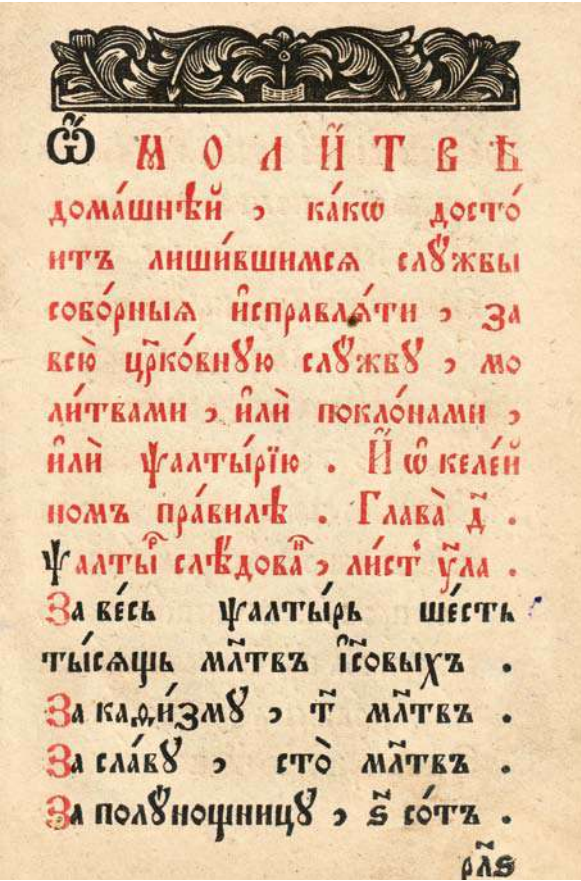
раскольников за границу. Приверженцы старой веры разными путями старались скрыть свою принадлежность к расколу, посещали «для виду» православный храм, крестили детей в православие, а потом тайно перекрещивали. На Рождество и Богоявление православного священника в доме не принимали, но выносили ему деньги на улицу.

К середине XIX в. старообрядчество «окрепло духовно и материально». Это обстоятельство сыграло немалую роль в ограждении от преследований многих староверов. Приходские священники, получая от старообрядцев немалый доход, умышленно утаивали их принадлежность к старообрядчеству. В духовных росписях они их показывали православными или причисляли к числу лиц, не исповедовавшихся «по нерадению». Местные чиновники и полиция также из корыстных побуждений искусственно затягивали рассмотрение дел, заведенных на идеологов раскола. Причины неудач в борьбе со старообрядчеством, по мнению правительства и официальной Церкви, заключались в том, что православные священники, будучи мало знакомыми с историей раскола, не понимали его сущности. Поэтому в полемике

Православные приходы, на территории которых проживали старообрядцы	Населенные пункты, в которых проживали старообрядцы	Количество старообрядцев в приходе
Усть-Каширский приход (р. Кашира и Мста)	Большое Заборовье, д. Боровщина, Горка, Кошира, Малое Заборовье, Пелешня, Усадье, Устье-Каширское	Федосеевское согласие. 207 старообрядцев (83 мужчины и 124 женщины)
Приход церкви св. вмч. Димитрия Солунского (с. Кременичи, р. Мда)	Большое Заборовье, д. Бритино, Зайково, Заозерье, Малое Заборовье, Моклочиха, Поздышево	Федосеевское согласие. 189 старообрядцев (76 мужчин и 113 женщин)
Приход церкви Положения Ризы Пресвятой Богородицы (с. Шарья; р. Шарья)	д. Горка, Филипково	Федосеевское согласие. 32 старообрядца (13 мужчин и 19 женщин)
Приход церкви Воскресения Господня (с. Липная Горка; р. Сясь)	д. Лазаревечи, Наволок	Федосеевское согласие. 98 старообрядцев (38 мужчин и 60 женщин)
Приход церкви Воскресения Господня (с. Воскресенское; р. Сясь)	д. Гора Нестеркова, Загвоздье, Остров, Прокшеницы, Пруды	Федосеевское согласие. 178 старообрядцев (71 мужчина и 107 женщин)
Приход церкви свв. апп. Петра и Павла (с. Петровское; р. Пчевжа и Колпинка)	д. Заполье, Остров	Федосеевское согласие. 113 старообрядцев (39 мужчин и 74 женщины)
Приход церкви Покрова Пресвятой Богородицы (с. Тервеничи; Тервеничское оз.)	д. Антоновщина, Ацина, Ветхое сельцо, Веченицы, Вонозеро, Габордуса, Гора, Карпина Гора, Кондрашово, Кордино, Красный Бор, Малафеева, Ниргиничи, Новое Село (Ветхоельского обва), Околок, Окулово, Пергачево, Подборье, Регмасово, Стугова, Тришково, Усть-Сара, Чайницы	Федосеевское согласие. 962 старообрядца (375 мужчин и 587 женщин)
Приход церкви Спаса Преображения Господня (с. Ярославичи; р. Оять)	д. Бахарево, Долгозеро, Лаврово, Лашково, Офонино, Печевицы, Средняя, Сюрья, Феньково, Холодный Ручей, Чур-Ручей	Федосеевское согласие. 260 старообрядцев (108 мужчин и 152 женщины)
Приход церкви свт. Николая Чудотворца (с. Пашозеро)	д. Верховье, Власова Гора, Долгозеро, Килькиничи, Лазарево, Лариничи, Лямтево (Кончик), Лукино, Макарово, Паншино, Рябов Конец, Сяргозеро, Фальково	Федосеевское согласие. 308 старообрядцев (122 мужчины и 186 женщин)
Приход церкви свт. Николая Чудотворца (Пашекожельский) (д. Горка; р. Паша)	д. Горка, Городок	Федосеевское согласие. 97 старообрядцев (36 мужчин и 61 женщина)
Приход церкви Преображения Господня (с. Шижня; р.Шижня и Паша)	д. Вахрушево, Косково, Санькова, Сашково, Сукса, Тумово, Часовенская	Федосеевское согласие. 104 старообрядца (43 мужчины и 61 женщина)
Приход церкви Архистратига Михаила д. Окулово, приход церкви свт. Николая Чудотворца (с. Никола; оз. Озерское, р. Тихвинка)	д. Белая, Белоглазово, Бередниково, Великий Двор, Верховье, Горка, Григоркино, Деревя, Карповская, Клишино, Косково, Михалево, Нос, Окулово, Осиновка, Пакшеево, Паньшино, Пшеничниково, Ростань, Ручьи, Рыбачево, Сара, Сафоново, Семеново, Слезиха, Старина, Старостино, Сухая Нива, Сычево, Углы, Финюково, Харлова, Чудская, Яковлева	1111 старообрядцев (417 мужчин и 694 женщины)
Приход церкви св. вмч. Георгия Победоносца (д. Озерёво; р. Чагода)	д. Белый Бор, Жаворониha, Лески, Лути, Марейна, Подъелье, Сельцо Горка, Труфаново, Усадище, Шульгино	249 старообрядцев (104 мужчины и 145 женщин)
Приход церкви св. вмч. Георгия Победоносца (д. Койгуши; Койгушское оз.)	д. Борисовщина, сельцо Емельяновское, Ивановское, Марейница, Маслово, Нос, Пяттино, Радогоща, Ретеша, Сташково, Усадище	Федосеевское согласие. 245 старообрядцев (103 мужчины и 142 женщины)
Старообрядческая часовня	г. Тихвин	Федосеевское согласие. 146 старообрядцев (57 мужчин и 89 женщин)

Расселение старообрядцев в Тихвинском уезде. Середина XIX в.

Федосеевское согласие (федосеевцы) — одно из беспоповских направлений в старообрядчестве. Оно возникло в конце XVII — начале XVIII столетия на северо-западе европейской части России. Основателем первой общины федосеевцев был бывший дьякон д. Крестецкий Ям Новгородской губернии Феодосий Васильев (1661–1711). Федосеевцы отличались строгим аскетизмом и дисциплиной. Со второй половины XVIII столетия федосеевцы постепенно становились самым многочисленным и влиятельным направлением в беспоповстве, выражавшим преимущественно настроения крестьян и купечества.

Страница из старообрядческой книги «Псалтырь». XIX в.

Старообрядческие книги

Старообрядческий литой крест. XIX в.

дающие четкую картину распространения старообрядчества в обследованных губерниях, и организовать работу по открытию единоверческих церквей. О том, как действовал Ю. К. Арсеньев на этом поприще, писал тихвинский историк И. П. Мордвинов: «За три месяца своего пребывания в Тихвине он арестами и полицейскими волокитами успел обратить всех наиболее упорных раскольников, и менее чем в месяц из бывшей часовни построил единоверческую церковь. Тихвинский архимандрит Петр, протестовавший против действий Арсеньева и выяснивший истинные причины его успехов, подвергся преследованиям и умер от разрыва сердца после неприятного объяснения с властями»¹.

В Тихвинском уезде старообрядчество в XVII — начале XIX в. получило значительное распространение. П. И. Челищев, побывавший в Тихвине и Тихвинском уезде в 1791 г., писал, что почти весь уезд «ослеплен расколом», а горожане

Лёстовки — старообрядческие четки

¹ Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторический очерк. 1925. С. 68.

«все раскольники и в церковь не ходят»¹. В XVIII в. в уезде начала распространяться «филипповщина», часть старообрядцев примкнула к федосеевскому толку. Современники писали, что местные староверы отличались приверженностью к старым порядкам: имели персональные ложки, чашки, ковши, не употребляли в пищу картофеля, хмель, дрожжи из-под пива для закваски теста, табак и пр. В начале XIX в. главными предводителями раскола в Тихвине были федосеевец Иван Тиханов (умер в 1825 г.) и Григорий Иванов Ущемский, находившийся с 1854 г. под особым надзором полиции. В Тихвинский Успенский монастырь часто присылали раскольников из других городов «для обращения в православие». Так, в 1832 г. там был заключен Василий Волошин, а в 1852 г. — Григорий Блохин, купец из г. Рыбинска.

В Тихвине у старообрядцев были свои кладбище и часовня, построенная до 1717 г. Прихожанами этой часовни являлось все крупное тихвинское купечество. Первая попытка ввести единоверие была предпринята в начале XIX в. при архимандрите Герасиме Князеве. Однако она не увенчалась успехом, и вскоре власть усилила гонения на староверов. В 1850-х гг. тактика правительства изменилась, последовали распоряжения, имевшие целью склонить к единоверию старообрядческое купечество (лишение права записи в купечество). В 1854 г. в Тихвинский уезд был направлен уже упоминавшийся ранее чиновник по особым поручениям Ю. К. Арсеньев. После принятия «жестких» мер по отношению к городским староверам ему удалось склонить их к единоверию. 13 июня 1854 г. в Тихвине открылась первая в Новгородской епархии единоверческая церковь. На ее устройство ушло менее одного месяца. Освящение храма проводил единоверческий священник из Санкт-Петербурга. На открытии церкви присутствовал и Ю. К. Арсеньев. По этому поводу он опубликовал небольшую заметку, в которой писал: «Едва желание тихвинских граждан о соединении с православной

церковью было изъявлено, как на месте ветхой полуразрушенной молельни явился храм. Храм был построен в соответствии с наидревнейшими образцами, украшен внутри драгоценными иконами, снабжен церковными книгами старой печати. Царские врата древневизантийской работы, образ Богоматери Тихвинской, Николая Чудотворца, Спаса Милостливого — древние иконы, древнее которых едва ли найдутся в России»².

По данным Ю. К. Арсеньева, в 1854 г. в Тихвинском уезде проживало 4299 старообрядцев (без учета карельского населения, проживавшего в вотчине помещицы Литвиновой), в самом Тихвине — 146 старообрядцев.

В Тихвинском уезде было восемь моленных в избах и один молитвенный дом. Моленные выполняли функции духовных центров, вокруг которых формировались старообрядческие общины. В моленных служили часы, утрени, вечерни, проводили праздничные богослужения. Если в деревнях не было своих наставников, для выполнения треб, проведения службы в большие праздники и раз в году «для сдачи грехов», приглашались наставники из соседних приходов и местных «отче». Содержанием помещений для моления занимались члены общины либо состоятельные крестьяне и купцы. В деревнях, где проживало значительное количество приверженцев старой веры, молитвенные дома были очень богатые и вмещали большое количество молящихся. Наиболее крупные моленные находились на территории Озерско-Михайловского и Озерско-Никольского приходов. Здесь в середине XIX в. существовало шесть старообрядческих моленных. Моленная в д. Горка располагалась при избе наставника Якова Евстифеева (Евстафьева) и его сестры. Он активно проповедовал старообрядческое учение в соседних приходах, во время своих поездок продавал старообрядческие книги и иконы. На богослужения в д. Горка собирались местные старообрядцы и приверженцы старообрядчества из ближайших деревень.

² НГВ. 1854. № 25. С. 213.

Моленная в д. Бирючово. 2014 г.

В д. Григоркино моленная была устроена при избе девицы Авдотьи Савельевой. Здесь по большим праздникам молились староверы только этой деревни. В д. Верховье моленная принадлежала крестьянину Андрею Дмитриеву. В его избе по субботам проходили моления, на которые приезжал наставник из д. Горка Яков Евстифеев. В соседней д. Пакшеево местные жители собирались один-два раза в неделю для чтения псалтыри у крестьянина Феоктиста Стафеева. Наибольшим почетом в рассматриваемых приходах пользовалась моленная д. Сара, где проживали наиболее упорные раскольники. Многолюдные богослужебные собрания проходили в избе девицы Авдотьи Павловой, службу вел Яков Евстифеев. В удаленном от основного массива старообрядческих деревень селении Нос также проходили моленные собрания староверов, но они были редки. Здесь деревенские раскольники молились в избе крестьянки Агрипины Куричихи.

Озерские раскольники были зажиточными крестьянами, а отдельные лица имели приличное состояние. Среди староверов имелось много грамотных. Под их влиянием некоторые православные крестьяне из соседних деревень

и приходов перекрещивались в старую веру. Так, только в 1854 г. было обращено в раскол 25 православных Озерского погоста. Власти на это отреагировали ужесточением мер воздействия на раскольников. У местных наставников были отобраны старые богослужебные книги, а на Якова Евстифеева заведено уголовное дело.

По вероисповеданию старообрядцы, проживавшие на территории Озерско-Михайловского прихода, относились к разным старообрядческим толкам. Идеологами местного раскола были тихвинские мещане Иван Макарович Шемякин и Иван Семенович Жирухин. Шемякин, «раскольник по убеждению», считался главным наставником тихвинских и олонечких приверженцев старообрядчества. В 1854 г. к числу «главных еретиков» Тихвинского уезда официальная Церковь относилась и тихвинских мещанок: Анисью Митрофанову (90 лет), Марью Кумачеву (60 лет), Авдотью Дорофееву (78 лет). Этих староверок именовали «инокинями». К особо опасным раскольникам причислялись и мещанки Авдотья Богданова, Анна Уштомская, Матрена Пушнова, Екатерина Остратова и Агафья Коновалова, а также тихвинский купец 3-й гильдии Василий Панфилов

Моленная — у старообрядцев помещение для совершения богослужения. Не имеет алтаря и не предназначена для совершения литургии. В моленных обычно читают «часы», а также совершаются праздничные богослужения как священнослужителями, так и мирянами (в объеме, разрешенном церковным уставом).

Филипповское согласие (Старо-поморцы-филипповцы) — беспоповское согласие в старообрядчестве, возникло в 1737 г. в результате выхода из Выговской общины поморцев сторонников старца Филиппа (в миру — Фотий Васильев (1674–1742)), который и стал основателем согласия. Сами филипповцы называют себя «христиане старо-поморского и соловецкого потомства», иногда просто «поморцами».

В начале XIX в. император Павел I разрешил принимать в церковное общение старообрядцев, желающих восстановления канонического единства. Единоверие стало третьим старообрядческим течением, хотя подавляющее большинство старообрядцев и отказалось от примирения с Церковью. По определению 1-го единоверческого еп. сщмч. Симона (Шлеёва), «единоверие... есть совокупность приходов Русской Церкви, единых с ней по вере, но разнствующих от нее в обряде».

¹ Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева. Издан под наблюдением Л. Н. Майкова. СПб., 1886. С. 261–264.

Старообрядческое кладбище у д. Никола. 2015 г.

Старообрядческие кладбища располагались на окраинах деревень или в лесу, недалеко от населенного пункта. На могилах устанавливались восьмиконечные деревянные кресты с «крышками». Часто кресты изготавливали из можжевельника. В вертикальное древо креста (в средокрестье) вставляли маленькую икону медного литья.

Кириков, петербургский мещанин Василий Гаврилов Горун, тихвинский купец 2-й гильдии Мотандин, купеческая вдова Богданова и тихвинская мещанка Анна Богданова.

Ярые приверженцы и распространители раскола проживали и в сельской местности, в верховьях р. Тихвинка. Это Аграфена Николаева (70 лет, д. Сычово), Акулина Иванова (70 лет, д. Концы), Михаил Сергеев (д. Чудская), Андрей Дмитриев (д. Верховье), девица Авдотья Савельева (д. Григоркино), Феокист Стахеев (59 лет, д. Пакшеево), девица Авдотья Павлова (67 лет, д. Сара), Агрипина Куричиха (58 лет, д. Нос), помещичий крестьянин Василий Стефанов (Степченков) и его дочь Марфа Васильева, Иван Климентьев

(д. Старина). К концу XIX в. количество старообрядцев в Тихвинском уезде сократилось. Практически исчезло старообрядческое население в Красноборской волости. Основными старообрядческими центрами оставались озерские деревни и поселения Воскресенского прихода (р. Сясь). На территории Тихвинского уезда функционировали старообрядческие кладбища. Они находились при деревнях: Ефимовская, Никола, Окулово, Пакшеево и Сухая Нива, а также на Пятницком и Пелушском погостах.

Отдельную группу старообрядцев составляли карелы Тарантаевской волости Тихвинского уезда. Это были переселенцы из Корельского уезда, которые поселились в верховьях р. Чагода после подписания Россией и Швецией Столбовского мирного договора (1617 г.). Документы 1660-х гг. сохранили имена первых поселенцев. Это были крестьяне Кирыжского погоста Корельского уезда Ефимка Самуилов, Микифорка Меркульев, Юрко Тимофеев, Ивашка Микитин, Петрушка Семенов и Афонька Кононов.

Численность карел быстро возрастала, и к XIX в. потомки мигрантов проживали в 15 деревнях Тарантаевской волости: Бирючово, Быково, Городок, Дубровка, Дятелка, Забелино, Коргорка, Коростелево, Курята, Моклоково, Новинка, Селище, Толсть, Утlikово, Якорев. По данным 1875 г., раскольниками «секты неопределенной» числилось 400–500 человек. К концу XIX в. в Тарантаевской волости проживало 1434 карел, из которых 940 причисляли себя к старообрядцам федосеевского толка.

Почти все старообрядческие семьи были состоятельными. Относительно их нравов один из их современников писал: «Карелы народ тихий, скромный, положительный; табаку не терпят, они твердо стоят за свою веру, в церковь не ходили, молятся в часовнях. В качестве наставников у них старые “девки”. Однако так было не всегда. Еще в середине XIX в. староверы жили довольно замкнуто и соблюдали свои порядки. Православному не подавали руки при встрече. Однажды священник, приехавший в старообрядческую деревню, нарочно взял у староверов ковш и стал

Намогильные кресты на старообрядческом кладбище у городского поселения Ефимовское. 2010 г.

Намогильный крест из можжевельника на старообрядческом кладбище у д. Никола. 2015 г.

Кресты часто делаются из необработанного дерева и как правило на нем нет ни имени умершего, ни дат жизни.

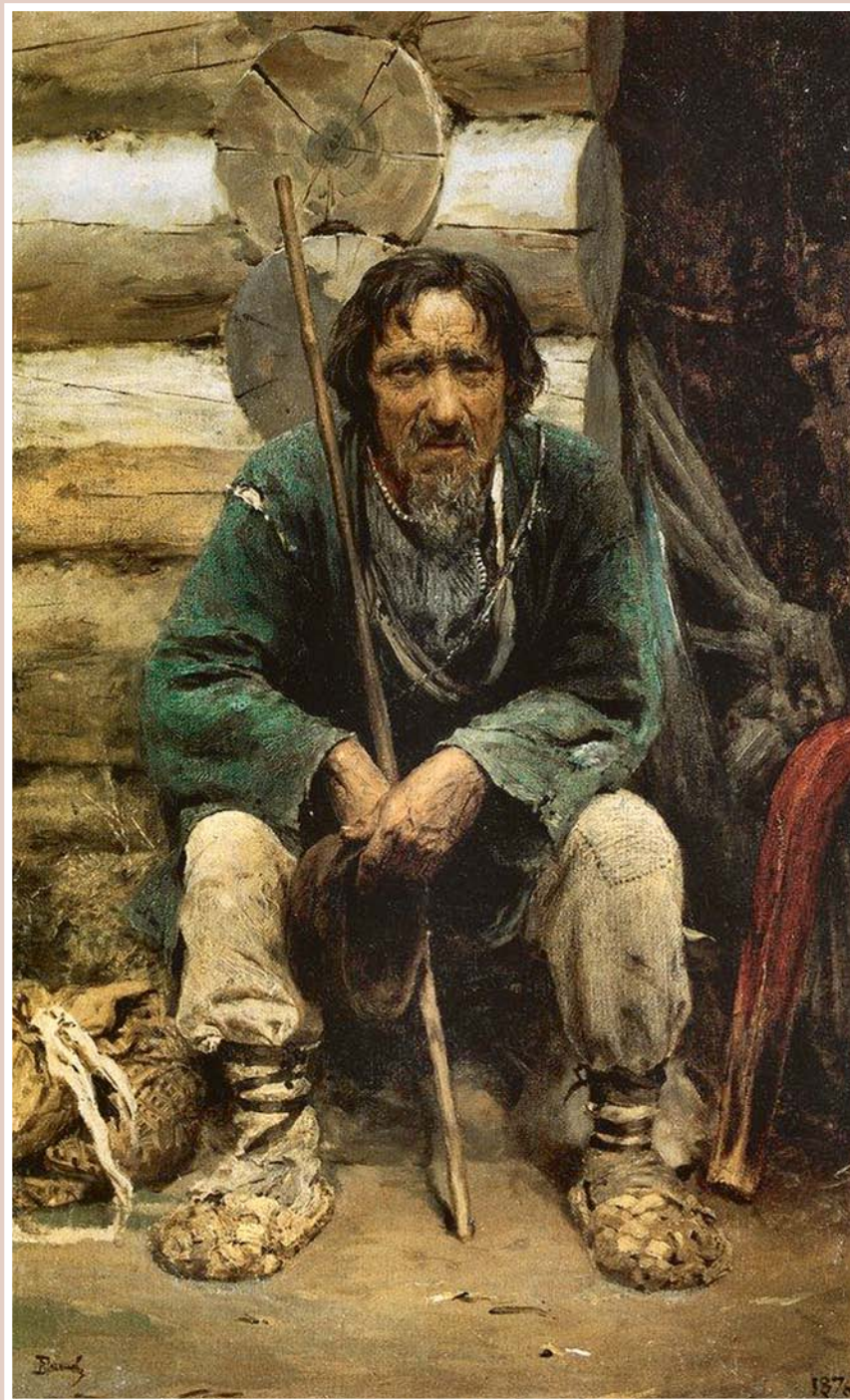
публично пить из него. Почувствовав угрозу, он обратился в бегство, и вся деревня с ружьями и кольями бросилась вслед за ним. Батюшка едва унес ноги. Впоследствии карелы-старообрядцы всячески избегали священника. При его появлении в деревне в господский праздник все уходило из дома. А в Рождество священник принимал “рую” на улице»¹.

В 1870-х гг. местный раскол распространился и на соседнюю Анисимовскую волость. У карел-староверов в деревнях Дубровка, Забелино и Бирючево были свои моленные. Умерших старообрядцев хоронили на специально отведенных кладбищах. Они находились при деревнях: Белый Бор, Бирючево, Коростелево, Моклаково. В конце XIX в. православная церковь начала активную деятельность по борьбе с расколом в данном регионе. С этой целью в 1899 г. на средства, выделенные Синодом, в д. Селищи Тарантаевской волости была возведена единоверческая церковь. Храм был освящен во имя Донской иконы Божией Матери. Однако карелы не спешили переходить в единоверие, и большинство из них остались верными «вере отцов».

¹ Современные известия. Из Тихвина. 1875. № 150. Л. 3; № 316. Л. 2–3; № 341. Л. 4.

ТРАДИЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

«Сказитель былин Никита Богданов».
В. Д. Поленов.
1876 г.

В Тихвине и Тихвинском уезде проживали разные народы: вепсы, карелы, латыши, эстонцы, евреи, поляки, немцы, но преобладали русские. Согласно Всероссийской переписи 1897 г. в Тихвине было 6589 человек, из них русские составляли 6418 человек (97,4%). В Тихвинском уезде численность русского населения составляла 99 367 человек. В основном это были потомки новгородцев и мигранты, работавшие на строительстве Тихвинской водной системы. Русские проживали на всей территории уезда, за исключением районов расселения вепсов. Из-за удаленности от крупных городов жители Тихвинского края долго сохраняли архаичные черты быта и языка.

Антропологический облик русских крестьян был неоднороден. Различия между русскими разных местностей хорошо просматривались даже в конце XIX в. Современники отмечали, что в одной и той же местности, в одной и той же деревне можно было увидеть абсолютно разных по внешнему виду крестьян. Одни были крепкие, высокие с правильными чертами лица, большими голубыми или серыми глазами, с бородой, а другие были маленького роста, сгорбленные, худые, с неправильными чертами лица. Иногда антропологические различия можно было увидеть в селениях, расположенных на разных берегах одной реки. Так, например, в д. Будогоща, расположенной на левом берегу р. Пчевжа, крестьяне были среднего роста с карими глазами и темными волосами, а на правом берегу той же реки проживало более высокорослое население с серыми глазами и светло-русыми волосами.

Различия проявлялись и в языке русских. В языковом плане территория Тихвинского уезда входит в зону распространения северо-западных диалектов русского языка, которые сформировались на основе северно-русского новгородского наречия (Ладого-Тихвинская зона). Диалекты Ладого-Тихвинской зоны относятся к архаическому варианту новгородских говоров, в которых исследователи видят новгородский диалект в его наиболее чистом виде. Отличительные особенности в Ладого-Тихвинской зоне имеет Оятская группа говоров, поскольку здесь большое воздействие на русский язык оказал вепсский. В Приоятье лингвисты выделяют два типа русского говора — относительно «чистый» русский и смешанный, возникший в результате взаимодействия с вепсским языком. Во второй половине XIX в. русские жители деревень, расположенных по берегам р. Оять, еще говорили старинным русским языком, в котором встречалось большое количество древних слов. Отличие оятского говора от новгородского состояло в том, что звук «ч» не так часто заменялся звуком «ц», как в центре Новгородской губернии. Звук «е» в корнях слов почти всегда заменялся звуком «и».

Обыденную речь русских крестьян в конце XIX — начале XX в. неоднократно описывали представители образованных слоев общества — исследователи традиционной культуры, фольклористы, учителя, а иногда и жившие по соседству дачники, для которых разговор местных жителей был часто не совсем понятен. Они писали, что в крестьянской среде всецело господствует новгородский выговор с сильным ударением на «о». В местностях, наиболее удаленных от столицы, крестьянская речь даже в начале XX в. оставалась архаичной.

Традиционная культура русского населения Тихвинского края формировалась на протяжении многих столетий. Значительное влияние на нее оказала этническая специфика региона. Тесное взаимодействие русских крестьян с прибалтийско-финским населением и использование их опыта выживания в суровых условиях лесной зоны обусловили значительное сходство материальной и духовной культуры русских с культурой коренного населения.

Поселения.
Жилые
и хозяйственные
постройки

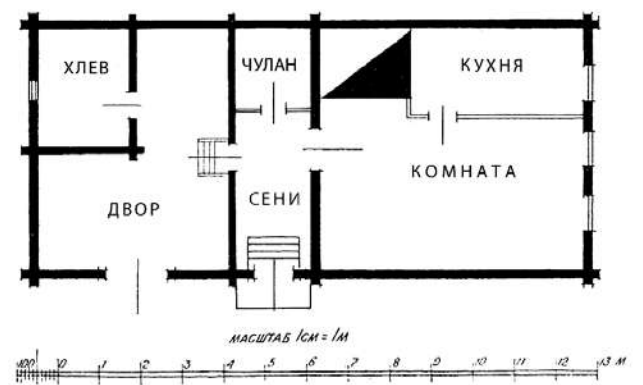
Сележный тип деревни — поселения, расположенные на возвышенности (от селыг — возвышенность).

На стр. 78–79:

Вид на церковь и жилые дома у Озерского погоста. 1865 г.

На стр. 82–83:

Улица в д. Расловичи. 1902 г.

Изба с самцово-слеговой крышей

План избы с двором. Однорядовая связь

В Тихвинском уезде во второй половине XIX в. преобладали деревни приречного и приозерного типов, реже встречались поселения сележного типа. Деревни, расположенные по берегам крупных рек, имели прибрежно-рядовую и уличную планировки. В первом случае дома лицевыми фасадами смотрели на водную гладь реки, во втором — дома были поставлены по обе стороны улицы и окнами смотрели друг на друга. Повсеместно в русских селениях сохранялись старинные типы крестьянских построек — «курные» избы с соломенными крышами. Их конструкция и отделка варьировались в зависимости от местности. С появлением в конце XIX в. домов-пятистенков и двухэтажных изб региональная специфика в домостроительстве стала более заметна. По конструктивным особенностям выделялись поселения, расположенные в бассейнах р. Паша и р. Сясь. Они имели некоторые различия в планировке и типах построек.

Традиционное жилище крестьян Тихвинского уезда состояло из летней и зимней изб, соединенных сенями. Хозяйственная половина (двор) обычно находилась позади изб. Дома строили с высоким или средним по высоте подпольем (подклетом). Подполье служило хранилищем для овощей, также в зимнее время там находился мелкий скот. Хозяйственные дворы были одноэтажными или двухэтажными. В боковой стене второго этажа делали дверь, к ней подводили «съезд» — бревенчатый настил для подъема саней с сеном наверх. Многие богатые крестьяне строили себе избы в два жилых этажа и отдельные постройки для хранения провизии. Недалеко от дома ставили маленький хлебный амбар. Позади дома — сараи и ригу.

Крестьянские усадьбы были различны по своим планировкам, что зависело от местных традиций, достатка и численности семьи. Небогатые хозяева строили дома с однорядной связью: жилые постройки стояли по одной оси, образуя в плане вытянутый прямоугольник. Более зажиточные или многочисленные семьи строили жилую часть своего дома в две избы, соединенные сенями. Хозяйственные постройки в этом случае примыкали к жилью перпендикулярно, образуя Т-образные или Г-образные планировки. Соединение жилого пространства и двора под одной крышей давало возможность вести хозяйство, ухаживать за скотом в зимнее время, не выходя из закрытого помещения.

Строили дома плотники, а иногда и сами хозяева. В набор плотницких инструментов начала XX в. входили топор, скобель для ошкуривания бревен, тесло для выемки пазов, долото и просека для пробивания отверстий в бревнах. Также при строительстве использовали молоток, кувалду, циркуль и черту, рубанок, фуганок. Если в семье было мало работников, то для возведения нового дома собирали «помочи».

Конструктивно крестьянский дом представлял собой срубную систему. Бревна связывались между собой в венцы. Наибольшее распространение получили типы рубок «в обло» — с остатком на концах и «в лапу» — без остатка на конце сруба. В XIX в. преобладали дома с крышей на самцах. При устройстве самцовой (безгвоздевой) кровли оба фронтона дома являлись непосредственным продолжением стен и рубились из бревен, скрепленных деревянными шипами. На самцы параллельно боковым стенам укладывались бревна-слеги. Самая верхняя слега образовывала гребень крыши. Слеги выступали вперед за стены фронтона на расстояние до одного метра, образуя вынос постройки от дождя. На слегах закрепляли «курицы» — особые крючья, сделанные из стволов тонких елей с корневищами. На курицы укладывали выдолбленные в виде корыта бревна — «потoki» для отвода дождевой воды. По слегам в два слоя

настилали тес — строганные доски с желобками для стока воды. Тес нижними концами закреплялся в потоках. Верхние его концы прижимались «охлупнем» — толстым выдолбленным бревном. При строительстве использовали рубленый, а не пиленный лес. Считалось, что рубленые дома были более долговечными.

Печь в избе располагалась в углу при входе. От нее до противоположной стены шли полати. От остального пространства избы они были отделены занавеской. В переднем углу висела божница — киот с иконами. Если в семье были молодые парни, то стены рядом с киотом были украшены лубочными картинками. Поскольку семьи были довольно большими, то в избе всегда было тесно. Особенно трудно было в зимние холода, когда к обитателям дома присоединялись куры, новорожденные телята и ягнята. Добротностью и основательностью отличались дома старообрядцев, которые проживали в деревнях, расположенных по р. Тихвинка. На севере

уезда дома сохраняли много элементов старинного русского деревянного зодчества и обильный резной декор. С конца XIX в. зажиточные крестьяне стали строить большие избы — пятистенки. Их рубили с продольной или поперечной «пятой» стеной. Состоятельные крестьяне, имевшие большую семью, возводили избы в два этажа. Позади избы-пятистенка пристраивали хозяйственный двор с хлевами и конюшней. Часто дворы также имели два этажа. Под крышей на фронтоне устраивали арки-навесы, делали балкончики. Перила и арки украшали резным декором, выполненным в технике пропильной и объемной резьбы. Наличники и ставни украшали выемчатой резьбой и расписывали. Часто роспись можно было встретить на стене дома под аркой-навесом.

В деревнях, расположенных в бассейне р. Паша, строили избы-четыrehстенки и пятистенки. Высота подклета доходила до 2 м. Постройки соединялись Г-образной, Т-образной и однорядной связью.

Вид на Московскую плотину и д. Горушка. 1865 г.

Дом с параллельно
стоящим двором
в д. Расловичи.
1902 г.

К боковой стене избы пристраивали хозяйственный двор, а к нему — хлев с односкатной крышей. Дворы рубили в два этажа с хлевом и «взвозом» — въездом на сennик. Углы сennика ставили на мощные деревянные столбы. Сруб теплого хлева размещали внутри двора, а иногда и за его пределами. Старинные дома на фасаде имели два окна. Потолки в избах делались из бревенчатого наката. Жилища отапливались «курными» печами. Печи делали глинобитными с рундуком и с полатями над входом. Печи были ориентированы устьем к фасаду.

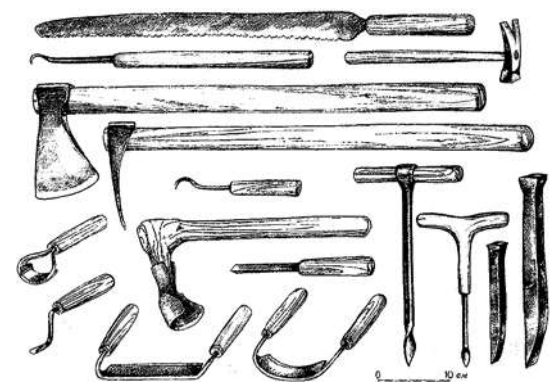
Недалеко от жилища, обычно на берегу водоема ставили баню, которая также топилась «по-черному». Баню рубили из еловых бревен «в обло»; высота стен доходила до 13 венцов. Крышу делали «на самцах». Обычно баня состояла из предбанника и мыльни. Слева от входа в углу помещения находилась печь-каменка. Устьем она была обращена к боковой стене.

Гумна обычно ставили за деревней. Чаще всего их делали трехкамерными на одну — три семьи. В крестьянской

усадьбе у каждого хозяина стояли амбары. Они были одноэтажными однокамерными и двухэтажными; сооружали их в виде четырехстенка с внутренним делением на ярусы. Крышу делали «на самцах». Амбары рубили из еловых бревен диаметром 22–23 см «в обло». Внутреннюю поверхность стен стесывали на всю высоту сруба. В нижнем ярусе двухэтажного амбара поперек продольной оси сруба на первый венец бревен укладывали пол из плах. На верхнем ярусе, в торце сруба пол настилали поперек оси, а по бокам сруба — вдоль оси. На обоих ярусах устраивали сусеки для зерна и муки. Дверь в амбар подвешивали на кованых петлях и закрывали ее на кованый замок.

В конце XIX в. в среднем течении р. Паша начали строить дома с крышей стропильной конструкции. Иногда эти крыши делали «с козырем». Материалом для строительства служила ель. Эти постройки были больше, чем старинные дома. Средние размеры сруба составляли 7,1 на 7,8 м. Стены возводились на высоту 19 венцов. Высота подклета доходила до 1,5 м. Подклет рубили в виде пятистенка с поперечным перерубом в середине сруба. Он служил опорой для печи, которую

Инструмент плотника.
XIX–XX вв.

Дом постройки начала XX в.
в с. Алеховщина.
2015 г.

Дом постройки конца XIX в.
в д. Ушаково.
2005 г.

складывали посередине избы. Печь была обращена челом — устьем к боковому южному фасаду избы. Стены внутри избы стесывали в круглый угол. К входу в дом пристраивали двухрундучные крыльца с односкатной крышей. Нижний рундук находился на уровне земли, верхний устанавливался на четыре столба.

В деревнях по р. Явосьма (приток Паши) строили дома-четырёхстенки с высокими крыльцами на столбах. Напротив домов ставили маленькие амбары. Торцы бревен у этих амбаров обрубали в шестигранник. Жилые комплексы в плане имели Т-образ-

ную и Г-образную конструкцию, также встречался однорядный тип связи. В конце XIX в. здесь еще строили дома с резными кронштейнами. Купеческие дома имели два этажа с мезонином и крыльцом. В мезонине делали светелки с одним или двумя окнами.

Подобные постройки были характерны в начале XX в. и для деревень, расположенных по берегам р. Сясь. Здесь пятистенки строили с мезонинами и полукруглыми арками-навесами над окном светелки. В богатых селениях было много двухэтажных домов с крыльцами, которые пристраивались

Бани на берегу р. Чагода
в д. Усадище.
2007 г.

Причелины — доски на фасаде
деревенских построек,
защищающие от влаги свесы
крыши.

к небольшой боковой пристройке хозяйственного назначения, называемой «каретник». Хозяйственные сооружения располагались в одну линию с избой. Дворы были одноэтажными и двухэтажными. Декор жилых построек был довольно скромным.

Резьбой украшались арки-навесы и доски-причелины по свесам крыши. Строительством в деревне занимались как местные крестьяне, так и артели плотников, приходящие на заработки из других регионов России: Вологодской, Ярославской, Тверской губерний. К плотникам у крестьян было особое отношение. Их боялись и старались всячески им угодить. Во время строительства нового дома плотников хорошо кормили и дарили им подарки. В начале строительства дома исполнялись различные обряды, направленные на обеспечение благополучия в новом жилище. Обряды совершались хозяевами дома и плотниками, которые, по мнению крестьян, знали добрые и злые заговоры. При возведении первого венца сруба на его углы

клали различные монеты. Они служили залогом благополучия новой постройки.

Свидетельством того, что жизнь в новом доме будет проходить без бед, также служили приметы, например появление в саду голубей или других «добрых» птиц. Богатство дому предвещали появившиеся в нем пауки. Убивать их было нельзя — грех. Добрым знаком для нового дома считалась смерть в нем младенца, особенно мальчика. Для избавления жилища от несчастий рядом с порогом на полу гвоздями прибивали подкову.

Крестьяне, для того чтобы не навредить себе, старались не сажать близко от дома черемуху. Считалось, что корни этого дерева, прорастая под дом, выживают его хозяев либо навлекают на семью долгую болезнь или смерть. Благословением Божиим считали выросшие рядом с избой березки, рябинки и елочки. Плохими приметами для дома и его обитателей было: появление около жилища змей, белок, больной и худой черной кошки, карканье воронов над крышей, особенно над трубой,

Поселение
у Рязанского шлюза.
2013 г.

Старинный амбар.
1929 г.

Старинный амбар
в д. Олешково.
2005 г.

Амбар в д. Турандино.
2007 г.

появление большого количества крыс, мышей — считалось, что они выживали хозяев из дома.

Интерьер обычного крестьянского жилища второй половины XIX в. был довольно прост. По диагонали от печи находился «красный угол». В нем располагались киот или полочки с иконами. Из мебели в избе были только лавки, стол и сундуки, иногда — кровать. Ночью большинство членов семьи устраивалось спать на полу. На пол стелили специальные матрацы «постельники» — мешки, набитые соломой. В холодное время года покрывались домоткаными одеялами.

В состоятельных семьях для старших членов семьи, хозяев, в углу избы ставили кровать. Для молодоженов также выделяли специальное спальное место, но они пользовались им только в течение первого года совместной жизни. Старики спали на печке или на глинобитной лежанке.

Дети спали на печке или на полатах, но чаще всего на полу. Младенцев укладывали в подвесные колыбели. Иногда в больших крестьянских семьях можно было увидеть в избе две и даже три колыбели. Обычно дети спали в колыбелях до двух-трехлетнего возраста.

В конце XIX — начале XX в. интерьер русской избы начал меняться. Зажиточные крестьяне стали приобретать для своего жилища комоды, буфеты, стулья, зеркала, этажерки. В моду вошли интерьерные изделия из текстиля: кружевные накидки на кровати и комоды, занавески из ситца. Пол стали застилать ткаными половиками-дорожками. В жилой избе появилась перегородка, которая отделяла либо кухню, либо место, где спали родители, от основного пространства комнаты. Такой вид крестьянского жилища сохранялся вплоть до первых десятилетий советского времени.

Красный угол — святой угол.
Наиболее почетное место
в избе, в котором находится
киот с иконами. Красный угол
всегда расположен по диагонали
к печи.

Семья.
Крестьянское
общество

В последней трети XIX — начале XX в. в русских деревнях Тихвинского уезда проживали большие и малые семьи. Преобладающим типом семьи были большие (неразделенные) семьи. Такую семью составляли несколько семейных пар с детьми, ее члены являлись представителями двух — четырех поколений. Малой семьей называли супружескую пару с детьми; иногда вместе с ними жили

Жители Обринской волости Тихвинского уезда. Начало XX в.

престарелые родители. Как правило, в семью входило несколько взрослых мужчин — отец и его женатые и неженатые сыновья, женщин — мать, жены сыновей, незамужние дочери, стариков — родители отца, и детей — малолетние дети отца и женатых сыновей. В некоторых случаях и после смерти отца братья продолжали вести хозяйство совместными силами и жить вместе. Такая семья могла насчитывать до 20 человек. Большое число мужчин в семье давало возможность иметь значительные наделы земли. Каждый член большой семьи имел свои обязанности, но в случае необходимости его могли и заменить.

Во главе семьи стоял «большак» — зрелый мужчина, который был женат, имел детей и вел самостоятельное хозяйство. По традиции большак был наделен неограниченной властью. Все члены семьи относились к нему с почтением и во всем его слушались. Большак распоряжался

хозяйством и имуществом семьи, хранил денежные средства, распределял работы среди мужской ее части, выбирал сыновьям жен, а дочерям — мужей. Также он заботился о благополучии семьи и хозяйства. Чтобы поддерживать в семье порядок, глава дома следил за равным распределением необходимых для существования предметов быта и одежды для каждого члена семьи. Разрешение семейных конфликтов также лежало на его плечах. Как правило, после смерти главы семьи или в связи с его немощью большаком становился его старший сын.

Большак обычно был представителем семьи в общине, участвовал в сходах, отстаивая свои интересы. Когда сыновья становились взрослыми, отец брал их с собой на собрания сельского общества. В случае нерадивости хозяина община могла вмешаться в дела семьи и сместить большака, назначив главой старшего сына или жену большака — «большуху».

В хозяйственной жизни глава семьи не только распределял мужские работы, но и руководил ими. Вместе с сыновьями он отправлялся на пахоту, сев, сенокос. При этом он, как правило, был зачинателем работ, показывая пример сыновьям. Особенно важна была его роль при севе. В обязанности главы семейства входили и заботы о сельскохозяйственном инвентаре, лошадях, средствах передвижения, об отоплении дома. Он же решал вопрос о возведении нового дома и хозяйственных построек. В ходе общих для мужской части семьи работ отец передавал сыновьям свои познания во всех отраслях хозяйства, а также обучал ремеслу, способам рыбной ловли и пр.

Сыновья по традиции должны были подчиняться воле отца. Иначе родитель мог лишить их наследства и оставить без земли. По воле отца сыновья уходили на заработки в город. Деньги, заработанные ими, чаще всего поступали в общую семейную кассу. Если сын к моменту ухода имел семью, то его жена и дети оставались на попечении родителей и работавших с отцом братьев.

Только после смерти отца или в результате выделения имущества сыновья

«Переправа через реку Оять. С мельницы».

В. Д. Поленов. 1872 г.

Написана в отцовском имении Имоменцы Олонецкой губернии летом 1867 г. Пейзаж служит скорее фоном жанровой сценки: женщина спешит с мельницы, у нее в повозке мешки с мукой, надвигается гроза, которая может эту муку испортить, а лошадь остановилась...

становились полноправными хозяевами в своем доме. Если же братья оставались жить одним хозяйством, то тогда функции главы семьи выполнял один из них, обычно — старший. Однако в некоторых семьях в конце XIX в. этот обычай уже не соблюдался. Хозяйством мог заведовать один из братьев, который был более способен к этой деятельности. Бывали такие случаи, что старший брат слушался младшего, во всем ему повиновался. Если семья была состоятельная, а у хозяина не было сыновей, в дом на жительство приглашали мужа дочери, который становился «примаком».

Вопрос о переходе зятя в дом жены обсуждался еще до свадьбы, во время предсвадебных переговоров. Были случаи, когда тесть специально присматривал для своей дочери бедного, но работающего мужа, так как хотел держать его в подчинении. Также зять мог переехать в дом тестя, если хозяйство его семьи было небольшим и бедным. Положение зятя — примака, как и невесток, по словам крестьян, было незавидным. Ими помыкали не только родители жены, но часто и сама жена.

Жену большака называли «большухой» или хозяйкой. Поскольку все женские работы в основном были связаны с домом, то главная обязанность хозяйки заключалась в поддержании порядка. Особое

положение, занимаемое старшей женщиной, выражалось в том, что она готовила пищу для всей семьи. Ее помощницами являлись дочери и невестки, жены сыновей, которые должны были беспрекословно ей подчиняться. Также большуха распределяла женские работы, поручала невесткам ухаживать за скотиной, стирать белье, выполнять разные работы в огороде и на сенокосе, обрабатывать волокно, прясть или ткать, шить одежду. Между хозяйкой дома и невестками нередко возникали конфликтные ситуации. Угодить свекрови могла не каждая женщина. Однако вмешиваться в споры женщин хозяин дома, как правило, не спешил, и делал это только в крайних случаях, когда из-за ссор нарушался порядок в доме. Обычно женщинам давали право разбираться во всем самим.

При отсутствии в семье хозяина-отца главой семьи становилась его жена, это происходило даже в том случае, если ее сыновья были уже взрослые и имели свои семьи. Однако в конце XIX в. этот обычай уже почти не соблюдался, во многих семьях мать-вдову не признавали полной хозяйкой в доме. В таких семьях хозяином становился один из ее сыновей, она же, как правило, оставалась хозяйкой до тех пор, пока могла исполнять работы по дому,

которые ей как «большухе» предписывала традиция. Когда старшая женщина уже не могла самостоятельно справляться с работой по дому, она передавала свои полномочия невестке. Передача полномочий заключалась в том, что хозяйка сообщала о своем решении невестке и отдавала ей квашню, горшок для приготовления теста или какую-нибудь другую утварь.

Несмотря на то что в силу традиции женщины были полностью подчинены мужчинам, они имели в семье свое имущество, которым их мужья не имели права распоряжаться. Это были сундуки с приданым. Они обычно хранились в клетях. Каждая женщина держала в сундуке свой гардероб, заготовленный еще в девичестве, подарки мужа, а также холсты и скопленные от продажи холста денежные средства. Ключ от сундука женщина всегда носила на поясе.

В конце XIX в. в крестьянских семьях наметилась тенденция к изменению положения женщины. В случаях жестокого отношения мужа или его пьянства женщины обращались с жалобами к крестьянскому обществу — собирали по этому поводу сход, а затем при содействии старосты обращались с заявлением в волостной суд. Часто решая такие дела в пользу женщины, суд освобождал мужчину от главенства в семье и передавал хозяйке всю власть в доме или разрешение на отдельное житье. Иногда суд принимал решение о выдаче истце паспорта, что позволяло женщине уйти в работницы и стать независимой от мужа. Наиболее тяжелое положение в большой семье было у невестки. Ею могли помыкать все — муж, его родители, братья, сестры, старшие невестки. В том случае если муж молодой женщины уходил в армию или умирал, жизнь невестки часто становилась похожей на ад. Если у женщины не было детей, то она могла вернуться в дом родителей, а если дети были, то она оставалась в доме родителей мужа, лишенная всех прав.

К появлению в семье детей относились в основном положительно. Отсутствие детей считали наказанием Божьим. Пожелания иметь детей непременно звучали на свадьбах. Женщины, испытывавшие

затруднения с зачатием, и при тяжелой беременности прибегали к магическим средствам, чтобы забеременеть или сохранить ребенка. Так, к примеру, в д. Градоша Васильковской волости выкидыш предупреждали следующим образом: беременная женщина должна была положить за пазуху сырое куриное яйцо и носить его сорок недель, причем так, чтобы не раздать. Мать находилась с младенцем пока кормила его грудью. Потом за ребенком присматривала бабушка.

С трех до семи лет дети чаще проводили время с бабушками или девочками-няньками, которые развлекали их песенками, устраивали для них игры или принимали их в свою игру «дочки-матери», где малыши играли роли «детей». Родители следили за тем, чтобы ребенок не нарушал принятых традицией норм, слушался старших, в противном случае его ждало наказание. Матери стегали провинившихся детей прутком, выдернутым из веника, а отцы «под сердитый час» нередко били и кнутом. Родители и другие члены семьи требовали от маленьких детей, чтобы они в доме сидели тихо и смирно, ничем не выдавая своего присутствия. Играть им полагалось где-нибудь в уголке. За столом дети сидели с краю, около бабушки.

С 7–8-летнего возраста детей старались привлекать сначала к легким работам, а потом доверяли им все более ответственные хозяйственные задания. Как правило, мальчики находились при своих отцах или старших братьях, а девочки помогали матерям. Мальчик к десяти годам уже отгонял лошадь на выпас, боронил поле. По достижении 12 лет он становился полноценным помощником отцу, выполнял различные работы по дому и начинал осваивать какое-нибудь ремесло.

В часы отдыха дети занимались играми. Игры крестьянских детей представляли собой своеобразное повторение жизненных ситуаций, подсмотренных в среде взрослых, в этих играх дети учились выполнять те работы, которые традиционно соответствовали их половой принадлежности. Девочки в процессе игры готовили еду, кормили «мужа» и «детей», стирали; мальчики запрягали лошадь, сеяли, веяли,

«Игра в бабки».
В. А. Маковский.
1870 г.

«Бабки» — старая русская игра, напоминающая городки. В старые времена бабки делали из надкопытного сустава домашнего животного, остающегося после варки студня. Биток — самую крупную бабку — заливали изнутри свинцом и использовали в игре как бит.

молотили. Одной из распространенных игр была игра «в свадьбу», в ней участвовали и мальчики, и девочки или только девочки, использовавшие куклы. Практически при каждом доме, где в семье росли девочки, им было отведено специальное место для игры.

В подростковом возрасте дети уже активно помогали взрослым во всех работах. Нередко их отправляли на промыслы для того, чтобы заработать деньги, необходимые для семьи. На судоходных реках они выполняли функции погонщиков, управляя лошадьми, которые тащили нагруженные товаром лодки. Их работа, по словам современников, была очень тяжелая, но зато прибыльная. Поэтому родители были заинтересованы в том, чтобы отправить своих детей на такие заработки.

К молодежной группе девочек начинали причислять с 15-летнего возраста, мальчиков — позднее. Однако мать редко отпускала на улицу 12-летнюю девочку в одной рубашке и не позволяла ей до позднего времени играть с мальчиками-ровесниками. Когда у девочки начинались регулы, родители более внимательно следили

за ней. С 15 лет к девушке уже начинали предъявлять требования как к будущей невесте, а с 16 лет ее считали невестой. С этого возраста она посещала посиделки, ходила на гулянья, участвовала в молодежных развлечениях и играх. На посиделках к ней уже подсаживались парни. Однако серьезно относиться к девушке начинали только после 20 лет.

В этом возрасте парни и девушки присматривались друг к другу на летних гуляньях и договаривались, что на зимних посиделках они будут «сидеть вместе». С этих пор в деревне их считали «парой». Молодежь занимала в семье несколько привилегированное положение. Неженатым сыновьям и незамужним дочерям родители давали возможность отдохнуть и погулять — «потешить молодость гуляньями, да посиделками». Родители приобретали для взрослых детей праздничные костюмы, зонтики, перчатки, часы. При этом от детей требовали почтительного отношения к родителям и взрослым. В крестьянской среде за непослушание и непочтение родители могли выгнать сына из дома, лишить его наследства.

Если сын пытался отстаивать свои права в суде, то суд поддерживал деревенский обычай, рассматривая его как проявление воли родителей. Были случаи, когда родители лишали детей благословения.

Главной заботой родителей, у которых были дети брачного возраста, становилось устройство их семейной жизни. Были случаи, когда девушки не выходили замуж и становились старыми девами. В семье и в деревне на такую девушку смотрели с сожалением, могли обидеть и даже оскорбить. Нередко девушка сознательно не выходила замуж, посвящая свою жизнь служению Богу. При этом она не уходила в монастырь, а жила вместе со своей семьей и ходила на богомолья. Старая дева заправляла всем женским хозяйством, и невестки, жены ее братьев, находились у нее в подчинении. Молодая женщина, оставшаяся без мужа после 30 лет, должна была носить одежду темного цвета, ей запрещалось ходить на гулянья и посиделки, а во время праздников она должна была сидеть рядом с замужними женщинами. Если старая дева желала отделиться от семьи, то ей строили маленькую избушку, в которую она и переселялась.

Важным событием для всей крестьянской общины были проводы молодых призывников в армию. Как только вопрос о службе был решен и назначен срок для отправления на службу, для рекрута начиналась «масленица». Семья освобождала его от всех работ, парню разрешалось гулять, сколько он захочет. Мать старалась приготовить для него лучшую еду. Перед отъездом родители благословляли сына «на царскую службу».

В начале XX в. разделы больших крестьянских семей практически стали нормой. Жить неразделенной семьей стало экономически невыгодно. В деревне про старшего женившегося сына говорили «отрезанный ломоть», так как понимали, что вскоре он уйдет из отцовского дома и заведет собственное хозяйство. Раздел общего имущества начинали только после женитьбы второго сына и постройки для него нового дома. Если отец умирал, и братья считали необходимым разделить, то дележ хозяйства они старались проводить

при третьем лице, которое сами выбирали. При разделе хозяйства родители по обычаю оставались с младшим сыном или с тем, который сам пожелает с ними остаться. Нередко выбор места жительства оставался за отцом и матерью или за одним из них. Как правило, они выбирали того сына, на которого возлагали надежду, что он будет лучшим помощником в старости.

Положение стариков в семье также было незавидным. Домочадцы считали, что свою основную жизненную функцию они уже выполнили, а потому стали «лишним ртом» в доме. Старики, переставшие быть большаками, практически лишались всех прав и жили на полном обеспечении своих детей. По мнению крестьян, старики должны были благодарить детей за то, что хлебом кормят и не гонят на улицу. В деревнях не любили «зажившихся» стариков, считая, что они «чужой век заедают», нередко и от членов своих семей, и от соседей старики слышали, что им пора умирать, или, как говорили, «идти к черту на куличики».

Несмотря на разделы семей, крестьяне сохраняли родственные отношения. В годовые и заветные праздники, на свадьбу в гости приглашали в первую очередь самых близких родственников и свояков — братьев и сестер с их семьями. Обязательными гостями в доме были и кумовья — крестные родители детей. Крестьянская община в конце XIX — первой трети XX в. являлась самоуправляемой административно-хозяйственной и юридической организацией, деятельность которой определялась законом Российской империи. В нее входили крестьянские семьи одного или нескольких населенных пунктов, расположенных по соседству, в ряде мест в одном населенном пункте, как правило, крупном, могли располагаться две общины. В официальных документах после отмены крепостного права общину стали называть «сельское общество» или «поземельная община», а сами крестьяне для обозначения общины использовали слово «мир». Как административно-хозяйственная единица сельское общество могло включать в себя несколько более мелких деревенских общин.

До реформ 1860-х гг. община представляла собой неформальное объединение крестьян, главными функциями которого было регулирование внутренних и внешних отношений и контроль за соблюдением правовых норм в разных сферах жизни. Ее деятельность строилась на основании народных представлений об общественных законах, нормах обычного права, а также представлений о взаимоотношениях с государством, обществом и церковью. Община управлялась мирским сходом, на который собирались главы семей. Он созывался по мере необходимости для решения важных дел. Каждый домохозяин обязан был являться на сход. Постановления могли приниматься двумя третями голосов присутствовавших на сельском сходе, хотя нередко по старой традиции крестьяне считали решение правильным только тогда, когда за него голосовали единогласно.

На сходах обсуждали широкий круг важных для общины вопросов: земельные переделы, сдачу и прием земли в аренду, разделы на подворные участки, раскладку податей и повинностей, окладные, земские и мирские сборы, а также хозяйственные вопросы (устройство и починка дорог, наем пастуха или ночного сторожа). Выбирали сельского старосту, сотского, сборщика податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ, школ, полевых и лесных сторожей и других выборных лиц. На сходе также принимались решения о назначении опекунов, помощи погорельцам, вдовам, сиротам. Здесь разбирались в семейных спорах и раздорах.

Вопросы, касавшиеся конкретного поселения, обсуждали на «селенных» — деревенских сходах. Такой сход мог инициировать каждый домохозяин. Если же возникала ситуация, требующая совместного обсуждения, крестьянин сообщал о ней своему десятскому, который в свою очередь ставил в известность старосту. После этого староста созывал сход. Крестьянские сходы проводились в разных местах — на улице, около часовни, около административных зданий, на окраине деревни. Поведение крестьян на деревенских сходах отличалось раскованностью, присутствующие

на сходе поднимали крик, шумели и старались перекричать друг друга.

Сельские сходы обычно собирались два раза в год, а при необходимости и чаще. Дату созыва назначал волостной старшина. О времени схода староста оповещал крестьян через десятского. В зимнее время года староста предоставлял для собрания свою избу. Все постановления сельского схода должны были выполняться, ответственность за это несли «выборные» — должностные лица, выбираемые крестьянами из своей среды и утверждаемые местной администрацией. Наиболее значимую роль играл в общинной жизни сельский староста. Он являлся председателем и основным исполнителем воли сельского схода. В его обязанности входило наблюдение за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других учреждений на средства сельского общества

«Крестьянская сходка». Ф. С. Журавлев. 1870-е гг.

«Чтение Манифеста 19 февраля 1861 г.». Г. Г. Мясоедов. 1873 г.

«Признаюсь, — писал один из критиков, — мне не удавалось видеть (после "Бурлаков" г. Репина) ни на одной картине столь типичных, безыскусственно-правдивых, точно живых, истинно мужицких лиц».

Крестьяне с сосредоточенным вниманием слушают читаемый мальчиком текст манифеста об освобождении от крепостной зависимости. Их отношение к документу еще не определилось: на лицах нет ни радости, ни явного разочарования.

заведениях; принуждение крестьян к выполнению принятых ими на себя договоров, наблюдение за регулярной выплатой податей и других повинностей и обязанностей. Сельский староста был также связующим звеном между общиной и вышестоящими административными и судебными организациями.

Староста должен был доводить до сведения членов общины приказы местных органов власти и контролировать их

исполнение. Он следил за общественным порядком и должен был не допускать потрав хлеба, лесных пожаров и незаконных вырубок леса, задерживать бродяг и беглых. При совершении преступлений староста

обычно производил предварительное дознание, охранял место преступления до прибытия полиции, задерживал подозреваемых, если таковые были, и даже мог посадить их под арест, но не более чем на двое суток. Староста имел право штрафовать крестьян за небольшие проступки. Сельские старосты, в отличие от других выборных, получали плату за выполнение своих обязанностей; размер ее определялся на волостном сходе. Так, например, в Тихвинском уезде староста получал жалованье от 20 до 40 рублей в год.

Как правило, к старостам в народе относились с почтением, их уважали и прислушивались к их мнению. Тем не менее особого стремления занять эту должность в обществе не было. Люди, которым доверяли и которых уважали в общине, обычно отказывались от должности сельского старосты, так как это место приносило много хлопот и мало дохода. Кроме того, нередко старосту ставили в такое положение, что он должен был выполнять реше-

ния, не принимаемые и даже отвергаемые миром. Поэтому каждый раз на сходах довольно долго уговаривали человека принять на себя обязанности старосты.

Непосредственным начальником старосты был волостной старшина. Он выбирался на волостном сходе и утверждался земским начальником; срок работы в этой должности определялся тремя годами. В круг обязанностей волостного старшины входило объявление распоряжений правительства, наблюдение за порядком, контроль за исполнением натуральных повинностей, определение вопросов, выносимых на обсуждение волостного схода, а также созыв этого собрания. Волостной старшина, так же как и староста, получал жалованье, размер которого утверждался на сходе. Часто к старшине приходили молодые женщины с жалобами на жестокое обращение с ними мужей или их родителей. Человек, выбранный старшиной, должен был разобраться в семейных ссорах и помирить родственников.

Выборным лицом был также сборщик податей. Он отвечал за сбор налогов и недоимок по сборам. Община выбирала сотского и десятских, они выполняли полицейские функции: следили за порядком в деревне. Десятский контролировал участок в 10–15 дворов. Его начальником был сотский, которого также выбирали на сельском сходе. Территория, находившаяся в его ведении, составляла 150–200 дворов. Сотский подчинялся уряднику — низшему полицейскому чину. Сотские и десятские обязаны были исполнять приказания старших по рангу административных лиц. Работа выборных не оплачивалась, так как она относилась к разряду натуральной мирской повинности, накладываемой на общину.

Одной из важных функций общины было распределение земли между крестьянами. Определенное количество земли, сенокосных и лесных угодий предоставлялось во владение общине на тех условиях, которые давались ей по закону непосредственными собственниками земли — государством, императорской фамилией или помещиками. На основании «Общего положения о крестьянах, выходящих из

крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. земельные наделы получали только мужчины, достигшие 18-летнего возраста, по документам они проходили как «надельные души»; женщинам земельный надел не полагался. Как правило, каждая крестьянская семья владела несколькими участками земли, расположенными полосами на довольно большом друг от друга расстоянии. Это было связано с представлением крестьян о справедливом распределении земли, поскольку участки могли быть неравноценными: располагаться в низинах или на холмах, вблизи водоема или вдалеке от него, могли быть заросшими или чистыми, и наконец, плодородными или малоплодородными, дальними или ближними относительно деревни.

Поскольку земельный фонд общины не менялся, а в семьях количество домоладцев возрастало, периодически проводились переделы земли. Они производились по ревизским душам, то есть по количеству мужских душ, значащихся в последней переписи населения. Поскольку в деревнях господствовала чересполосица, то крестьяне были вынуждены согласовывать друг с другом сроки разных видов сельскохозяйственных работ, а некоторые работы выполнять сообща. Поэтому на сходах определялись сроки обработки земли и других видов работ, а также севооборот. В этих случаях как раз и прислушивались к мнению старейших членов общины и руководствовались принципом: «Как отцы, деда наши делали, так и мы». Такое положение в общинном землепользовании в большинстве районов не позволяло некоторым хозяевам вводить новые прогрессивные формы хозяйствования.

В общинном владении находился лес, в котором каждый член общины имел право пользоваться грибами и ягодами. Определенный порядок пользования устанавливался для произведения порубок: лес либо разделяли между крестьянами на том же основании, что и пахотную землю, либо вырубку деревьев производили артелью и только затем распределяли заготовленный лес. Если леса становилось мало, то крестьяне занимались его восстановлением. Собравшись на сходку, они принимали

решение — не рубить лес в течение определенного срока, например 10 лет. По истечении этого срока крестьяне снова начинали рубки.

К общественным работам относились ремонт и очистка дорог, изгородей, отдельных пахотных земель и пастбища, колодцев, мостов, плотин. За своевременным и качественным выполнением работ крестьяне внимательно следили. Так, к примеру, в д. Задушенье существовал обычай наказывать тех крестьян, у которых при общественном осмотре изгородь около поля оказывалась ветхой или сломанной. Для контроля за ограждениями ежегодно в деревнях избирался «изгородный староста», он и должен был следить за состоянием изгородей, огораживавших поля и сенокосные угодья. Староста оповещал крестьян о необходимости исправить изгороди и определял сроки. Все старались вовремя выполнить свою обязанность. Если кого-то уличали в неисполнении приказа, то староста вместе с другими домохозяевами — членами общины, собранными с помощью десятского, отправлялись осматривать ветхую изгородь. Удостоверившись в ее неисправности, староста в присутствии всех жителей деревни ударял несколько раз хозяина по плечам прутьями, которыми связывали изгородь.

Еще одним видом общественных работ являлась «толока», или «помочи». Если крестьянину сложно было выполнить какую-либо работу одному, например вывезти навоз на поля, построить дом, то он призывал на коллективные работы своих соседей. На «помочи» собирались от двух-трех до нескольких десятков человек, нередко из разных деревень. Крестьяне обычно с удовольствием отправлялись помогать соседу, особенно если знали, что будет угощение. Когда помощь была необходима срочно, а крестьяне были заняты на своих работах, то хозяин сначала готовил обильное угощение и пиво, а затем звал соседей. При таких условиях «помочи» нередко могли проходить в праздничные дни.

В день, на который были назначены «помочи» крестьяне собирались у хозяина и сразу приступали к работе. Главной

«Волостной суд». М. И. Зощенко. 1888 г.

Юрисдикция суда была очень ограниченной и распространялась на мелкие имущественные споры, а также проступки с максимальным наказанием в 15 суток ареста, и только на крестьян данной волости.

задачей организатора «помочей» было соблюдение перерывов и угощение обедом работников. В зависимости от вида работ «помочи» могли быть мужскими, женскими, девичьими или совместными. Девушек, участвовавших в «помочах», было принято одаривать гостинцами. Мужчины, женщины и парни главным угощением на «помочах» считали хмельные напитки — пиво, водку, вино, а также чай. Иногда «помочи» заканчивались гуляньем — танцами, песнями. В этом случае хозяин оплачивал музыкантов, которые приходили повеселить рабочий народ.

В дореформенный период члены общины были связаны круговой порукой. В случае неуплаты налога кем-нибудь из домохозяев община должна была оплатить долг. Поэтому общинники внимательно следили за уплатой и старались разными средствами заставить крестьянина заплатить. А после отмены крепостного права каждый домохозяин стал отвечать сам за себя. Крестьяне старались не оставаться в должниках и гордились тем, что подати заплачены. Однако были случаи, когда в числе неплательщиков оказывалась большая часть общины. Тогда в деревню приезжал волостной старшина для выяснения ситуации и описания имущества. После этого назначался срок торгов. Торги проходили в той деревне, где были описаны скот или предметы утвари и одежды. В день, когда у неплательщиков изымали описанное имущество, в деревню обязательно приезжал становой пристав, а иногда исправник и представители волостного правления. Изъятием имущества руководил урядник, а непосредственными исполнителями были сотские и десятские.

Одной из наиболее тяжелых повинностей была воинская, введенная в Российской империи в 1874 г. Военнообязанными были мужчины всех сословий в возрасте от 21 года до 43 лет, срок службы — от трех до четырех лет — зависел от рода войск. Не подлежали призыву на военную службу те, кто признавался непригодным для службы по физическому состоянию либо имел малолетних детей. Призыв производился с 15 октября по 15 ноября каждого года. При объявлении набора собирались

сельские сходы для определения семейств, которые должны были предоставлять призывника. Очередность семей, из которых могли взять новобранцев, сельская община регулировала, руководствуясь наличием в них работников. Всех призывников вносили в список, новобранцы определялись путем жеребьевки. За набор рекрутов и за их доставку на призывные пункты отвечала община. Также из ее средств оплачивалось временное проживание рекрутов в сборном пункте — уездном городе. Проводы рекрута проходили в деревнях с весельем и гуляньем, некоторые расходы при этом также брала на себя община.

Отношения крестьян внутри общины и с посторонними лицами регулировались в основном нормами обычного права. Крестьяне считали, что обычай выше закона, поскольку был заведен дедами. Согласно традиции в каждой общине выделялось несколько половозрастных и социальных групп, внутри которых и между которыми устанавливались определенные отношения. Каждой из групп был свойственен свой стиль общения и поведения, принимаемый и одобряемый всеми, свои развлечения и забавы, свой костюм и манера одеваться. Такими группами были старики (старики и старухи), дети, подростки, неженатая молодежь — девушки и парни, молодые женатые мужики и замужние бабы, мужики и бабы, находившиеся в зрелом возрасте, то есть имевшие детей, а иногда уже и внуков. В каждой группе нередко существовала и более детальная дифференциация ее участников по возрасту и социальному статусу.

Народная традиция устанавливала и определенный этикет для каждой группы лиц. К старшему по возрасту или по общественному положению обращались по имени и отчеству. Таким же образом неженатая молодежь приветствовала женатых мужчин и замужних женщин в возрасте до 45 лет. Тех, кто был старше, парни и девушки называли «дядюшка» и «тетушка», а лиц преклонного возраста — «дедушка» и «бабушка». К состоятельным крестьянам относились с некоторым подбострастием, при встрече им низко кланялись, в то время как

зажиточный крестьянин, завидев бедняка, слегка кивал головой и обращался по имени.

Отношения в среде молодежи формировались на молодежных собраниях, которые происходили в осенне-зимний период в избах, а в весенне-летнее время — на улице. Зимние собрания носили название «беседа» или «посиделки». На беседы начинали собираться осенью, когда заканчивались полевые работы. В большинстве деревень Тихвинского уезда для начала посиделок была установлена конкретная дата — 1 октября. Заканчивались молодежные посиделки к началу весны.

Нередко посиделок в деревне было несколько, каждая для определенного возраста девушек. Были маленькие беседы, в них участвовали девочки от 12 до 15 лет. На средние беседы собирались девушки от 16 до 19 лет, на большую беседу ходили девушки старше 20 лет. Организаторами посиделок являлись девушки, которые проводили переговоры с хозяевами домов. Помещение для посиделок обычно нанимали у небогатых соседей или у одиноких стариков и вдов. Одинокие хозяева сдавали дом под посиделки с целью получить какую-нибудь прибыль для хозяйства. Обычно девушки или парни кололи и приносили в их дом дрова, средства для освещения (свечи, керосин), помогали в уборке помещения после посиделок. Иногда молодежь по договоренности с хозяевами дополнительно оплачивала наем избы продуктами.

В деревне существовали два вида домашних посиделок — с работой (повседневные беседы) и без работы (праздничные беседы). По будням девушки собирались в доме у подруги или какой-нибудь женщины с прялками, вязанием или вышиванием. На рабочие посиделки приходили и парни. Они подсаживались каждый к своей девушке и разговаривали с ними. Некоторые озорные парни, придя на беседу, поджигали девушкам кудель. Это означало, что работа закончена. После того как кудель была потушена, начинались игры и танцы. Запреты на проведение посиделок касались в основном кануна праздничных дней и постов, особенно Великого поста. В это время молодым на посиделки

«Пряхи». И. С. Куликов. 1903 г.

запрещали ходить родители, да и хозяева никогда не соглашались в эти дни сдавать избу для собраний молодежи.

Летние гулянья молодежи проходили на улице. В каждом поселении было место, где собирались девушки и парни: около определенного дома, где была большая площадка, за деревней, на берегу реки, у качелей. Как правило, место для летних игр обустроивали, приносили бревна для сидения или делали скамеечки, утаптывали площадки. Непременной составляющей молодежных летних гуляний были драки. Ими заканчивался почти каждый праздник. Дрались в основном парни из противоборствующих деревень. В драках существовали свои правила. Дрались до первой крови. Поводом служили ухаживания за девушками парней из чужих деревень. Такие действия молодежи в деревне не осуждались сельским обществом, поскольку кулачные бои были типичным явлением в традиционной культуре. Они были распространены повсеместно.

Посиделки (супрядки) — молодежные вечеринки. Они могли быть будничными (с работой) и праздничными (с играми, танцами). Обычно посиделки начинались по окончании летне-осенних полевых работ. На посиделки приходили девушки со своими прялками и неженатые парни. Возрастной состав посиделок различался в зависимости от местной традиции.

Основные и подсобные
занятия населения.
Кустарные
промыслы

Основу хозяйства русского сельского населения, проживавшего в Тихвинском уезде, составляло земледелие в сочетании с животноводством. Весь летний период крестьяне занимались только полевыми работами. Среди выращиваемых зерновых преобладали рожь, овес, ячмень (жито), гречиха, пшеница. Главной зерновой культурой считалась рожь, второе место занимал овес. Наиболее распространенными огородными культурами во второй половине XIX — начале XX в. были картофель, капуста, репа, брюква, редька, горох, бобы и лук. Зерновые культуры в основном выращивали для собственного потребления. Каждая крестьянская семья имела свои поля. Земельные наделы разделялись дерновыми полосами. В среднем каждое крестьянское хозяйство владело 11 десятинами (почти 12 га) земли. Получаемые с крестьянских наделов урожаи были небольшими, что объяснялось малым плодородием местных почв и климатическими условиями. Состоятельной крестьянской семье своего урожая зерна хватало до весны, бедной — до января-февраля.

Во второй половине XIX — первой четверти XX в. преобладающей формой земледелия было трехполье. Основу трехполья составляли два действующих поля — озимое и яровое — и одно отдыхающее. В первый год на одном поле сеяли озимую рожь, на втором — яровое зерно: ячмень, овес или горох; третье находилось под паром.

На следующий год озимое поле использовалось под яровой хлеб, яровое — под пар, а бывшее в пару — под озимь. Время начала сева определяли по состоянию почвы и по приметам. Так, яровой хлеб начинали сеять, когда земля достаточно просыхала, на деревьях появлялись маленькие листочки, зацветала черемуха, прилетали кукушки и ласточки. В зависимости от климатических и почвенных условий в каждой конкретной местности были свои особенности землепользования.

Наряду с трехпольем в местностях, богатых лесом, сохранялся подсечно-огневой способ обработки полей. Это земледелие крестьяне называли «лядинным», «на сучьях». На участке леса в мае или начале июня вырубали деревья, которые оставляли здесь же, равномерно распределив по поверхности земли. Осенью, а иногда ранней весной следующего года высохшую древесину сжигали. Сучья и ветки связывали в большие вязанки, а затем раскладывали по земле, прикрыв сверху дерном, после чего поджигали. Пни обычно оставляли в земле: постепенно сгнивая, они также удобряли землю. Обработанное таким образом поле не требовало внесения удобрения и в первые годы давало высокие урожаи. В удобренную золой почву сеяли ячмень и рожь, а в последующие годы — овес. Через несколько лет такой участок переставал давать хорошие урожаи, и его бросали.

Основными орудиями обработки земли были соха из березы, плуг и еловая борода. Соха не вспахивала, а только «ковыряла» землю, поэтому на крестьянских полях росло много сорной травы. Во время работы с сохой крестьянину приходилось сгибаться чуть ли не в три погибели. После пахоты многие пахари страдали «ломотой», не могли заснуть ночью от боли. Урожай крестьяне собирали с помощью серпов и кос. Для обмолота зерна использовали цеп, лопату для веяния, решето. С конца XIX в. в богатых земледельческих хозяйствах стали

Ветряная мельница
у д. Жуково. 1920-е гг.

использовать механические косилки, молотилки, веялки, жатвенные машины. Однако большинство крестьян продолжало заниматься земледелием так, как работали их деды и прадеды.

В тихвинских деревнях перед тем, как приступить к севу, сеяльщик садился на лавку и, перекрестившись три раза, говорил: «Господи, благослови!», а потом делал три земных поклона и произносил: «Народи, Господи, на всякую душу крещеную!» На поле он снимал шапку, осенял себя крестным знамением на четыре стороны света и говорил: «Уроди, Господи, на всех православных!» Так же поступали и перед началом сенокоса, и при вывозе навоза на поля.

Уборкой зерновых культур занимались в основном женщины. Рожь, пшеницу и ячмень повсеместно жали серпом, гречиху, овес и горох косили косами-литовками или старинной косой-горбушей. Сжатые в снопы или скошенные зерновые оставляли на поле для просушки. В засушливые годы снопы укладывали прямо на землю кучами, которые, в зависимости от конструкции, назывались «бабки»,

«бараны», «кучки». В дождливые годы для сушки снопов устанавливали специальные вертикальные конструкции из жердей — «зароды». На них снопы развешивали. После просушки на открытом воздухе снопы увозили с поля в овин или ригу. Обмолачивали зерно в гумне. Колосья били ручными цепями, а потом полученное зерно провеивали три-четыре раза, отделяя мусор и шелуху. Пшеницу очищали с особой тщательностью. После обработки зерна с помощью лопаты для веяния пшеницу провеивали через решето. Хранили зерно в амбарах, распределив по сусекам. Для получения муки зерно перемальвали на ручных жерновах, для более мелкого помола возили на мельницы.

Сроки уборки урожая крестьяне определяли по погоде и созреванию хлебов. Согласно крестьянскому сельскохозяйственному календарю сроки работ варьировались в рамках одной-двух недель. Конец весны и лето были важным для земледельца периодом, и для отдыха времени практически не оставалось: один вид сельскохозяйственных работ сменял другой, как говорили в народе, «работа

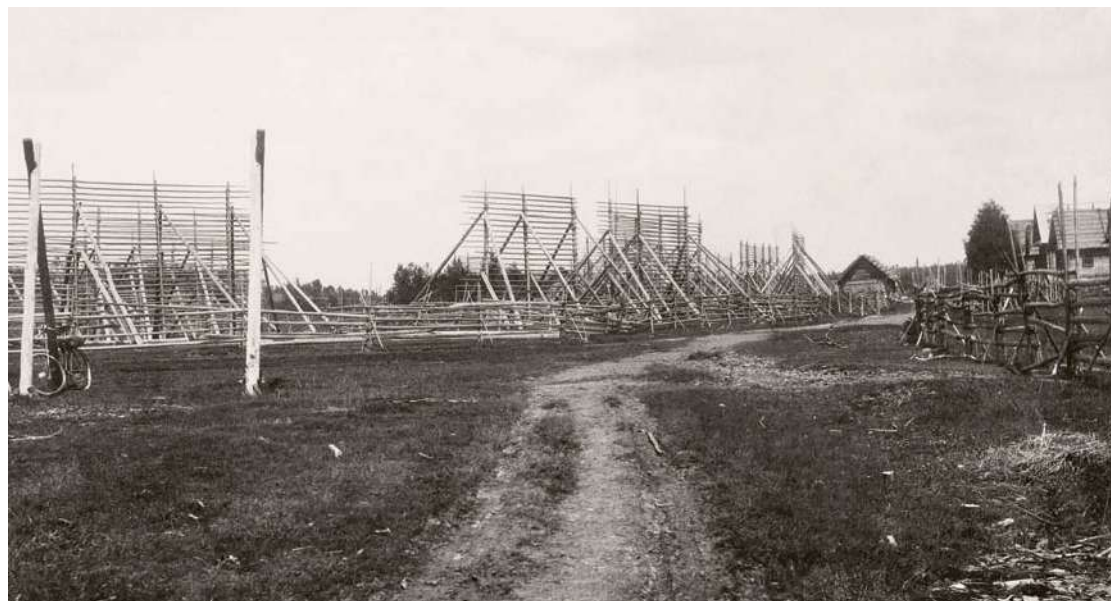
Десятина — старая русская единица земельной площади равная 109,25 сотки или 1,09 га, использовалась в России до введения метрической системы.

Косарь — большой хозяйственный нож с изогнутым лезвием. Использовался для вырубki мелкого леса под пашню.

На стр. 102–103:

«По тетеревиным выводкам». А. Д. Кившенко. 1888 г.

Хлебные зароды. 1926 г.

Рубка деревьев косарями для подготовки пахотного участка под льняное поле. 1929 г.

Понятие **старый стиль** летоисчисления возникло в связи с переходом России от летоисчисления по юлианскому календарю к современному летоисчислению — по календарю григорианскому. Переход был осуществлен в 1918 г. по постановлению Совнаркома. За 31 января 1918 г. наступило сразу 14 февраля, а дней с 1 по 13 февраля в календаре 1918 г. нет.

работу погоняет». Пахать поле для посева яровых начинали в самых последних числах апреля (по старому стилю), когда земля достаточно просыхала. Сев нужно было закончить ко дню св. Николая (9 мая), самым крайним сроком для сева считалось 20 мая. С 1 августа крестьяне выходили «двоить», «троить» поле к посеву ржи — началась пахота под озимь. К празднику Успения Богородицы, или, как говорили, «к Успенью» (15 августа), уже следовало закончить сев ржи.

Пока женщины убирали урожай зерна, мужчины начинали молотить хлеб для еды и на семена. В первую очередь крестьяне старались убрать с полей

рожь. Жать начинали тогда, когда ржаное зерно достаточно затвердело. После уборки ржи начинали сеять озимые. В последнюю очередь дергали лен и жали ячмень. Жатва начиналась обычно с Ильина дня и продолжалась до 15 августа. Самым ранним сроком для жатвы яровых считалось 28 июля, праздник в честь Смоленской иконы Божией Матери. Овес же, хотя он и вызревал раньше, довольно долго оставался в поле для просушки. Работы по уборке зерновых могли затянуться и до первого снега, который покрывал снопы, стоявшие в поле.

Огородничество среди русских крестьян было развито незначительно. Овощи выращивали лишь для собственного потребления. Огороды располагались на крестьянских усадьбах и в полях. На огородах в южной части губернии помимо основных овощных культур выращивали свеклу, морковь и мак. Повсеместно предпочтение отдавали капусте, под посевы этой культуры отводили самые большие площади. Поэтому капусты крестьянской семье хватало до следующего урожая, а других овощей — только до начала Великого

поста. Снимать урожай с огородов начинали в сентябре-октябре. В это время созревали картофель, капуста, репа и брюква. После выкапывания овощи на некоторое время оставляли на поле для просушки, а затем везли в хранилища. Из-за плохого ухода овощи в основном росли мелкие, больные.

Выращиванием и обработкой технических культур льна и конопли занимались в основном женщины. Качество местного льна зависело от его обработки. Лен-стланец в народе ценился дешевле льна-моченца, так как пряжа, получаемая из моченого льна, была вдвое прочнее. Поскольку пригодной земли для выращивания этой технической культуры было мало, лен выращивали в небольшом количестве — только для собственных нужд. Посев льна производился в мае. Семена большей частью были покупные. Лен начинали убирать «в прозелени». Его дергали руками и собирали в пучки. После того как весь лен был убран с поля, начинали обработку льняного стебля: обрубали семенные коробочки, связывали стебли в снопы и замачивали в водоеме на две-три недели. После вымочки лен расстилали на траве и держали до тех пор, пока сырье не становилось белым. После этого лен сушили в овинах, мяли на мялках и очищали от кострики при помощи ручных трепал. Затем очищенные от оболочки стебли льна несколько раз прочесывали специальными щетками из щетины.

Важную часть сельскохозяйственных работ летом составлял сенокос. Сразу после сева зерновых начинали расчистку покосов: убирали мусор, прутья, кротовые кучи. К косьбе трав приступали обычно с Иванова дня (24 июня), при хорошей погоде — за неделю до этого дня, а из-за непогоды начало косьбы переносилось на Петров день (29 июня). Обычно сенокос длился до 1 августа, прерываясь на одну-две недели в период жатвы озимых. Иногда в это время крестьянская семья разделялась: часть работников отправлялась на жатву, а другая часть продолжала косить. Если же погода была дождливая, то сенокосная пора могла затянуться до 15 августа.

Животноводство в сочетании с земледелием составляло основу сельского хозяйства. В своих хозяйствах крестьяне держали лошадей, крупный рогатый скот, овец, реже — свиней. Согласно статистике конца XIX в. крупный рогатый скот местной породы составлял 71% от всех домашних животных, второе место занимали лошади. Стоимость лошади была выше стоимости коровы. В средних хозяйствах держали одну лошадь и три-четыре коровы. В зажиточном крестьянском хозяйстве обычно было две лошади, три — пять коров, от четырех до шести овец. Зажиточные крестьяне имели в своем хозяйстве свиней.

Крупный рогатый скот заводили в основном для получения навоза, основного удобрения, используемого при обработке земли под посевы, и для удовлетворения собственных потребностей в молочных продуктах. Почти повсеместно коровы содержались в холодных хлевах. Из-за плохого ухода молока надаивали мало, его едва хватало маленьким детям и больным. Количество крупного и мелкого рогатого скота в хозяйстве зависело от запаса кормов. На одну голову крупного рогатого скота расходовалось около 80 пудов кормов — сена, яровой и ржаной соломы. В среднем крестьянском хозяйстве обычно заготавливали 300–400 пудов сена. Однако значительная его часть продавалась для уплаты податей. Поэтому беднейшие крестьяне могли содержать одну лошадь и одну-две коровы, да пару овец. Лошадь использовали в качестве тягловой силы: во время пахоты, поездок и перевозки грузов, на лесозаготовительных работах. Несмотря на то что лошадь стоила довольно дорого, крестьяне не отличались внимательным отношением к уходу за этими животными и к их кормлению. В зимнее время лошади, как и другой скот, часто голодали.

Новым для большинства крестьян региона сельскохозяйственным занятием в конце XIX в. стало садоводство — выращивание фруктовых деревьев и ягодных кустарников. Первоначально сады располагались только на территориях многочисленных дворянских усадеб. Из плодовых

деревьев высаживали в основном яблони и вишни. В Тихвинском уезде садоводство было развито слабо. Разведением яблонь и ягодных кустов занимались главным образом крестьяне пригородов Тихвина, Васильковской, Недашецкой, Жуковской, Сугоровской, Прогальской и Пикалевской волостей.

Значительным подспорьем крестьянской семье было рыболовство. Этим промыслом занимались везде, где в водоемах водилась рыба. Многие безземельные крестьяне поселялись непосредственно на побережье рек и озер и начинали заниматься рыболовством. В каждой местности оно имело свою специфику, которая проявлялась в орудиях труда и способах лова. В Тихвинском уезде рыбу ловили в реках Сясь, Тихвинка, Воложба, Паша, Оять, Чагода, Лидь и в крупных озерах. В начале XX в. рыбной ловлей в уезде занимались более 1000 человек. Из орудий лова использовали «морды»,

Процесс обработки льна после трепания. 1929 г.

«одноритки», «вентереи», «бродники», летние и зимние неводы, «мутники». У каждого рыбака было в среднем 9–10 орудий лова. Основными промысловыми рыбами были: окунь, ерш, щука, карась, налим, язь, лещ, судак. В р. Оять обитали «поскакухи» — мелкий лосось, а в лесных ручьях с чистой холодной водой водилась форель.

Установка сетей для ловли рыбы в озере с долбленной лодки «осиновки», 1929 г.

Самым простым орудием лова считался сачок. Сачок делали из четырехметровой палки, к которой прикрепляли березовый полукруг. На эту основу прикрепляли сеть с небольшими ячейками длиной около 1,7 м. Лов рыбы происходил следующим образом: сачок опускали в воду и вели сеткой по течению, прижимая к берегу. Наиболее удобными местами для ловли сачком служили крутые берега, платформы, палубы судов. Чаще всего сачком ловили мелкую рыбу: окуней, язей, плотву, щук, изредка попадалась и крупная рыба. На р. Сясь крестьяне ходили «сачить» рыбу в апреле, когда уровень воды в реке после таяния льда поднимался и вода заполняла все русла ручьев. Вместе с водой в ручьи заходила рыба. Лов происходил ночью с помощью фонарей.

На крупных реках был распространен лов рыбы переметами. Перемет — это длинная тонкая веревка, один конец которой привязывали к палке, вбитой на берегу, а другой, с камнем, опускали на некотором расстоянии от берега в воду. К веревке привязывали толстые нитки, с крючком на конце. На крючки насаживали личинки муравьев. Несколько раз в день рыбак приходил на реку и отправлялся на лодке осматривать крючки и снимать с них рыбу. Этот способ лова был широко распространен на р. Сясь. Здесь ловили проходную рыбу — сырть, которая поднималась в верховья реки из Ладожского озера. С помощью перемета ловили также

язей, угрей, плотву и окуней, используя в качестве приманки вьюнов.

Повсеместно крестьяне ловили рыбу с помощью мереж. Эти каркасные ловушки изготавливали из ивовых прутьев. Рыболовный снаряд представлял собой вставленные друг в друга конусовидные корзины с узким горлом. Для увеличения срока службы мереж их коптили. Из-за длительного нахождения в воде эти орудия лова быстро приходили в негодность. Поэтому в запасе у каждого рыбака было около шести, а иногда и более, пар мереж. Лов мережами начинался после ледохода и продолжался в течение лета. Для ловли мережей выбирали тихое место, как правило, плесы. Мережи устанавливали и в заколы.

Еще одним видом занятий местного населения являлась охота. В Тихвинском уезде крестьяне охотились без специальных билетов (лицензий). Охотой на продажу занимались в основном осенью. Одним из наиболее распространенных способов охоты была охота с петлей. Петли расставляли по лесу, в качестве приманки служили ягоды калины. При такой ловле охотник каждый день, отправляясь проверять петли, приносил из леса добычу. Петли на зайца обычно ставили у зарода с сеном, так как зверьки приходили сюда на кормление. Охотились обычно зимой, весной и осенью. Осенью — на боровую дичь и на пушных зверей — белок, лисиц, зимой — на зайцев.

Состоятельные крестьяне охотились на боровую дичь с помощью ружей, преимущественно шомпольных. Тетеревиная охота в Тихвинском уезде называлась «сходить на чучела». Для охоты заранее выбирали место, строили будку из кольев и хвой и втыкали поблизости в землю палки. Ранним утром крестьяне с ружьем и чучелами тетерева отправлялись в лес. Придя на место, устанавливали чучела, а затем прятались в будке. Услышав «чужыканье» проснувшегося тетерева, охотники издавали звуки в подражание птице. Тетерев подлетал к чучелам и усаживался поблизости. Таким образом, охотники получали хорошую мишень для выстрела.

С ружьем охотились также на зайца и белку. Зайца подкарауливали на озимых

полях, куда он приходил по вечерам кормиться. На белку охотились в лесу в период ее линьки. Отправляясь за белкой, охотник брал с собой собаку, которую специально выучивали для поиска этого пушного зверька. Лайка, учуяв белку, с лаем подбегала к дереву, в вершинах которого та скрывалась. Если охотник видел белку, то стрелял сразу. Если разглядеть белку не было возможности, тогда обухом топора он стучал по стволу, чтобы спугнуть зверька, который перепрыгивал на соседнее дерево, тем самым обнаруживая себя. Подстрелив белку, охотник отрубал ей лапки и отдавал их собаке, чтобы поощрить ее. За один выход в лес охотник мог добыть около десятка этих зверьков.

Добытое мясо дичи также продавали. Пара рябчиков стоила 25–35 копеек, пара тетеревов или куропаток — 60–70 копеек, заяц — 15–20 копеек. Несмотря на то что цена на эти продукты была не очень большой (на рынках Петербурга курица в то время стоила в среднем 30 копеек), полученные от продажи средства были серьезным подспорьем семьям.

Осенью и зимой крестьяне Тихвинского уезда сами ездили с обозами в Новую

Ладогу продавать дичь и зайцев. Скупщики же обычно продавали охотничью добычу в Петербург. В лесных местностях наиболее ценным объектом охоты являлись медведи. За убитого зверя можно было получить хорошие деньги. В Тихвинском крае в 1898 г. тушу убитого медведя оценивали в 150–200 рублей. На медведей устраивали облавы, в которых приглашали принять участие приезжих охотников из города. За участие в охоте крестьяне обычно брали с них деньги.

Еще одним промыслом, приносящим дополнительный доход крестьянской семье, были заготовка и переработка леса в зимний период и лесосплав. Наиболее крупными сплавными реками в Тихвинском уезде считались Пчევжа, Сясь, Паша и Оять. Лесозаготовки начинались в декабре и продолжались до марта. Бревна заготавливали преимущественно сосновые и еловые. Лесозаготовительные работы в начале XX в. проводились в трех — семи верстах от сплавных рек. С наступлением санного пути крестьяне брали подряды на вывозку срубленного леса. Перевозили лес до весенних оттепелей. За вывоз бревен лесопромышленник платил крестьянину

В конце XIX в. обычный деревенский дом стоил 100–150 рублей, лошадь или корова — 25–50 рублей.

Обжигание самодельного кирпича для постройки русской печи. 1929 г.

по 15–20 копеек за бревно. Стоимость зависела от дальности перевозки и от толщины бревна. По меркам сельских жителей это был хороший заработок. К примеру, средняя зарплата городского рабочего в то время составляла 2 рубля 20 копеек в день.

Утварь из бересты
из д. Вороньи Горки.
2007 г.

Кошель из бересты.
Деревня Новоандреево.
2005 г.

После Святков на берегах сплавных рек начинали пилить дрова. Они предназначались для продажи. Весной все население деревень, располагавшихся на сплавных путях, выходило на берега бросать дровяной лес в воду и скатывать бревна. В этой работе принимали участие женщины, девушки и даже дети. Они нагружали дрова на тачки и в лодки. Мужчины занимались молевым сплавом. Они оттапливали баграми лес от берега на течение реки. В запанях — местах сбора — лес собирали и сортировали, а затем торговцы переправляли его в Петербург. На барках лес возили по высокой воде.

Почти во всех деревнях губернии были мастеровые люди, которые зарабатывали себе на жизнь кожевным, сапожным, портняжным, красильным, столярным, бочарным, колесным, корзиночным, печным и кузнечным ремеслами. В ряде деревень изготавливали средства передвижения: сани, телеги. Зажиточные крестьяне

и купцы имели свои ветряные и водяные мельницы, на которых мололи зерно для себя и по заказам.

Обилие водных путей сообщения в Тихвинском уезде способствовало развитию судоходства и судостроения. С октября по апрель крестьяне занимались постройкой судов по заказам судовладельцев. Также крестьяне занимались проводкой судов и перевозкой грузов. На порожиистой р. Паша суда проводили местные лодманы. Здесь было принято после удачного прохождения через опасные места на реке посещать часовню и оставлять в ней различные приношения, так как крестьяне считали успешную проводку судна «делом Божиим».

Одним из старейших промыслов крестьянства было гончарство. Гончарный промысел среди русских крестьян был наиболее развит в Тихвинском уезде (Шугозерье). Здесь производство керамической посуды началось в XVII в. В Шугозерье промысел получил распространение в деревнях, расположенных по рекам Явосьма и Тутока. В Куневичской волости гончарством занимались крестьяне деревень Бурмакино, Панышино, Григино, Максово, Загорье, Опока и Чудская. В Деревской волости посуду делали в селениях Мунгова Гора, Никольское, Мелехово, Верховье, Нестерово. В гончарном производстве были заняты и мужчины, и женщины. Окрестное население дразнило горшечников «чутьяшниками», «горшками-лопатниками».

Техника и технология производства керамики на Явосьме была архаична: сосуды первоначально лепились вручную, а потом подправлялись на ручном гончарном круге. Лепка и обжиг посуды производились в жилых избах в русских печах. Единственным украшением сосуда был рельефный венчик на краю горлышка. Первоначально в качестве сырья для изготовления керамики использовали местную материковую глину серого цвета, ее добывали со дна р. Явосьма. Позже стали применять огнеупорную глину. К ее разработкам приступили во второй половине XIX в. Места выходов этой глины находились у деревень Панышино, Мелехово, Нестерово, Верховье и Ретеша.

Глину заготавливали с конца сентября, после того как она начинала подмерзать. Процесс ее заготовки был сложным и опасным. Глину добывали в колодцах, к которым вели боковые входы. Стены колодцев были до трех метров глубиной. В яме на копке глины обычно работали три-четыре человека, а наверху у подъемного колеса оставались двое. После подъема кома глины его складывали на носилки и относили к месту хранения. Заготовленное сырье лежало на глинище до установления зимнего пути. После этого глину делили между гончарами и развозили по домам на санях. В гончарном промысле существовало разделение труда. Если в семье было много женщин, то они возили глину и дрова, месили глину, вытаскивали готовую посуду из печи. За кругом работали мужчины. Они же везли готовую посуду на продажу. Иногда к работе подключали и детей.

Привезенную глину разбивали на куски и складывали в большое деревянное корыто, чтобы она оттаяла, после чего заливали теплой водой на сутки. Затем ее месили деревянными лопатами и складывали в кучу, чтобы она прела, а в свободный край корыта накладывали следующую порцию глины. Глину оставляли преть до двух суток. По их истечении начинали готовить глиняное тесто: на полу расстилали четыре полосы грубого домотканого холста, на него просеивали через решето песок. Потом на песок выкладывали глину и снова просеивали песок. После этого глину разминали ногами: от центра к краям. Затем сворачивали глину углами на середину и снова месили. Так делали пять раз. Эту работу выполняли мужчины, женщины и дети. Глина после обработки делалась мягкой, как тесто. Перед началом формовки посуды ее сбивали в столб и ставили его около гончарного круга, из него брали куски для работы.

Сформированную посуду осторожно снимали с круга и ставили по лавкам и полкам. День изделия сохли, а затем их переставляли на верхнюю полку — где теплее. После того как посуда становилась крепче, ее укладывали на полки сверху дном в несколько рядов, и так оставляли сохнуть на три-четыре дня, после чего приступали

Кувшин для пива из д. Григино
(р. Явосьма). Начало XX в.
2013 г.

Кувшин для пива. Начало XX в.
2005 г.

к обжигу. Обжиг производился в домашних печах, которые топились по-черному. Сосуды устанавливали в жаркую топку и в промежутки между ними укладывали тонкие осиновые поленья, которые давали больше огня. В печь помещалось до 300 штук различных изделий одновременно: «носильки» — сосуды для пива, опарники, сосуды для молока, латки, игрушки.

Затапливали печь вечером, а утром смотрели посуду. Если посуда «светилась» — обжиг заканчивали. Перед тем как доставать готовые изделия из топки, на шесток печи нагребали угли (чтобы посуда не билась). Вытаскивали готовые изделия ухватом с железной вилочкой на конце, брали под край горла — «губы» и ставили на пол остывать. Иногда посуду обваривали в отваре льняных головок — от этого горшки становились пестренькими. Современные замечали, что местные гончары-самоучки, прежде чем сделать хорошие изделия, производили большое количество бракованных горшков. Все улицы в деревнях по р. Явосьма, где проживали горшечники, украшали кучи полыхавших во время обжига горшков.

Рукомойник. XIX в.
2005 г.

Кринка для молока. Начало XX в.
2005 г.

Резной декор на старинной
прялке из д. Верховье (р. Ретеша).
Вторая половина XIX в.
2005 г.

Изготовленную посуду либо продавали сами, либо сбывали через скупщиков д. Григино. Перевозили товар к месту торжков и ярмарок на дровнях, на которые перед загрузкой ставили стенки — «тесины», а на дно укладывали подстилку из соломы. Полный воз назывался «облако». В него вмещалось 250–300 изделий. Во время пребывания в пути крестьяне-гончары за ночлег, питание и корм коню расплачивались посудой. Доход от одной поездки на торг составлял не более трех рублей.

Условия местного рынка диктовали мастерам необходимость расширения ассортимента производимой продукции; к концу XIX в. наряду с кухонной посудой они уже изготавливали кувшины для пива, латки для киселя, чашки и др. Однако, несмотря на это, хрупкая продукция с Явосьмы не могла выдержать конкуренции с дешевыми изделиями из фаянса и металла. Спрос на нее все время падал. Это заставило местных гончаров внедрить в производство керамики более совершенную технику — ножные гончарные круги и освоить изготовление и применение свинцовой поливы. В это время началось изготовление посуды на заказ — по желанию покупателя на стенках сосудов писались различные тексты. Однако все эти нововведения лишь повысили себестоимость местной керамики, а это в свою очередь, при низкой покупательной способности населения и невысоком спросе, привело к тому, что производить глиняную посуду стало невыгодно. Промысел постепенно стал угасать.

В начале XX в. одновременно с явосьминским гончарным центром стал работать гончарный промысел на р. Пяля. Основателем промысла был крестьянин-гончар д. Хазуново, переселившийся в 1910-х гг. из д. Чудскаяна (р. Явосьма). Он был специально приглашен крестьянами для обучения их гончарному делу. Обучение длилось месяц, за что специалисту было уплачено 10 рублей (в то время эта сумма равнялась половине заработка сельского учителя). Несколько позже делать посуду стали и в д. Пяля. Местные крестьяне занимались выжиганием посуды с осени

до весны. Делали ее на продажу и для собственного использования. В качестве сырья применяли черно-синюю глину, которую добывали в урочище Кильмоя с глубины 1,5 м. Основным видом местной продукции были кувшины для пива на одно-полтора ведра, горшки на полтора ведра, сосуды для молока и приготовления пищи в печи, опарники, блюда для супа, крышки. Для придания готовым изделиям нарядного вида их обваривали в отваре из льняных головок. Иногда глиняную посуду расписывали. Местные керамические изделия находили сбыт в основном в ближайшей сельской округе.

Потребности крестьян в деревянной утвари удовлетворяли деревенские мастера. В Тихвинском уезде бондарные изделия изготавливали в деревнях Щекотовичи, Усадище, Куневичи, Казенное Село, Старина, Вяльгино и др. Здесь производились кадки, ушаты, бочонки, ведра, шайки. Бондари работали преимущественно зимой. Производство изделий велось в жилой избе, а в теплое время

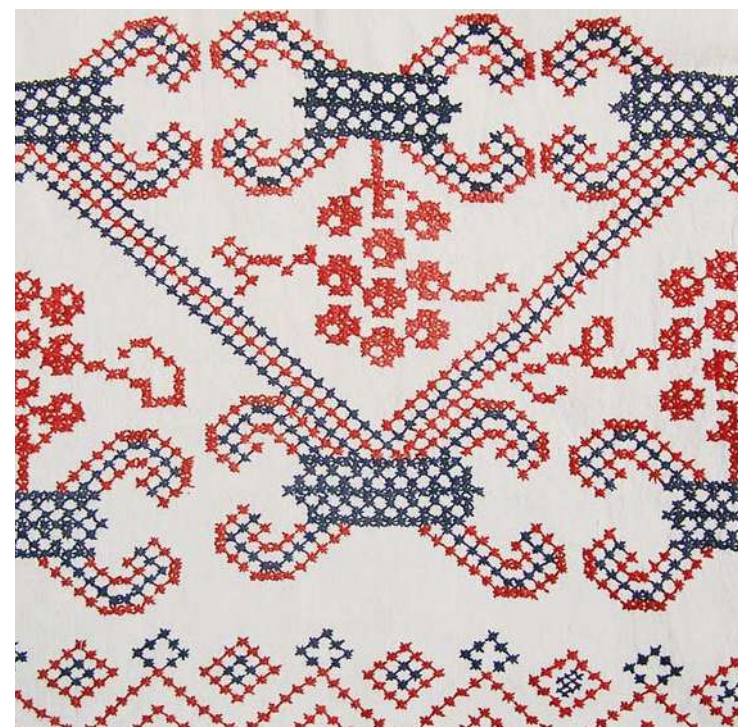

Роспись на лопастях прялок
из деревень,
расположенных
по р. Паше.
Начало XX в.
2006 г.

Роспись на лопастях
прялок
из деревень,
расположенных
по р. Явосьме.
Начало XX в.
2006 г.

Традиционные изделия
из текстиля. XX в.

года — во дворе. Материалом для изготовления бондарных изделий служили клепки, из которых собиралась цилиндрическая боковая поверхность изделий, и доски на днища. Для изготовления клепок использовали различные породы дерева. Лучшими считались бочки из дуба. Для молока и масла бондари изготавливали емкости из липы и березы, а для хранения воды — из хвойных пород. Обручи для скрепления бондарных изделий делали из молодых прямослойных и гибких стволов: ивы, орешника, березы.

Помимо этого местное русское население занималось изготовлением телег, саней, дровней, колес, деревянных ложек и ковшей. Наиболее развит этот промысел был в Сугоровской волости Тихвинского уезда. Вся продукция находила сбыт на местных деревенских и городских ярмарках. Вывоз изделий в более отдаленные места считался убыточным. Тихвинский уезд славился также и своими столярами. Наибольшее развитие этот промысел получил в Деревской волости, здесь им занимались крестьяне в 56 дворах.

Корзиночный промысел получил наибольшее распространение в Сугоровской и Большедворской волостях. Здесь крестьяне делали кошель и корзины на продажу. Этим промыслом занимались в основном мужчины. Повсеместно крестьяне изготавливали ручные прялки. Их делали в каждом крестьянском доме для своих нужд. Наиболее искусные мастера изготавливали прялки на заказ. Постоянный спрос на эти изделия способствовал возникновению нескольких крупных прялочных центров на территории Тихвинского уезда. Для каждого из них были характерны свои формы прялок. Шугозерские и Явосьминские прялки, изготавливавшиеся на продажу, были резными, двухчастными: прямоугольная в сечении ножка с лопастью соединялась с донцем «в замок». Их делали из древесины ели и березы. Лопасть местных прялок была длинной, прямоугольной. Верх лопасти был оформлен трапециевидными городками. Ножка была средней длины и имела форму вытянутой трапеции.

Поверхность прялки покрывалась краской красного или синего цвета, а потом

расписывалась. Декор покрывал всю внешнюю сторону прялки и часть внутренней стороны. Роспись выполнялась в свободной кистевой манере красками розового, бордового, желтого, зеленого, синего, черного и белого цветов. Рапорт рисунка был вытянут по вертикали. Чаще всего он представлял собой стилизованное дерево с цветами, бутонами и листьями, на вершине которого располагалась разноцветная птица с маленькой веточкой в клюве.

Наиболее слабо в рассматриваемом уезде были развиты промыслы, связанные с обработкой текстиля. В Тихвинском уезде окраска холста и пряжи производилась в деревнях Околок, Лавиничи, Антоновщина, Явшеницы, Рудная Горка, Дорохово, Большая Гора, Золотово, Горка, Саньково, Бурмакино, Гринцево, Лученская Горка, Боровинка, Чемихино. В Ивановской волости (Шугозерье) изготавливали кубовую набойку — набивную ткань с синим рисунком по белому фону.

Одним из подсобных занятий крестьян была торговля на ярмарках. Ярмарки проходили в Тихвине и крупных селах и обычно приурочивались к церковным праздникам. Одной из крупнейших была Тихвинская Троицкая ярмарка. Она существовала с 1505 г. На ярмарке торговали изделиями из железа, лошадьми, скотом, продуктами питания, крестьянскими изделиями, тканями и пр. На площади, где находились торговые ряды, устанавливали балаганы, карусели. В день ярмарки работали все питейные заведения. Поскольку ярмарка всегда заканчивалась гуляньями, в Тихвин из всех окрестных селений съезжались кавалеры и барышни. После окончания ярмарочных гуляний крестьяне разъезжались по деревням и возвращались к своим традиционным занятиям.

Балаган — временное деревянное здание для театральных и цирковых представлений, получившее распространение на ярмарках и народных гуляниях.

Семейная
обрядность

Повитуха (повивальная бабка, приемница, пупорезка, пуповязница) — женщина, чья роль заключается в том, чтобы помочь ребенку появиться на свет.

Родильница — этим термином обозначается женщина, которая уже или недавно родила.

Семейная обрядность русского населения Тихвинского уезда, связанная с основными событиями в жизни человека — рождением, женитьбой или замужеством, смертью, была основана на общеславянских представлениях о жизни и смерти. Вместе с тем в каждой местности существовали свои особенности в обрядовых действиях и текстах. В деревне было принято скрывать беременность от посторонних как можно дольше, так как боялись наведения на беременную порчи. Когда уже скрыть было нельзя, то по форме живота определяли, кто родится — мальчик или девочка.

Если живот округлый, то ждали девочку, если живот крутой и острый — мальчика. В Большегорской волости Тихвинского уезда говорили, что если у женщины живот острый и она не выносит запаха табака, то непременно родит девочку. В деревнях по р. Тихвинка крестьяне считали, что «востроглазая женщина носит мальчика». Более желанным было рождение мальчика, так как земельный надел выделялся только на ребенка мужского пола. Также родители возлагали на сына больше надежд, чем на дочь. Они считали, что, повзрослев, сын станет кормильцем семьи и опорой для стариков, тогда как дочь уйдет в чужой дом.

Как правило, в русской деревне беременную женщину не освобождали от повседневных работ, как домашних, так и сельскохозяйственных. Некоторые уступки в работе делали для беременной лишь непосредственно перед родами. Беременной родственнице запрещали поднимать тяжести, полностью освобождали от работ в поле и не отпускали далеко от дома. Время родов старались скрыть так же, как скрывали и беременность. Это было связано с представлением о том, что, чем больше людей знают о родах, тем тяжелее будет женщине рожать. В Васильковской волости Тихвинского уезда считали, что роженице будет особенно тяжело, если о родах узнает какая-либо девушка. Если это произойдет, женщина будет «мучиться за каждый волосок на голове девицы».

Роды чаще всего проходили в хлеву. Случалось, что женщины рожали и во время

работы в поле, на сенокосе, во время поездки на мельницу и даже в дороге. Были случаи, когда роженице никто не мог оказать помощь, и она рожала сама, домой она приносила ребенка, завернутого в передник или подол юбки. В некоторых местах, не желая разглашать момент наступления родов, женщина тихо удалялась в выбранное для родов место и также рожала самостоятельно, никого не призывая на помощь.

Обычно, когда у женщины начинались роды, родственники приглашали повивальную бабку, повитуху. Отправляясь к роженице, она старалась пройти незамеченной, чтобы никто не знал о начавшихся родах. Это делалось для того, чтобы роды прошли удачно. Повивальными бабками обычно были пожилые замужние женщины, утратившие с возрастом возможность рожать детей и обладающие практическими навыками акушерки. При этом они исполняли магические приемы, способствующие благополучному разрешению родов. Также повитуха должна была быть благочестивой с точки зрения христианской и народной морали. При отсутствии повитухи роды могла принимать и близкая родственница роженицы, уже неоднократно рожавшая, например свекровь.

В крестьянской практике, связанной с принятием родов, часто использовали магические приемы, направленные на облегчение выхода ребенка. Бабка-повитуха приносила и давала роженице порошок из «ржаной спорыньи», развязывала узлы на одежде рожавшей женщины, расплетала ей косы, а также снимала с себя пояс, разрывала ворот своей рубашки, развязывала все узелки на своих косах. В Тихвинском уезде для облегчения родов в доме зажигали венчальные свечи и молились Анне Пророчице, которую считали помощницей в родах. Также при трудных родах роженице давали выпить воду, слитую с ложки на углы стола, либо прыскали на нее святой водой или водой, пропущенной через дверные петли. По мнению крестьян Недашецкой волости Тихвинского уезда, при трудных родах помогало опрыскивание роженицы водой, в которую была

замочена подобранная весной и сохраненная для этой цели старая кожа змеи.

Если роды затягивались, на помощь призывали мужа роженицы, присутствие которого при обычных родах запрещалось. Мужчине должен был выполнять все требования повитухи. Он поддерживал родильницу в стоячем положении, а иногда и встряхивал ее, приподнимая на руках. В Большегорской волости Тихвинского уезда повитухи рекомендовали мужьям рожениц налить в свой левый сапог воды, обойти избу, а затем отпить воды из сапога. Эту же воду давали попить роженице. Если женщина мучилась вторые сутки, то отправлялись к священнику и просили его отворить «райские двери» (царские врата в алтаре), чтобы помолиться у престола Господня. Если все эти меры не помогали, то обращались за помощью к врачам.

Родившегося ребенка принимала бабка-повитуха в заранее заготовленные чистые тряпки, как правило, старую одежду, так как ее ткань была более мягкой. Во многих деревнях была распространена традиция пеленания новорожденного в отцовскую рубашу. Приняв ребенка и обрезав пуповину, повитуха мыла младенца в корыте. В воду для мытья клали обычно серебряную монету или какой-нибудь другой серебряный предмет. Действия с серебряной водой имели защитные и очистительные функции. Крестьяне считали, что умывание водой с серебром способствует чистоте тела новорожденного и помогает избавиться в будущем от кожных болезней.

Родившегося малыша тщательно осматривали, обращая внимание на цвет кожи. Красный цвет свидетельствовал о здоровье и жизнеспособности новорожденного, белизна кожи, напротив, о его болезненности, близости смерти. По первому крику младенца также судили о его здоровье: если ребенок кричал тоненьким голоском с визгом, это означало что он родился с припадками, а если громко без визга — то здоровым. После обмывания младенца повивальная бабка крепко пеленала его и отдавала матери.

Детское место — послед, вышедший после рождения ребенка, повитуха мыла,

заворачивала в тряпку и укладывала в лапоть с правой ноги. В Сугоровской волости крестьяне считали, что это нужно делать для того, чтобы ребенок в будущем хорошо владел правой рукой. Если после родов роженица ходила мыться, то лапоть с детским местом зарывали в землю в бане. Если же женщина была не в состоянии это сделать, тогда лапоть с детским местом зарывали в подполье под жилым домом. Действия с последом, по народным представлениям, обеспечивали защиту ребенка. Если ребенок рождался «в сорочке», ему предрекали удачу в жизни. «Сорочку» мыли, высушивали и хранили. До достижения детьми взрослого возраста она находилась у матери, затем мать передавала ее сыну или дочери, которые хранили «сорочку» до самой смерти. В деревнях, расположенных в верховьях р. Тихвинка, мать зашивала «сорочку» в одежду сына, когда тот уходил в армию.

Сразу после рождения ребенка укладывали спать с матерью, а после крещения помещали в подвесную колыбель. В первые три-четыре дня после родов проводился обряд посещения роженицы замужними женщинами деревни. Родины заключались в устройстве семейного застолья. В Недашецкой волости Тихвинского уезда молодую мать обязательно заставляли выпить водки, настоящей на перце или калгане, и предлагали самые лучшие блюда — молоко, яйца, булку или крендели. Повитуху также старались угостить как можно лучше — ей подносили чай, водку, пироги из белой муки. Родины иногда совмещали с крестильным обедом.

Обязательным обрядовым действием считалось мытье роженицы в бане. Баню для роженицы топила повитуха, она же и вела женщину в баню, держа в руке кочергу или сковородник. Если роженица шла в баню одна, то она сама несла кочергу или сковородник, которые оставляла около двери. Эти предметы, по представлениям крестьян, были необходимы для того, чтобы отвести от молодой матери всякие напасти. В некоторых местах на мытье в бане роженицы призывали родственников, которые отводили женщину в баню, держа ее под руки, а затем помогали

«Родился в рубашке» — так говорят об удачливых людях. «Рубашкой» или «сорочкой» называли раньше не разорвавшиеся во время родов плодные оболочки.

Сковородник — насаженная на рукоять железная лопаточка с плоским крюком над нею, служащая для захватывания и поднимания горячей сковороды.

«Крестины».
П. И. Коровин.
1886 г.

ей вернуться домой, возглавляла женскую процессию повитуха.

В обряде «размывания рук» участвовали повитуха и роженица. Он проводился с целью очищения обеих женщин от «нечистоты» родов. Участницы обряда, взяв чистый веник и ковшик воды, вставляли в центр избы под матицу и трижды поливали руки водой. В некоторых деревнях описанный выше обряд проводился после крещения младенца. Так, на р. Паша при обряде использовали воду, которой священник омывал свои руки после погружения младенца в купель. Этой водой повитуха омывала себя, а также грудь и руки роженицы. Только после этого обе женщины считались очищенными и могли посещать церковь.

К крещению новорожденного крестьяне относились очень серьезно. Крестить младенца старались как можно быстрее, поскольку верили, что ребенка до его

крещения может унести черт. У некоторых групп старообрядцев, проживавших в губернии, существовали жесткие сроки для крещения младенца — седьмой день жизни. Обряд крещения совершался в приходской церкви, а у старообрядцев — в молельной или на водоеме. Летом крестили обычно в церкви, а зимой чаще приглашали священника домой. Если малыш родился слабым, обряд крещения могла провести и повитуха сразу после родов, это делалось с целью избежать смерти новорожденного. Церковные правила позволяли совершать такое крещение, так как была опасность, что младенец может умереть некрещеным.

В церковь с ребенком обычно отправлялись его будущие крестные, выбранные родителями. По традиции крестными становились близкие родственники, но в конце XIX — начале XX в. стали приглашать и дальних родственников, а иногда и хороших знакомых. Нередко крестьяне

старались пригласить в кумовья людей, которые имели более высокий социальный статус или были зажиточными. По народным представлениям, крестные отец и мать были вторыми родителями ребенка, которые отвечали за его духовное воспитание и несли за него ответственность перед Богом. Это духовное родство считалось даже более важным, чем кровное. Родители обычно в церковь не ездили, так как роженица вообще не имела возможности ходить в церковь, пока не получала от священника очистительную молитву на 40-й день после родов.

Крестные обычно дарили ребенку крестик, пояс, рубашку или материал на рубашку, а также вносили пожертвование в церкви. В ряде мест традиция закрепляла за каждым из крестных родителей определенный набор даров. Так, в погосте Пирозеро Тихвинского уезда крестный отец должен был заплатить за крестины и купить крест для ребенка. Крестная же приносила на крещение «риски» — отрез ситцевой ткани, на который принимали из купели окрещенного младенца. Мать ребенка в качестве благодарности должна была поднести своему новоявленному куму небольшой подарок — если крестный был из крестьянского сословия, то ему дарили нижние штаны, а если «интеллигент», то полотенце.

В Большегорской волости Тихвинского уезда крестный оплачивал проведение обряда, покупал крестнику крест, восковые свечи, 20 кренделей, а своей кумушке — платок, стоимость которого варьировалась от 20 копеек до 1 рубля. Крестная мать приносила младенцу рубашку, подстилку и отрез ткани, священника одаривала платком для утирания рук, а крестного отца ребенка — полотенцем или отрезом холста и поясом домашней работы. После пострижения младенца священником волосы заклепывали воском и опускали в воду купели. Считалось, что если воск с волосами всплывет и будет держаться на поверхности воды, то младенец будет жить, а если потонет, то младенец умрет в детском возрасте.

Во время крещения ребенку давали имя, выбранное священником по святцам.

Кроме того, в деревнях было принято нарекать ребенка именем умершего родственника, как правило, дедушки или бабушки. Такая традиция существовала издавна, крестьяне нередко видели в новорожденном воплощение умершего предка, считая, что все хорошие его качества будут переданы новому члену семьи. Запретов на имена не существовало, старались только не давать ребенку то имя, которое уже носил кто-то из членов семьи.

Дома после крещения ребенка устраивали «крестинный обед», или «крестины», на который собирались только родственники. Этот день считался праздничным в семье. На крестины также приглашали повитуху и угощали ее. Иногда повитуха сама подавала гостям «поздравительную» чарку. Обязательным блюдом праздничного угощения была «бабкина каша», которую ставили на стол в качестве первого блюда. В богатых крестьянских семьях по поводу крещения новорожденного устраивали большое празднество, на которое приглашали и родных, и знакомых; во время праздника роженицу нередко одаривали деньгами.

Во многих крестьянских семьях было принято отмечать родины и именины членов семьи в торжественной обстановке, с застольем. На именины приглашали родственников. Для гостей и для своей семьи устраивали угощение. В некоторых деревнях в крестьянских семьях отмечали и совершеннолетие детей — первую исповедь. Обычно она совершалась в возрасте семи лет. По этому случаю детей отправляли в церковь на службу, там они ставили свечку к иконе своего святого покровителя и покупали просфору «о здравии». Если в семье были лишние деньги, то непременно заказывали молебен. Дома для совершеннолетнего именинника устраивали небольшое застолье.

Вступление в брак было одним из важных событий в жизни крестьян. Согласно народным представлениям, девушек следовало выдавать замуж в 18–22 года, а лучшим возрастом для вступления в брак парней был возраст 22–25 лет. В некоторых волостях девушек старше 23 лет считали «засидевшимися», а в 30 лет их уже называли

Кума, кум — крестная мать и отец по отношению к родителям крестника или крестницы и друг к другу.

Святцы — список святых, чтимых православной церковью, составленный в порядке месяцев и дней года, к которым приурочено празднование и чествование каждого святого.

старыми девами. В осеннее время свадьбы обычно справляли с 15 сентября до 14 ноября, а зимой — в период от праздника Крещения до Масленицы. Свадебное действие занимало довольно длительный период и включало такие обряды, как сватовство, рукобитье, пропой, смотрины невесты и дома жениха, прощание с девичьей жизнью и девичьей красотой, вождение невесты в баню, венчание, свадебный пир и обряды второго дня.

Прежде чем ехать сватать, родители жениха, а также и другие его родственники тщательно подбирали невесту. Иногда парень и девушка были знакомы до сватовства: ходили вместе на беседы, на гулянья. Тогда сватовству обычно предшествовала их личная договоренность. В Тихвинском уезде после разговора с девушкой парень

«Сборы на гулянье».
В. М. Максимов.
1869 г.

заявлял родителям о своем желании жениться и о своем выборе невесты. Родители соглашались с мнением сына, если девушка соответствовала их представлениям о будущей невестке, а ее семья пользовалась уважением в деревне. Жених, согласно традиционным представлениям, должен был обладать здоровьем,

умом, смекалкой, вести трезвый образ жизни.

Во время сватовства в дом предполагаемой невесты приезжали сваты и договаривались о возможном заключении брачного союза. Сватами могли быть родители жениха или один из них, его крестные, кто-нибудь из его родственников, приглашенный человек, как правило, женщина — сваха, слывшая в округе знатоком в области сватовства. Иногда сватать ездил и сам жених. Сватать отправлялись вечером или ночью. Темное время было залогом того, что сватам обязательно улыбнется удача. О согласии на брак родители невесты, как правило, сообщали сразу же, но иногда окончательное решение оглашалось через два-три дня.

Почти повсеместно согласие невесты и ее семьи на брак выражалось в подарках, которые преподносились жениху и его родне. В Тихвинском уезде девушка в день сватовства дарила жениху шерстяной или шелковый платок. По возвращении домой парень с гордостью показывал этот платок, и родня радовалась: «Ну, слава богу: сразу попал!» При сватовстве в доме невесты устраивали и небольшое застолье. Обычно оно также свидетельствовало о благополучном исходе дела, так как сваха (или сваты) принимала приглашение только в том случае, если хозяева намекали на согласие. В противном случае сваха не должна была садиться за стол.

Важным актом, закреплявшим договор о свадьбе, был сговор. В ходе этого обрядового действия между сторонами закреплялась предварительная договоренность о браке, которая была достигнута во время сватовства. Достигнутые в ходе обсуждения договоренности закреплялись рукопожатием отцов. Затем все присутствующие подходили к иконам и целовали их, таким образом они давали клятву исполнить уговор. Следующим шагом в свадебном обряде был осмотр дома и хозяйства жениха. В Тихвинском уезде он получил название «смотрение места». После смотрин договор о свадьбе мог быть расторгнут, если родители невесты оставались недовольны хозяйством жениха. Как правило,

отказ от свадьбы в случае неудовлетворенности родственников невесты имуществом жениха поступал не сразу; по возвращении домой составлялось письмо, в котором жениха и его родителей оповещали о принятом решении.

Поясняя свой отказ, родственники девушки, не желая обидеть парня, говорили: «Рано нам девку-то выдавать; на новый год приезжайте сватать; к тому времени и лисью шубку сошьем!» Подарки в этом случае женихом не возвращались. Случалось, что после осмотра места и жених отказывал невесте; это считалось большой обидой и позором для девушки. В Тихвинском уезде именно после смотрин хозяйства жениха дело считалось окончательно сложным, девушку начинали называть «невестой», а парня — «женихом».

Приданое невесты состояло из ее личного гардероба: рубахи, сарафаны, юбки, платья, а также полотенца, скатерти, занавески, постельные принадлежности и белье для будущего мужа. Все это обычно было сложено в сундуки, короба. Из родительского дома невеста забирала принадлежащие ей лично чайную посуду, серп, корыто, ткацкий стан, прялку, принадлежности для обработки льна. В некоторых местностях девочки начинали собирать приданое с детства, и к моменту замужества оно уже было готово. Имущество, входившее в приданое, считалось принадлежностью исключительно невесты; в случае ее смерти до рождения детей приданое возвращали родителям девушки. Существовала и другая часть приданого, которую обычно оговаривали во время сговора, его составляла скотина — корова, овцы, иногда хлеб.

Решение о свадьбе оглашалось в церкви при общем стечении народа. Священник трижды произносил имена жениха и невесты, делалось это для того, чтобы при наличии препятствий к браку о них было вовремя сообщено. Если невеста и жених были из разных приходов, то оглашение совершалось в двух приходских церквях. Причинами для отказа церкви регистрировать брак могли быть близкородственные отношения брачующихся, их малолетство, уже заключенные прежде браки.

«Благословление на свадьбу».
С. И. Грибков.
1886 г.

Перед свадьбой было принято устраивать мальчишники. В этих собраниях непременно участвовала ближайшая родственница парня, которую называли «брюньга». Более яркими, ритуально насыщенными и значимыми были обряды, связанные с невестой. В Тихвинском уезде этот этап свадебного действия назывался «прощание с девичьей красотой». Последний день перед свадьбой являлся кульминационным днем девичьих причитаний по «вольной жизни». В помощь невесте «голосить» приглашали профессиональную плакальщицу.

В последний день перед венцом топились обрядовая баня. Баню топили обычно подруги невесты, они же и приглашали ее мыться, а затем встречали и, подхватив ее под руки, провожали до дома. Специально для бани подруги изготавливали банный веник. Хождение в баню сопровождалось девичьими причитаниями. Пока невеста мылась, ее подруги в предбаннике причитали. После бани невесту приводили домой, где расчесывали ей волосы и в последний раз вплетали в косу красную ленту — «красоту».

Венчальная пара.
Иконы. XIX в.

Утром в день свадьбы жених и невеста, каждый у себя дома, получали благословение от родителей. Мать и отец благословляли детей иконой и хлебом-солью. В качестве благословенной для девушки служила икона с изображением Божьей Матери, для парня — с изображением Спасителя или Николая Угодника; эти иконы отдавались благословленным, которые хранили их до конца жизни.

Для того чтобы обеспечить хорошую дорогу в церковь жениху, перед выходом его из дома веником разметали дорогу. В некоторых деревнях перед венчанием жениху и невесте с целью предохранения от порчи читали «Сон Богородицы». Свадебный поезд состоял из нескольких саней, в каждые из которых впрягали обычно по одной лошади. На дуги навязывали разноцветные ленты, полотенца, украшенные ткаными узорами или вышивкой, также непременным атрибутом свадебного убранства были колокольчики.

Главным распорядителем всех церемоний свадебного дня был дружка. К рукаву его одежды пришивали яркие ленты или платки — знак шаферского достоинства. Когда жених приезжал в дом невесты, его

старались задержать у ворот или у крыльца и получить выкуп за невесту. Участниками этого действия были подружки невесты, дружка же старался уговорами или силой проникнуть в дом и провести за собой жениха. В качестве выкупа использовались различные подарки, сладости, водка и деньги. Как только выкуп был принят, жениха пропускали в дом и все усаживались за стол обедать.

Жениха и невесту сажали во главе стола, под иконами. На столе, как и во время девичника или мальчишника, стояла пустая посуда для денег. Жених за величальные песни и здравицы, звуча-

щие о нем, одаривал девушек орехами. Перед отъездом в церковь свадебный поезд трижды обходили с иконой, хлебом-солью, с причитаниями или с заговором, призванным защитить молодых, иногда читали молитву «Да воскреснет Бог...». На пути к церкви свадебный поезд часто задерживали жители деревень, через которые проходила дорога, или односельчане. Они перегораживали дорогу жердями из изгородей, требуя выкупа. Поэтому дружки обязательно должны были иметь и деньги, и водку, и гостинцы, чтобы откупиться и очистить дорогу свадебному поезду невесты.

На венчание собирался народ со всей округи. После венчания жених выносил невесту из церкви на руках. От «венца» новобрачные ехали вместе, в одних саях. Свадебный поезд направлялся в дом молодого. Вместе с четой молодоженов в саях нередко ехал и священник, освящая им путь крестом. В некоторых деревнях Тихвинского уезда при появлении свадебного поезда разводили костер, через который должен был проехать поезд. Крестьяне верили, что это поможет защитить молодых от нечистой силы.

Когда новобрачные выходили из саней и направлялись к двери, их обсыпали хлебными зернами. Свадебный пир в народе называли «княжой стол». За столом жениха и невесту величали «князем» и «княгиней», а гостей — «боярами», «свадебниками». Когда места за столом было мало, сначала пиновала родня жениха, а затем родня невесты. На свадебный стол подавали холодец, мясные щи, сладкую похлебку, пирог со свиной и молоко. Во время застолья проходил обряд величания и одаривания молодоженов. К примеру, в селе Воскресенское (р. Сясь) гость брал с подноса рюмку, произносил пожелание и кричал: «Горько!». Молодые должны были «подсластить вино» поцелуями. Если гостям не нравилось, как целуются молодые, они кричали: «Криво!», и молодые должны были целоваться повторно до тех пор, пока не стихнут крики.

На свадебном пиру обязательно присутствовали девушки-подруги, они исполняли величальные песни, обращенные к жениху, невесте, родителям и крестным родителям молодых, дружке, свахам и другим гостям. Жених и невеста, как правило, не ели за общим столом, их кормили отдельно, раньше или позже остальных. В некоторых волостях было принято кормить жениха и невесту в отдельном помещении; в этом случае вместе с ними за столом сидела сваха.

После пира молодых провожали в спальню. Постель обычно делали в холодном помещении, в клети, в задней избе. Убранством постели занимались «постельницы» — подружки невесты или ее сестры, либо жена брата. Утром молодых будили. Об пол разбивали новый горшок или кринку. Молодая жена начинала мести пол, а ей мешали — «сорили» — бросали мелкие деньги. В селе Алеховщина при «подметании сора» всегда присутствовала специально приглашенная пожилая женщина, которая приговаривала под руку молодой: «Какие собирались, такие и наживались, как собирают, так и наживать будут!»

Обряды второго дня свадьбы были не менее торжественными и важными, поскольку в этот день уже отмечалось появ-

ление новой семьи. На второй день для молодых топили баню, в которой они должны были мыться вместе. После этого в доме жениха собирали обед, а к родителям молодой отправлялись вечером. Застолье в доме родителей молодой носило название «хлебины» или «яичница». Сюда также приходили девушки-подруги, чтобы исполнять величальные песни, за которые им платили деньги. Главным блюдом на этом застолье была яичница, которая готовилась специально для молодого мужа. На третий день свадьбы молодая женщина отправлялась в родительский дом и забирала из него свою прялку. Таким образом она демонстрировала, что у нее теперь есть свой дом. Обрядовые действия, связанные со свадьбой, заканчивались только через несколько дней, а иногда через две недели после свадебного пира. Завершающим был обряд посещения матерью молодой семьи в первое воскресенье после свадьбы молодоженов. Она приходила в гости с пирогом и угощала домашних. Традиционная свадебная обрядность сохранялась в сельской местности почти в неизменном виде до начала XX в. Позже под влиянием городской культуры она стала сокращаться, многие обряды перестали исполняться.

Поминально-
погребальная
обрядность

Поминально-погребальная обрядность русских крестьян была связана с традиционными представлениями о жизни и смерти, о необходимости проведения ритуальных действий, обеспечивающих переход умершего в «мир иной» и защиту живых от возможных отрицательных последствий смерти, влияний потустороннего мира. Пожилые крестьяне начинали готовиться к смерти заранее. Они запасали себе смертную одежду, в которой их должны положить в гроб, а также холсты и полотенца, которые были необходимы при прощании, на похоронах и поминках. Особое внимание при ожидании смерти крестьяне уделяли душе. Чтобы подготовить свою душу к переходу в другой мир, старые люди больше молились, чаще посещали церковь, ходили на богомолье, соблюдали все предписанные церковью посты, а иногда и еще дополнительные.

При тяжелых болезнях, а также в старом возрасте при ощущении приближения смерти крестьяне приглашали священника причастить их или принимали соборование. Священник, совершавший эти ритуальные действия, отправлялся к больному по первой же просьбе. Таинство елеосвящения (соборования) рассматривалось как первый акт расставания человека с жизнью, прощания с ней и со всеми живущими. В присутствии священника умирающий человек высказывал свои последние пожелания родственникам, завещал имущество.

Время приближения смерти больного в деревне определяли по приметам. Крестьяне считали, что человек умирает тогда, когда его душа покидает тело. Происходит это с последним вздохом. Чтобы определить, что человек уже не дышит, ко рту подносили зеркало. Когда было ясно, что наступила смерть, покойнику на глаза клали медные монеты. Делали это из опасения, что он может увести за собой еще кого-нибудь, так как умерший «смотрел» в этот мир уже из другого мира — мира смерти. В доме завешивали зеркала и застекленные окна. Жилое помещение, в котором находился покойник, окуривали ладаном. Перед иконами в переднем углу

зажигали свечу или лампаду, которые должны были гореть все время, пока покойник находился в доме.

В деревнях, расположенных по р. Паша, было принято читать «Сон Богородицы», а на открытое окно ставить воду в миске, чтобы душа новопреставленного могла умыться. Вода обычно стояла в доме умершего человека в течение 40 дней. В день смерти на угол дома, соответствовавший переднему углу в избе, вывешивали полотенце или белую тряпку, таким образом жителей деревни оповещали о смерти односельчанина. Полотенце висело на доме также в течение 40 дней. Крестьяне верили, что каждое утро душа умершего прилетает к дому и утирается полотенцем.

После выполнения первых ритуальных действий, носивших защитный характер, тело покойного обмывали, его одевали и причесывали. Это делали ближайшие родственники, или пожилые женщины, или вдовы. В Тихвинском уезде их называли «обмывальщицы». Мыли покойника на полу, подстелив под тело солому. Воду от умывания выливали в такое место, где никто не ходил. Там же сжигали и солому, на которой лежал умерший человек. Крестьяне Тихвинского уезда замечали, что если при сожжении соломы ветер дует на ту деревню, где умер человек, то в ней в скором времени еще кто-нибудь умрет.

В состав смертной одежды мужчин входили рубаха и штаны, сшитые из холста или, реже, фабричных белых тканей. Женщин одевали в рубахи, сарафаны, на голову повязывали платок. Обувью служили лапти или кожаные башмаки. Одежда и обувь должны были полностью соответствовать размерам покойного. Если же обувь, приготовленная для покойника, оказывалась большей по размеру, чем его нога, то полагали, что образовавшееся свободное место предназначалось новому покойнику.

Поверх одежды надевали саван. Открытым оставляли только лицо. Покойника, подготовленного к погребению, укладывали на стол или на лавку в переднем углу под образами. Руки покойного складывали на груди, скрещивая крест-накрест, на них клали небольшую иконку. Пока покойник

находился в доме, его старались не оставлять одного. До дня похорон рядом с телом умершего постоянно находились родные и соседи, пришедшие помолиться за усопшего. Сидение у гроба сопровождалось причитаниями родственников над телом, а также чтением Псалтыри.

По православной традиции похороны всегда происходили на третий день после смерти. В дом приносили гроб и укладывали в него тело. В день похорон в доме умершего собирались его родственники, соседи, приходил священник. После проведения панихиды родственники, а потом и все остальные по очереди прощались с покойным, подходя к телу и прикладываясь к иконке, лежащей у него на груди. Вынос гроба из дома сопровождался рядом

ритуальных действий, защищающих жилое помещение от вредоносной силы мертвого. Согласно представлениям тихвинских крестьян, покойника нельзя выносить из дома до восхода и после захода солнца.

После выноса тела из дома в избе тщательно вымывали полы и даже мебель и стены. В переднем углу на лавке расстилали белую холщовую тряпку, которая должна была находиться здесь в течение 40 дней. Крестьяне верили, что душа каждый день непременно приходит в свой дом, чтобы умыться и вытереться. Днем эту тряпку обычно убрали, но на ночь обязательно расстилали вновь. В приходе церкви Рождества Христова на р. Паша считалось необходимым отслужить литию,

Погост Пирозеро.
1920-е гг.

Церковь Преображения
Господня 1630 г.
на погосте Шижня. 1916 г.

чтобы «очистить» дом после похорон, иначе покойник будет приходить по ночам.

Провожать гроб с телом умершего односельчанина выходили все жители деревни. Как правило, они доходили до ворот, расположенных на дороге, ведущей к церкви. Обряд отпевания проходил в церкви. После отпевания гроб несли на кладбище,

к уже вырытой могиле. В могильную яму гроб обычно опускали на полотенцах или на длинных отрезках домотканины. Потом эти холсты отдавали тем, кто нес и опускал гроб в могилу, или тем, кто ее копал.

Важной частью похоронного обряда являлись поминки. В русской народной традиции поминки происходили в день

похорон, на 9-й, на 20-й/21-й и на 40-й день. Последней поминальной датой считалась годовщина. На поминки в день похорон приглашали всех присутствующих на похоронах, а также тех, кто рыл могилу, обмывал покойного. Поминки представляли собой ритуальную трапезу, на которой, по народным представлениям, присутствовал и умерший родственник. Поминальной пищей обычно были ржаные калитки и пироги. В доме для умершего родственника на стол ставили миску, клали ложку и хлеб. Основными блюдами поминального стола были кутья, пирог «рыбник». В завершение поминальной трапезы подавали клеквенный или овсяный кисель. Поминание на 9-й день проходило следующим образом: в доме покойного обязательно делали кутью и пекли пироги. Кутью несли священнику, а пироги — по домам соседей, предлагая тем самым каждому хозяину помянуть умершего человека. В зависимости от материального состояния крестьяне заказывали в церкви либо обедню, либо панихиду по покойному. В русских деревнях Приоатья на 40-й день совершалось «очищение» оскверненного смертью жилища.

Накануне этого дня весь дом тщательно мыли, выносили из избы все лишнее. Вечером в большой угол стелили постель с белой простыней и одеялом. Эта постель предназначалась для покойника. В 40-й день с утра начинали готовить поминальную еду и приглашали в дом священника. Около 12 часов дня собирались родные и знакомые умершего. С появлением священнослужителей плакальщицы начинали причитать. Батюшка служил во дворе литию. По окончании молебна все входили в дом и садились за стол. Хозяин и хозяйка угощали гостей пивом и самой хорошей едой. После обеда шли провожать душу умершего по направлению к погосту.

В годовщину смерти родственники обычно ходили для поминания в церковь: они брали просvirки и подавали поминальные записочки «за престол», а потом посещали могилы. Дома поминок не устраивали, а только зажигали лампаду или свечку перед иконой и молились за упокой умершего. В народе также почитались

календарные дни поминовения умерших родственников: четыре родительские субботы, Радуница — второй вторник после Пасхи, Троица и Троицкая суббота, Дмитриевская суббота. В некоторых местах поминовения происходили и в Масленицу. В ряде деревень общие поминовения проводили в годовые или заветные праздники. В эти дни обычно отправлялись в церковь и на кладбище, причем кладбище старались посещать в первой половине дня, так как считалось, что умершие после шести часов вечера спят.

Повсеместно в деревнях были распространены поверья о том, что мертвецы могут выходить из могилы и посещать своих родственников. Крестьяне утверждали, что покойники всегда ходят к женам, которые очень тоскуют по своим умершим мужьям. В с. Пирозеро Тихвинского уезда рассказывали историю о том, как одна женщина выходила из могилы кормить своего маленького ребенка по ночам в течение 40 дней. Крестьяне утверждали, что ее присутствие слышали все домочадцы: сначала скрипела дверь, потом раздавались шаги, а потом скрипела люлька.

Русским крестьянам были известны магические приемы, способствовавшие избавлению от страха перед покойником. Для этого нужно было подержаться за пальцы ног покойного или потаскать мертвеца за ноги. Однако страх перед умершими родственниками, ощущение жизненной зависимости от них, связанное с представлениями о могуществе предков, были настолько сильны, что немногие могли отважиться на такой поступок. Как правило, в похоронно-поминальной обрядности в деталях соблюдали предписанные традицией обычаи и запреты, чтобы не вызвать гнев покойника. Все названные выше обряды были довольно устойчивы, они передавались из поколения в поколение. Часть из них продолжала исполняться на протяжении всего XX в.

Календарные праздники

В XIX в. в народном календаре насчитывалось около 140–150 праздничных дней. В праздники крестьяне работали редко. Как правило, это происходило летом в страдную пору. К наиболее важным для русского крестьянина датам календаря относились: Пасха — «праздник праздников», Великие двенадцатые праздники, установленные церковью в честь важнейших событий земной жизни Иисуса Христа и Богородицы, и пять праздников, связанных с евангельскими событиями. В народной традиции великие праздники называли чаще большими праздниками. К большим праздникам относили также храмовые (престольные) праздники, отмечаемые в память о святом, которому посвящен местный храм, или в память о том событии, в честь которого он назван. Большими, по мнению крестьян, были и праздники, не значащиеся в церковном календаре, — Святки, Масленица.

Большие праздники в рабочий период народного календаря длились два-три, а зимой — пять дней. Менее значимые праздники называли «малыми» или «полупраздниками». В отличие от больших праздников, их праздновали обычно только полдня, а зимой — один день. Как правило, малые праздники были связаны с началом разного вида хозяйственных работ, к ним же относились кануны, мужские и женские праздники, молодежные гулянья. Воскресенье крестьяне также считали праздником.

В русской традиции было принято в праздничный день предаваться отдыху, веселью и играм; крестьяне старались по возможности отложить или выполнить заранее все основные работы, особенно связанные с земледелием. «Жизнь без праздника, что еда без хлеба», — говорили в народе. К большим праздникам тщательно готовились: мыли и убрали избы, будничную обстановку меняли на праздничную, готовили кушанья для праздничного застолья и варили пиво, накануне мылись, подготавливали праздничную одежду.

В крупных селах в праздничные дни устраивали ярмарки, торги, на которых предлагались такие развлечения, как балаганы, кукольные театры, вожаки с «учеными» медведями. Важными составляющими крестьянского праздника были посещение родственников, застолье с непременно распитием хмельных напитков и чаепитием, гулянья. Пока взрослые сидели за столом, девушки и парни из разных деревень собирались на улице, устраивали гулянья с песнями, плясками, играми. Когда молодежь рядами проходила по деревне, то посмотреть на нее выходили из домов и хозяева, и гости. В деревне считали, что участвовать в празднике должны все взрослые члены общины. Отсутствие на празднике без причины рассматривалось как неуважение к Богу и могло принести неприятности всем жителям деревни. По традиции отметить праздник все старались «как полагается», «чтоб не стыдно соседям в глаза смотреть». Если крестьяне видели кого-либо из соседей за работой, то подвергали их осуждению.

На большие праздники в деревню собиралось значительное количество гостей. «Гостевание» в разных местностях имело свою специфику. Как правило, в гости приходили только к близким родственникам, изредка заглядывая и к другим знакомым, но уже после родни. Так, в Тихвинском уезде было принято в праздничной деревне обходить дома всех жителей. Причем мужчины ходили отдельно от женщин, парни от девушек. Мужчины, собираясь компанией, по очереди посещали все дома. Каждый хозяин считал обязательным для

«Христославы (Дети старой деревни)». Ф. В. Сычков. 1935 г.

себя попотчевать гостей рюмкой водки или пивом. Если в компании были знакомые или родственники, то всех приглашали за стол или давали в качестве закуски рыбник. За столом мужчины обсуждали текущие дела, вопросы урожая, общественные проблемы, новости. Разговоры заканчивались песнями. Поблагодарив хозяина, отправлялись в следующую избу. Так же поступали и парни.

В Жуковской волости Тихвинского уезда по прибытии в деревню, где был праздник, девушки сначала заходили к какой-либо подруге на обед, а после угощения шли на улицу гулять и петь песни. В летнее время танцевали. Вечером к девушкам присоединялись парни, и все начинали прогуливаться парочками до 11–12 часов ночи, а те, у кого еще не было сложившейся пары, вместе с односельчанами отправлялись домой.

Календарные праздники начинались с рождественской недели. День Рождества Христова считали большим праздником, но отмечали его в кругу семьи. Период

с вечера кануна Рождества, или с Рождества, до Крещения назывался в народе Святками, святочными или святыми вечерами. В ряде мест праздничными считались все дни Святков, в других отмечали от трех до семи дней, приуроченных обычно к Новому году.

Во всех русских деревнях уезда бытовали характерные для общерусской традиции обычаи: славление Христа, колядование, молодежные вечеринки с играми и хороводами, ряжение, гадание о судьбе. Начинались Святки с хождения славящих Христа — «христославов». В ночь на Рождество дети или подростки отправлялись со звездой по домам славить Христа, то есть петь под окнами рождественские молитвы. Звезду изготавливали из бумаги, вставляя внутрь свечу; могли также носить решето, укрепленное на шесте ребром. В этом случае зажженную свечку ставили во внутреннюю часть решета. Звездой также мог служить стеклянный фонарь, обклеенный цветной бумагой, со свечой внутри. Вслед за «славельщиками» обрядовый

На стр. 132–133:

«Молебствие на поле перед весенним севом». К. В. Лебедев. 1882 г.

Поздравительная открытка. Е. М. Бём. Начало XX в.

обход домов совершали колядующие. В их числе были подростки, изредка взрослые члены общины.

Обычно участники праздника рядились в старую одежду либо в одежду противоположного пола, в вывернутые шубы. Иногда специально изготавливали костюмы для ряженья: собирали старые лохмотья, шили штаны из рогожи, а из мешковины — верхнюю одежду. Некоторые надевали на себя сноп соломы. Любимыми персонажами ряженья были медведь и журавль, нищие, цыгане, священники, врачи и т. п. Нередко для создания образа использовали маски. Во второй половине XIX в. в лавках уездных городов за неделю до Рождества продавали маски, изготовленные из бумаги и воска, разрисованные красками. Среди них были такие, как «свиное рыло», «бык», маски, изображавшие человеческое

лицо в различных гримах. Крестьяне использовали в качестве маски тряпку с прорезями для глаз, или же закрывали лицо платком, или сильно натягивали на глаза шапку. Кроме того, с помощью природных красителей (свеклы, сажи, мела) лицо старались изменить до неузнаваемости. Во время хождения ряжеными крестьяне старались не подавать голос, чтобы не быть узнаваемыми.

В некоторых деревнях ряженные появлялись на улице в первый день Рождества. Рядились только парни и девушки, они ходили по улицам и распевали песни. В старые времена в Тихвине на Святках снаряжали боль-

шую лодку, ее украшали разноцветными флажками. Лодку устанавливали на несколько саней, в передние сани запрягали лошадей. В лодке и рядом с лодкой верхом на лошадях ехали ряженные. Ряженных в Тихвине называли «окрутниками», «кудесни-

ками», «куликами», «щеголями». Во время езды ряженные пели, играли на разных музыкальных инструментах. Зажиточные горожане угощали «куликов» вином и кушаньями.

На молодежных посиделках, проходивших в святочные вечера, звучали песни, устраивались танцы и игры. Наиболее популярными были игры с похоронной или свадебной тематикой, например, одна из любимых — игра в мертвеца, «умруна». Человек, изображавший мертвеца, надевал на себя белую простынь или скатерть. Затем он вставлял в рот огромные зубы, вырезанные из репы. Смысл игры заключался в том, что «мертвец» вдруг «оживал» и выбегал к присутствующим на беседе, вызывая тем самым смех. В 1920-х гг. в д. Ладвуши Тихвинского уезда на святочных вечерах играли в «татары», в «охотника». Еще одной непременной составляющей святочных вечеров были так называемые молодежные бесчинства. Святки вообще считали временем молодежи, так как именно девушкам и парням отводилась главная роль в обрядовых действиях и развлечениях этого периода.

Только во время Святки молодежи позволялось находиться на улице почти всю ночь, разрешались различные шутки и проказы. Так, по ночам растаскивали поленницы у домов, увозили от домов и из сараев сани, дровни на гору, а нередко затаскивали их на крышу дома, закрывали печные трубы стеклом, досками, заливали водой снег у двери или ворот. Последнее, как правило, делали у домов тех людей, которые вызывали чувство недовольства и неприязни у молодежи. К любимым забавам парней относились шутки над подвыпившими мужиками, возвращавшимися поздно вечером из гостей, и гадающими девушками.

Святочные гадания отличались разнообразием и являлись одним из ярких событий того времени. Повсеместно были распространены гадания девушек о суженом. К ним относились и так называемые страшные гадания, которые считались самыми опасными, так как они проходили ночью вне дома, в «опасных» местах — в бане, на перекрестке дорог — и могли

закончиться смертью гадающих. Только наиболее отчаянные девушки могли решиться на такое действие. Их не пугало и то, что на время гадания они лишались Божьей защиты, так как снимали с себя крест, пояс и распускали волосы. В бане девушка устанавливала два зеркала друг против друга так, чтобы в одном из них образовывался коридор, и зажигала свечи. После этого она, не мигая, смотрела в зеркальный коридор, приговаривая: «Суженый-ряженный, появись».

Популярны были гадания «на расставаниях». В Тихвинском уезде девушки, собравшись группой и взяв с собой кусок кожи и кочергу, отправлялись на «кресты» — перекресток дорог, «гадать на судьбу». Перед гаданием девушки снимали с себя кресты и выкрикивали: «Суженый, ряженный, покажись, в какой ты стороне!» Затем по центру перекрестка клали на снег кожу и вставали на нее, старались встать так, чтобы никто не оказался на снегу. После этого обводили вокруг себя кочергой круг, приговаривая: «Я в черту, а черт за черту». Затем слушали. Если девушка слышала звон колокольчиков, то это означало, что она выйдет замуж в этом году; если плач — то умрет кто-нибудь из родственников; если смех или пение — то год будет веселым и прибыльным; если крики — то ожидай неприятностей.

Крестьяне считали такие гадания опасными и передавали из уст в уста предание о том, как в д. Колодно девушки гадали на перекрестке у жальника. Увидев проезжавший мимо воз с сеном, девушки подбежали к нему, и каждая вытащила по клочку сена, после чего все побежали к дому бабушки-знахарки. Та, увидев девушек с клочками сена, поняла, что те гадали, и приказала всем лечь на пол, а сама стала быстро надевать им на головы горшки, но не успела прикрыть головы всем — в дом ворвалась нечистая сила. Тем, у кого на головах были горшки, горшки разбила, а кого не прикрыли посудиною — растерзала. Подобные рассказы можно было часто услышать и в других деревнях.

После Рождества крестьяне начинали готовиться к празднованию Крещения Господня. Канун праздника Крещения

Поздравительная открытка.
Начало XX в.

считался в народе постным днем. В этот день повсеместно заканчивались святочные развлечения, и люди возвращались к обычному течению жизни. Крестьяне тщательно мыли избы и выметали на улицу сор, в котором, по поверьям, мог спрятаться черт. Главным событием праздника было водосвятие. Священники «святили» воду в церквях, в церковных колодцах, ходили крестными ходами к водоемам и проводили там молебны. В реках и озерах заранее делали прорубь, иногда лед вырубали в виде креста. Крещенскую прорубь называли «Иордань». Освященную воду, которую называли «крещенской», верующие набирали в сосуды и несли домой. В течение года ее хранили в избах у икон и использовали в случае болезни людей и животных, так как считали, что она обладает целебной силой.

В народе бытовало представление, что крещенская вода обладает также очистительными свойствами. Считалось, что с ее помощью можно избавиться от нечистой силы и колдунов. Ряжение рассматривалось с точки зрения православия как нечто греховное, нечистое, поэтому всем, кто рядился в Святки, полагалось умыться крещенской водой или окунуться в «Иордань», чтобы смыть с себя этот грех. Так же поступали и те, кто желал получить здоровье. Нередко на водоемах делали две проруби: одну для набирания

«Катание с горки».
Н. П. Богданов-Бельский.
1920–1930-е гг.

воды, другую — для купания. По возвращении домой из церкви хозяйки трижды кропили крещенской водой углы, окна и двери своего жилища, перекрещивали их и рисовали мелом или сажей кресты. Делалось это для того, чтобы изгнать из дома нечистую силу. В течение недели после Крещения в деревнях запрещали полоскать на водоемах белье. Считалось, что нечистая сила после Святков уходила

под воду и могла, ухватившись за белье, вылезти обратно.

Одним из самых веселых и любимых праздников русских крестьян была Масленица (сырная неделя). Отмечать ее начинали за восемь недель до Пасхи. На протяжении всего праздничного периода девушки и женщины ходили на горки и пели там протяжные песни — «на долгий лен».

В зажиточных семьях всю неделю пекли блины или пряженые пироги. Первый испеченный блин использовался для гадания о будущем, через него смотрели на солнце. Масленичные гуляния начинались с воскресенья. Первый день Масленицы назывался «встреча», дети и холостая молодежь в этот день строили снежные горы; свекрови с утра отправляли невесток погостить на день к отцу и матери, а вечером сами с мужьями ехали к сватам в гости. Со второго дня масленицы начинались «заигрыши» — праздники молодежи. Парни и девушки катались с гор, во время катания происходили знакомства. Также было принято ходить по деревне и приглашать в дом гостей.

На пятый день проходила «тещина вечеринка». Накануне зять приходил в дом родителей невесты и лично приглашал тещу в гости, а утром следующего дня собирал компанию друзей, в которую обязательно входил дружка или сват, и толпой

они шли оказывать почет теще — приглашать ее в гости. На вечеринке зятя угощали своих тещ блинами. На шестой день Масленицы устраивали «золовкины посиделки». А в конце масляной недели в некоторых деревнях происходило взятие снежных городков. Если нападающим удавалось захватить снежную крепость, то ее разрушали, а воевод — защитников городка — купали в проруби.

В последний день Масленицы, Прощеное воскресенье, Масленицу провожали — в деревнях устраивали катания в санях, а вечером сжигали чучело Масленицы. В катаниях принимали участие практически все жители, но больше всего катались молодежь и молодые пары, поженившиеся недавно. Лошадей впрягали в самые лучшие сани, имевшиеся в хозяйстве, украшали их разноцветными лентами и бубенцами, нередко вешали вышитые полотенца. Во многих хозяйствах, даже в бедных, имелся набор праздничной упряжи специально для масленичных выездов. Крестьяне выходили на улицу посмотреть на катания молодежи, обсудить ее поведение, наряды, определить пары, которые могут пожениться в следующем году.

После Масленицы начинался семинедельный Великий пост. Первый его день носил название чистого понеделника. В сознании русского человека начало самого строгого поста связывалось с очищением души и тела, которое было необходимо после разгульной жизни Мясоеда и завершавшей его Масленицы. Некоторые наиболее благочестивые крестьяне в этот день отказывались от еды.

На Великий пост выпадало много важных для православного человека праздников. Среди них — Благовещение. В этот праздник верующие обязательно посещали церковь. На службу отправлялись с утра и непременно в чистой одежде. По возвращении домой садились за праздничный стол. Обед в этот день состоял из рыбных блюд и кушаний, приготовленных на постном масле; иногда подавали вино. Такие послабления в посте разрешались в ознаменование великого праздника. Из церкви в этот день приносили благовещенскую просфору, которой приписывали особое

магическое значение. Ее хранили до весеннего сева и укладывали в корзину с семенами.

Неделя перед Пасхой была насыщена праздничными приготовлениями. Она начиналась с Лазаревой субботы и Вербного воскресенья. В деревнях Тихвинского уезда в Лазареву субботу готовили «ми-сушку» — кашу из толокна. Вечером ее ставили на окно и «кричали Лазаря», то есть приглашали Лазаря отведать угощение. В Вербное воскресенье, последнее воскресенье перед Пасхой, в церквях святых веточки вербы. Веточки ломали обычно накануне, а после освящения, украсив лентами, ставили к иконам, втыкали в косяки дверей и окон. Этим веточкам приписывали магические свойства.

Повсеместно утром в воскресенье родители «для здоровья» хлестали своих детей вербой, приговаривая: «Верба красна, бей до слез, будь здоров». Пучки освященной вербы хранили в переднем углу у икон в течение года. Использовали их в день первого выгона скота на пастбище. После Вербного воскресенья начиналась Страстная неделя — последняя неделя Великого поста, предшествующая главному православному празднику, Пасхе. Каждый день Страстной недели церковь называет Великим, а народ — Страшным, так как посвящены они страданиям Иисуса Христа, последним дням Его земной жизни.

Великий четверг, или «чистый четверг», также был наполнен многочисленными ритуальными действиями, направленными на очищение и защиту человека и окружающего его пространства от несчастий и от злых духов. Повсеместно проводились обрядовые действия, связанные с защитой, оздоровлением и увеличением плодovitости домашнего скота. Так, до восхода солнца крестьянки старались обежать вокруг своей избы с колокольчиками в руках для того, «чтобы домашний скот во время летней пастбы ходил вместе». Лошадям в этот день подавали зерно и хлеб с полы кафтана, чтобы лошадь летом можно было легко поймать на выгоне. Чтобы хорошо неслись куры, хозяйки тайно приносили на свой двор щепки с чужого двора.

В этот же день советовали каждому хозяину или хозяйке непременно пересчитать деньги, чтобы те постоянно водились в доме. В конце недели делали последние приготовления к Пасхе: заканчивали уборку дома и двора, запасали продукты для праздничного стола, красили яйца. Для убранства жилища использовали чистые праздничные полотенца и скатерти. В Великую субботу старались освятить в церкви яйца, кулич и творожную пасху. Пасху в народной традиции нередко называли «праздник праздников», «царь дней», «торжество торжеств».

В пасхальную ночь празднично одетый народ отправлялся в храм на полуночную службу. Когда в 12 часов ночи раздавался колокольный звон, возвещающий о воскресении Иисуса Христа, начинался крестный ход. По дороге домой крестьяне иногда заходили на кладбище, чтобы положить на могилки родных крашеные яйца и кусочки кулича. В Большегорской волости Тихвинского уезда прихожане местного храма после обедни отправлялись разговляться на кладбище, там они сначала христосовались друг с другом, а затем, усевшись на могилы, вкушали освященную пасху и яйца, поминая родителей. В других же местах, согласно церковным правилам, категорически запрещалось ходить на кладбище и тревожить покой мертвых.

Утром, после службы в храме, крестьянская семья собиралась у праздничного стола, молилась и разговлялась: отец-хозяин очищал освященное яйцо и разрезал его на части по числу членов семьи, надевая каждого кусочком. Также распределялись и другие основные блюда пасхальной трапезы — кулич из пшеничной муки и творожная пасха. Только после этого начиналось долгожданное застолье с обилием различных молочных и мясных кушаний, не появлявшихся на столе православных в течение семинедельного поста. В домах освященные крашеные яйца клали «к Богу» — к иконе, считая, что с их помощью можно защитить дом от нечистой силы и от пожара. Под иконами могли хранить также кулич, кусочки которого клали весной в семена, чтобы они лучше взойшли.

«Масленица. Прощеный день в крестьянской семье». К. Крыжановский. Гравюра по рисунку Н. И. Соколова. XIX в.

Поздравительная открытка. Начало XX в.

Поздравительная открытка. Начало XX в.

Поздравительная открытка. Начало XX в.

В день Пасхи священнослужители с крестным ходом обходили деревенские дома. Их сопровождали крестьяне, несшие крест и иконы. По народным убеждениям, пасхальные обходы должны были обеспечить благополучие хозяйства. В течение недели священнослужители обходили по очереди все деревни прихода, совершая пасхальные молебны в каждом доме. Их сопровождали «богоносцы» — прихожане, которые несли на полотенцах иконы. Обход поселений на Пасху нередко совершали дети. Деревенские ребяташки, объединившись в ватаги по 10–20 человек, ходили «христосоваться» по домам односельчан. Войдя в избу, они трижды поздравляли хозяев: «Христос Воскресе!». Им отвечали: «Воистину Воскресе!» и одаривали крашеными яйцами.

Повсеместно в день Светлого Христова Воскресения на улицах городов и деревень разворачивались шумные и веселые гулянья. Их сопровождал колокольный перезвон. В Пасху всем желающим разрешалось подниматься на колокольню и звонить в колокола. На улицах весь день пели песни, плясали, молодежь качалась на качелях, девушки водили хороводы, парни и молодые мужчины соревновались в различных играх. Наиболее распространенной была игра под названием «катать яйца». В центре ровной площадки ставили деревянный круг, в который каждый игрок клал крашеное яичко. Остальные яйца катали по специальному желобку, располагавшемуся под углом к деревянному кругу.

Игрок пускал крашеное яичко по желобку в лежащие по центру яйца и забирал из него те, которые разбило пущенное яичко. Молодежь играла также в лапту, в городки, в карты. Гулянья и игры продолжались нередко до Троицына дня.

На следующей неделе после Пасхи отмечали один из важнейших дней поминовения усопших — Радуницу, день, который в народе называли также Пасхой мертвых. Крестьяне считали, что в этот день мертвые встают из могил, слушают поминальную службу в церкви, разговляются после Великого поста (во время поминальной трапезы), радуются наступлению Христова дня и тому, что дети помнят о них. В Радуницу после поминальной службы в церкви крестьяне с едой и вином отправлялись на кладбище «христосоваться с покойниками». Для этого здесь устраивали трапезу, которая должна была объединить живых и умерших. На могилку, покрытую скатертью или полотенцем, выкладывали пасхальные блюда: крашеные яйца, куличи и пр. Угощением для умершего служило пасхальное яйцо, которое клали или крошили в основание креста или закапывали в могильную землю. Возвратившись с кладбища, поминали родителей дома. К столу подавали кутью, пасхальные яйца и кулич.

Егорьев день в народной традиции был связан с первым выпуском скота на улицу после зимы. В этот день скот обычно обходили с решетом, в котором находились образ Георгия, освященная верба, хлеб и яйца. В праздник Вознесения Господня, отмечаемый на 40-й день после Пасхи, застолий и веселых гуляний не устраивали. В крестьянском календаре это был день окончания пасхальных торжеств. По христианской традиции с Пасхи до Вознесения было принято при встрече приветствовать друг друга словами «Христос Воскресе!» — «Воистину Воскресе!». В праздник Вознесения в каждой крестьянской семье обязательно готовили обрядовое печенье в виде лесенок, полагая, что с их помощью Христос сможет взойти на небо.

Троица отмечалась на 50-й день после Пасхи. Как правило, праздновали этот

праздник два дня — непосредственно Троицу и следующий за ней Духов день. Символом праздника была береза. Срубленные березки высаживали около храмов, вдоль центральных улиц и в каждой крестьянской усадьбе: у крыльца дома, у ворот, ведущих в усадьбу, под окнами. По поверьям, березы указывали предкам дорогу в отчий дом, где их в эти дни ожидали на поминальную трапезу. Березовые веточки втыкали в стены домов и хозяйственных построек внутри и снаружи. Ветви березок приносили в церковь, чтобы освятить, а затем ставили их в избе у икон, свято веря, что они будут охранять дом от гроз. В некоторых местах уезда к Троице и Духову дню приурочивали крестный ход и молебны о даровании дождя.

Одним из важных летних праздников русских крестьян был Иванов день, который отмечался 24 июня, во время летнего солнцеворота. Согласно церковному календарю это был день Рождества св. Иоанна Предтечи, Крестителя Господня. Пик

праздничного веселья и гуляний приходился на ночь с Аграфены на Ивана Купалу. Главными участниками гуляний были молодежь и молодые супружеские пары — самая активная часть общества. Они выходили на улицу вечером и возвращались домой только под утро, чтобы немного передохнуть и затем снова отправиться на гулянья. В купальский праздник, так же как и в Святки, молодежь вела себя более свободно, рядилась и устраивала шуточные развлечения, в том числе и над своими односельчанами.

Ночные гулянья сопровождалось разведением костров и купанием в реках и озерах. Костры разводили на возвышенностях, чтобы их было видно и в окрестных деревнях. Костры, по народным представлениям, охраняли поля от нечистой силы и способствовали плодородию земли. Вокруг костров водили хороводы, плясали и устраивали игры. Излюбленным развлечением молодежи было перепрыгивание через огонь. Верили, что тот, кто смог это

«Гуляние на Троицын день». Б. М. Кустодиев. 1912 г.

сделать, обретал здоровье и удачу на год. Парни и девушки прыгали парами. Если им удавалось перескочить через огонь, не размыкая рук, то считалось, что в ближайшее время они поженятся, а их брак будет счастливым.

Омовение «купальской» водой также считалось целебным для человека. Ночью и днем было принято купаться в водоемах, кататься по росе, а также топить бани для мытья. В некоторых деревнях Тихвинского уезда умывались росой, собранной с трав; девушки и женщины делали это для того, чтобы их лица были красивыми и чистыми. Жители деревень, расположенных по берегам Озерского озера, во время купания втыкали в дно озера ветки рябины, приговаривая: «Иван да Марья, рябинку ставлю, в озере купаюсь, по росе катаюсь».

Повсеместно бытовали рассказы о необычных явлениях, происходивших с растениями в купальскую ночь. Старики говорили, что только раз в год, в ночь под Ивана Купалу, в лесах, полях и садах все растения перешептываются друг с другом, переходят с места на место, а «всякая трава, даже папоротник, расцветает». Человек, завладевший цветком папоротника, обретал способность узнавать прошлое и заглядывать в будущее, находить клады, спрятанные в земле, понимать язык птиц, животных, растений, становиться невидимым. Желаящим получить его следовало в 12 часов ночи быть в лесу, в зарослях папоротника, и внимательно наблюдать за растением, так как, по поверью, цветет оно всего три минуты. Однако такой поход считался опасным, поскольку волшебный цветок охраняет нечистая сила.

Для того чтобы соприкоснуться с волшебной силой растений, крестьяне в день Аграфены Купальницы или в Иванов день собирали и приносили домой травы, веточки деревьев, цветы, которым приписывали оздоровительные или очистительные свойства. Дети и, реже, взрослые ломали ветки рябины и можжевельника, приносили их в поле и бросали на засеянную полосу. Крестьяне считали, что после этого обрядового действия хлеб будет расти лучше. Также в Иванов день беременные

женщины делали обрядовые веники. Ими парились два раза до родов и один раз после родов. Остатки трижды использованного веника укладывали в колыбель младенцу под изголовье, а также под подушку матери с целью предохранения от всякого зла.

Еще в Иванов день девушки собирали в лесу травы и цветы для плетения венков и гаданий. Если девушка желала увидеть во сне суженого, то ей следовало набрать 12 определенных разновидностей трав и на ночь положить их под подушку с приговором: «Суженый, ряженный, приходи ко мне цветы собирать»; кто из мужчин приснится в эту ночь, тот и будет мужем гадающей. В Тихвинском уезде накануне Иванова дня купались с цветами смолянки. Окунувшись в воду, букет выпускали и следили — выплывет он на поверхность воды или нет. Если выплывет, то обладатель букета в этом году не умрет, а если утонет, то умрет.

Купальское празднество, начатое в день Ивана Купалы, завершалось в Петров день. Как в купальскую ночь, так и в ночь под праздник св. апостолов Петра и Павла молодежь гуляла до утра. Около костров, разожженных по берегам рек, устраивались хороводы, танцы и игры. Под утро девушки и парни отправлялись встречать солнце. Петров день считали своим праздником и пастухи. В этот день крестьянская община выплачивала пастуху деньги за прошедшую часть пастбищного сезона; это была вторая плата по счету, и называлась она «петровщиной». В деревнях хозяйки соблюдали обычай одаривать пастуха яйцами, хлебом и маслом.

Ильин день, отмечавшийся 20 июля в честь памяти св. пророка Илии, и Ильинская пятница, празднуемая в предшествующую празднику пятницу, повсеместно считались днями, опасными для любой работы. Поэтому крестьяне старались в эти праздники ничего не делать по хозяйству. С Ильина дня крестьяне прекращали купание в водоемах, так как считалось, что «с Ильина дня водичка от камушка стынет». В некоторых уездах в Ильинскую пятницу проводили молебны и купались в «Иордани».

1 августа в деревнях отмечали Первый Спас. В этот день в церквях поклонялись Честному Кресту Господню — на котором был распят Христос — и устраивали торжественное вынесение креста из церкви и крестные ходы к рекам, озерам и другим естественным источникам, где совершались молебны с водосвятием. Поэтому в народе этот праздник называли еще Водным Спасом или «Спасом на воде». После службы многие верующие купались в освященной воде, веря, что таким образом могут смыть с себя грехи, обрести здоровье и защититься от лихорадки и сглаза. На Первый Спас в последний раз купали в воде лошадей и домашнюю скотину. Считалось, что если выкупать лошадь позже этого срока, то она не выдержит предстоящей зимней стужи и болезней. В некоторых деревнях лошадей кропили святой водой. Первый Спас называли также Медовым, поскольку пчеловоды первый раз в году вырезали соты с медом и несли их в церковь для освящения. Только после этого мед нового урожая разрешалось есть.

Праздник Преображения в народе обычно называли Вторым Спасом или Яблочным Спасом. Крестьяне считали, что именно к этому дню должны созреть овощи, яблоки и другие плоды. В Преображение крестьяне обязательно ходили в церковь и приносили туда яблоки. До этого срока есть плоды нового урожая (кроме огурцов) считалось большим грехом. Нарушивший этот запрет должен был искупить вину — не есть яблок в течение 40 дней после Второго Спаса. В день праздника, по возвращении из храма домой, крестьяне разговлялись освященным яблоком.

Покров день (1 октября) у русских крестьян считался одним из важных осенних праздников. К этому дню заканчивались все сельскохозяйственные работы, а в природе наблюдались первые признаки наступающей зимы. В этот день подводился итог и пастбищному сезону: община рассчитывалась с пастухом. Скотину после Покрова уже не выгоняли на пастбище, а ставили во двор на всю зиму и начинали кормить дома, даже если еще был подножный корм. Чтобы уберечь ее от голода и болезней, каждому животному в этот

день давали столько сена, сколько оно не смогло бы съесть, или кормили последним снопом хлеба, принесенным с поля.

День Николы зимнего отмечался в русских деревнях 6 декабря. Этот православный праздник был установлен в память св. Николая Мирликийского (Николая Чудотворца, Николая Угодника). Никольские гулянья были одними из самых продолжительных, так как праздник приходился на свободное от сельскохозяйственных работ время. Крестьяне, собравшиеся на заработки, как правило, получали зачатки за работу и могли отметить праздник как полагается. Празднование могло длиться до пяти дней. Нередко в день Николы зимнего устраивались праздничные выезды на санях, и каждый крестьянин еще раз получал возможность показать соседям свою лошадь, выездные сани и упряжь.

В конце декабря заканчивался годовой праздничный цикл, и крестьяне начинали готовиться к Новому году. А с его наступлением вновь следовали церковному и народному праздничному календарю.

Медовый Спас (Первый Спас) — день народного календаря у славян, приходящийся на 1 (14) августа и посвященный памяти Происхождения честных древ Животворящего Креста. Первый день Успенского поста.

Яблочный Спас (Второй Спас) — день в народном календаре славян, приходящийся на 6 (19) августа. Являлся одним из первых праздников урожая; день, с которого согласно поверьям природа разворачивалась от лета к осени и зиме.

6 июля (23 июня по ст. стилю) в народном календаре называют **Аграфеной-купальницей**. В народе про Аграфену говорят, что она сестра **Ивана Купалы**, и потому в этот день все обрядовые действия являются своеобразной прелюдией к обрядам следующего за ним дня Ивана Купалы. Этот праздник у славянских народов ассоциировался с началом купального сезона.

День Петра и Павла отмечает 12 июля (29 июня по старому стилю), в день, когда апостолы приняли святое мученичество. Полное название праздника: День святых славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла.

Народная пища

Традиционная народная кухня русских крестьян включала продукты, производившиеся в крестьянском хозяйстве и добытые путем охоты, рыболовства и собирательства. Пищевой рацион семьи менялся в зависимости от времени года и постов. Повседневная пища отличалась от праздничной и обрядовой пищи. По будням крестьяне ели обычно три-четыре раза в день. В нерабочее зимнее время два-три раза в день, так как зимой вставали позднее. На завтрак хозяйка обычно подавала чай, хлеб, ржаные пироги или овсяные блины. Обедали в полдень; на первое подавались суп и хлеб, а на второе — картофель или каша. Перед наступлением сумерек пили чай с хлебом и пирогами, а вечером вся семья собиралась ужинать. На ужин обычно подогревали блюда, оставшиеся от обеда.

Дома за стол садились всей семьей. У каждого из домочадцев было свое место за столом. «Большак» — хозяин дома — сидел под иконами, рядом с ним вдоль лавки по старшинству сидели сыновья. Напротив них, на приставной скамейке — жены сыновей, в том числе и с грудными детьми, а также дочери. На углу, ближе к печке, располагалась «большуха» — хозяйка, которая подавала во время трапезы блюда. Перед едой «большак» громко читал молитву, а члены семьи вторили ему. Затем глава семьи усаживался и начинал резать стоявший перед ним хлеб, выдавая каждому по куску. Он также вытаскивал из супа и разрезал кусок мяса. К трапезе приступали с разрешения «большака», все сидевшие за столом ждали, когда отец стукнет ложкой по блюду.

Основу повседневной пищи составляли выпечные изделия. Для их приготовления использовали ржаную муку. Из нее пекли кислый хлеб. Когда ржаная мука была на исходе, в хлебное тесто добавляли ячменную муку. Обычно это делали в конце зимы и весной. Бедные крестьяне часто пекли хлеб только из житной муки. Приготовлением теста и выпечкой хлеба занимались два раза в неделю. Хлеб выпекали в таком количестве, чтобы его хватило до следующей выпечки. К хлебу у крестьян было особое отношение. Когда накрывали

стол, в первую очередь на него ставили хлеб.

Повсеместно в деревнях готовили разнообразные каши. Они могли быть жидкими и густыми. Для приготовления каш использовали крупу ячменя, овса, гречихи, пшеницы, пшено и рис. Крупу заваривали на молоке, а в постные дни — на воде. В бедных крестьянских семьях каши почти всегда делали на воде, молоко использовалось только для того, чтобы «забелить» кашу. Каши подавались на завтрак и как второе блюдо на обед. Разновидностью каши была «гуща». В состав этого блюда входили ячменная или гороховая мука и постное масло. Крупа и мука в крестьянском рационе могли быть как основным продуктом, так и дополнительной добавкой к жидким блюдам. Так, например, в щи из капустного крошева для густоты добавляли ячменную муку или крупу. На основе крупы варили суп «крупень».

Мясные блюда на повседневном столе даже у зажиточных крестьян можно было увидеть не часто. Мясо употребляли в пищу в основном осенью и зимой, так как крупный рогатый скот и овец резали обычно в ноябре. Также наличие мясных блюд на столе зависело от постов. В «межговенье» мясо — говядину и баранину, реже свинину — использовали для приготовления супов. В некоторых деревнях готовили мясные бульоны, их называли «вар».

В рационе крестьян, которые держали достаточное количество рогатого скота, было много блюд, приготовленных из молочных продуктов. Если же скот был не молочный, то молоко давали только детям и больным. Обычно творог копили к Пасхе. На крестьянском столе молочные продукты преобладали весной и летом. В качестве самостоятельных блюд подавали пресное молоко, кислое молоко, творог, сметану, масло. В некоторых крестьянских семьях в будни на стол подавали творог, разведенный водою или молоком, жареный творог с маслом, пресное молоко с творогом. Растительным маслом приправляли картофель, творог, блины; сметаной и молоком — супы и щи, сваренные без мяса, каши, толченый картофель.

«В крестьянской избе». И. С. Куликов. 1902 г.

Так как яиц в большинстве крестьянских хозяйств было немного, то их чаще использовали для приготовления праздничных и обрядовых блюд, например яичницы. Яйца обычно копили к Пасхе. В зажиточных хозяйствах яйца варили хозяйину в дорогу или давали с собой, когда он уходил на целый день на работу в поле или на рыбалку.

Так как рыболовство было распространено повсеместно, то рыбные блюда довольно часто включались в крестьянский рацион. Весной, когда у крестьян заканчивались хлеб и овощи, рыба становилась основным продуктом питания. К тому же во время некоторых постных дней рыбу, в отличие от мяса, есть разрешалось. Из мелкой рыбы крестьяне варили уху, похлебки, пекли повседневные «рыбники»; крупную рыбу жарили и запекали в печи. В каждой отдельной местности были свои предпочтения в выборе рыбы. В деревнях с развитым рыболовным

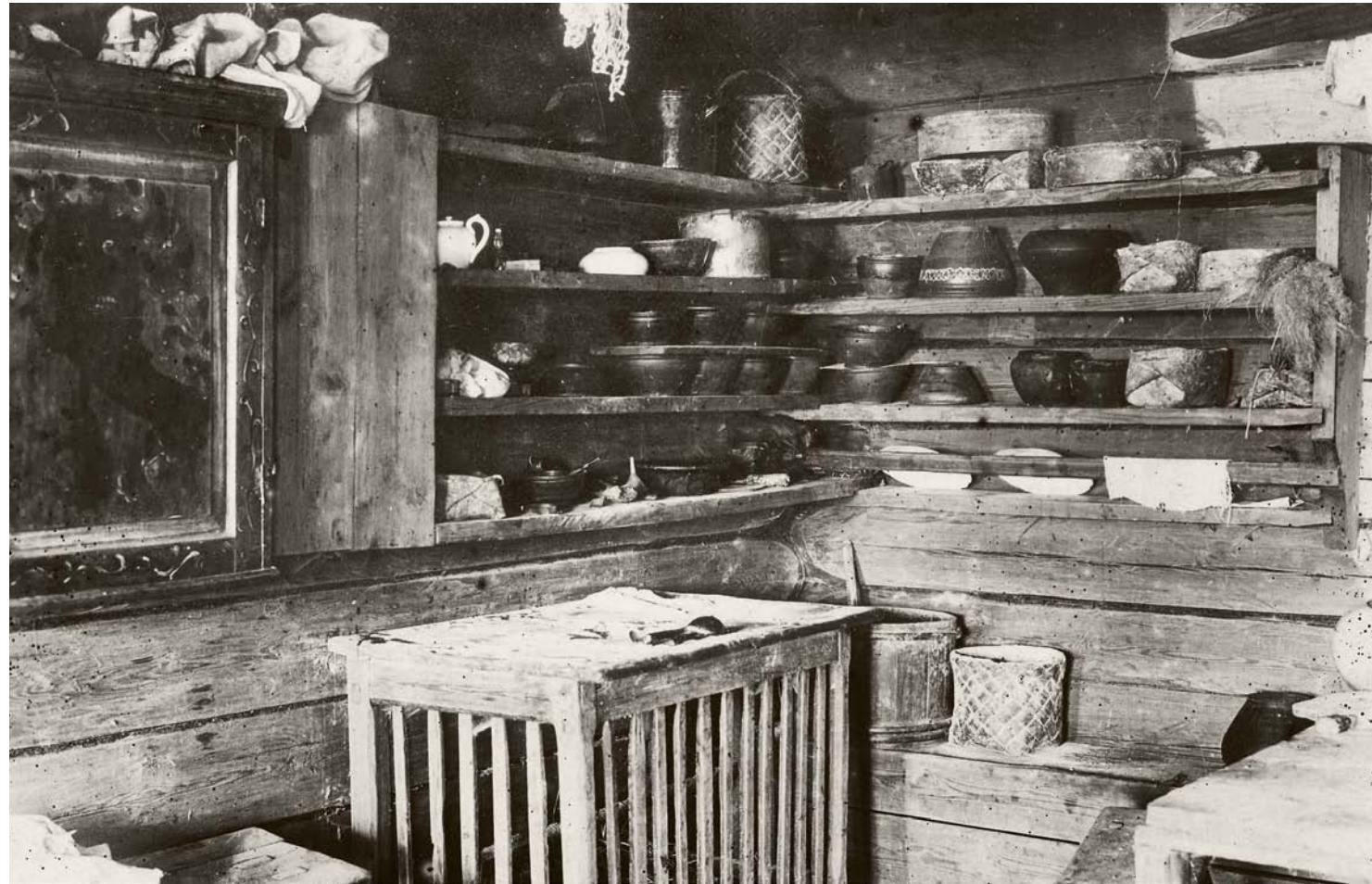
промыслом рыбу солили и сушили. Щук и судаков солили в кадках под гнетом и хранили затем там же, в рассоле, на продажу. Вялили сырть, язя и подлещика. Эти виды рыб использовали только для домашнего потребления.

Наряду с блюдами из крупы в традиционной русской кухне часто использовались различные сорта гороха и других бобовых. Из гороха готовили суп, гороховую кашу, лепешки. Кроме того, горох отваривали и подавали к столу в качестве самостоятельного блюда. Горох часто использовали как начинку в пирогах и калитках. Зеленые стручки гороха были любимым лакомством крестьянских детей. Овощи составляли один из важных компонентов постного стола, их также подавали к мясу и рыбе. Наиболее часто для приготовления повседневных блюд использовали капусту, картофель, репу, редьку, брюкву, свеклу. Овощи являлись основной составляющей холодного супа — окрошки. Из них готовили

Жито, житный хлеб — общее название для черного (ржаного) и серого (ячменного) хлеба.

На стр. 144–145:

«Бедный ужин». В. М. Максимов. 1879 г.

Вид нижнего этажа избы. За печкой на стенах полки с посудой. 1929 г.

горячие жидкие блюда — щи, супы. Щи из капусты без мяса в народе называли «пустыми щами», в постные дни в них добавляли только постное масло — льняное или подсолнечное, в скоромные дни пустые щи «забеливали сметаной». В отварном виде каждый овощ мог служить самостоятельным блюдом, к которому предлагалась какая-нибудь приправа. Во время обеда их подавали на стол в качестве второго блюда.

Отварной картофель ели с постным или сливочным маслом. Иногда картофель варили с кожурой и во время еды посыпали солью. Это блюдо, особенно в малоимущих семьях, часто было основным и на обед, и на ужин. Летом крестьяне делали картофельную яичницу. Сваренный картофель толкли, разводили молоком, добавляли в эту массу одно-два куриных яйца и запекали в печи, ели как горячим, так и охлажденным.

В конце XIX в. наиболее распространенным овощем в деревне была капуста. Большую часть собранного урожая капусты засаливали, чтобы обеспечить семью пи-

щей до следующего урожая. Обычно капусту убирали 14 сентября. Хозяйки тщательно разбирали кочаны, отделяя верхние серые листья от белых. Кочаны часто резали пополам или солили целиком. Серые листья рубили в кадке, а затем складывали в чан, слегка перемешивая с ржаной мукой; такую капусту называли крошевом. Отдельно засаливали мелко нарубленную белую капусту. Во второй половине XIX в. в деревнях стали популярны огурцы, особенно соленые. Так как на крестьянских огородах они еще были редкостью, то засолку этого овоща доверяли только одной женщине в доме, которую считали мастерицей этого дела. Соленые огурцы подавали ко вторым блюдам, а иногда просто ели с хлебом. Огурцы считались лучшей закуской к крепким спиртным напиткам.

Хорошим подспорьем в питании были грибы и ягоды, собираемые в лесах. Грибы на засолку и сушку начинали заготавливать с сентября. Перед засаливанием грибы сначала отмачивали в воде всю ночь.

На следующий день их складывали в кадку и солили, соли следовало класть как можно больше. Сверху на грибы клали деревянные кружки и «прижим» — камень. Соленые грибы начинали употреблять в пищу с поздней осени, так как старались сохранить их до Великого поста, чтобы разнообразить скудный постный стол. Собранные в лесу ягоды ели в свежем виде, сушили и «парили». Для детей ягоды были лакомством. Перед запариванием ягоды тщательно чистили и мыли, потом хозяйки пересыпали их в глиняные горшки и ставили в печь. Утром горшки с ягодами, давшими за ночь сок, выносили на улицу, остужали и переливали в кадки. Хранили кадки в холодном месте. Ягоды тоже старались сохранить до Великого поста.

Из напитков наиболее популярными в русских деревнях были хлебный квас и кисель. Кисели варили из овсяной крупы и из ягод. Традиционный рецепт кваса был таков: к небольшому количеству солода прибавляли ржаную муку, разводили полученную смесь теплой водой так, чтобы получилось тесто. Из приготовленного теста пекли хлебцы. Подсохшие хлебцы крошили в «квасник» и заливали теплой водой. «Квасник» представлял собой сосуд, на боковой стенке которого, в непосредственной близости от дна находилось небольшое отверстие, заткнутое палочкой. В отверстие с внутренней стороны сосуда, перед тем как накрошить хлебцы, выкладывали небольшой пучок соломы — это делали для того, чтобы в напитке, выпускаемом из сосуда, не оказались размоченные хлебные крошки.

Квас употребляли в будни и праздники как самостоятельный напиток и как дополнение к другим блюдам. С квасом ели капусту, студень. На квасе делали популярное в народе летнее блюдо — окрошку. В начале XX в. чай из исключительно праздничного напитка превратился в повседневный напиток крестьян. В ряде местностей утром было принято пить чай с булкой, с хлебом, с сахаром. На праздничный стол к чаю подавали мед, пряники, орехи, конфеты.

Одним из главных блюд праздничного стола были пироги. На большие праздни-

ки старались делать тесто на пироги из пшеничной муки. Но чаще пироги делали из ржаного и ячменного теста. Начиняли пироги картофелем, морковью, капустой, рыбой, мясом, ягодами. Любимым блюдом в восточных уездах были «калитки». Их пекли в праздничные, а летом и в воскресные дни. Калитками называли сканцы из ржаного теста, начиненные толченой картошкой, разведенной молоком или кашей. К Рождеству в глиняных латках пекли специальный белый хлеб «каравай». Праздничным и обрядовым пирогом считался рыбник — пирог с начинкой из каши и рыбы. Перед употреблением хозяин срезал с него верхний слой теста и разламывал его на части, которые раздавал гостям. Рыбу из пирога брали руками после того, как съедали корочку. К празднику Рождества пекли специальный пирог со свиной — «свинник».

Праздничным напитком повсеместно считалось солодовое пиво. Его, как правило, варили только в местные, годовые, заветные праздники, а также на свадьбу. Пришедшему гостю чуть ли не с порога предлагали пива, а после этого уже приглашали к столу. Детей, девушек, а иногда и женщин угощали суслом. В конце XIX в. на праздничном крестьянском столе прочно утвердились водка и вино. Праздничная пища требовала больших финансовых затрат, но крестьяне не считались с деньгами, если речь шла о празднике, поскольку праздничный пир был важным элементом традиционного образа их жизни.

Крестьяне радовались каждому празднику и ценили их не только как время для отдыха и когда запрещалась любая трудовая деятельность, но и как день, по которому было можно ясно и точно сказать, что сейчас, но более важное — что будет потом. Праздники служили возможностью всем родственникам и друзьям собраться вместе. Гулянья помогали людям отвлечься от мирских забот, переключиться и настроиться на более позитивный лад, что потом, после праздника, давало крестьянам новые силы для работы.

Народные
верования
и народные
знания

В русских деревнях в конце XIX в. сохранялись старинные воззрения на природу и вера в духов. Крестьяне считали, что солнце создано Богом. Оно светит по его повелению. Звезды — это души праведников, которые находятся на небе и смотрят ночью на землю. Гроза — это напоминание о том, что Бог существует. Молния — небесный огонь, который Бог посылает для преследования «нечистого». При каждом разряде молнии крестьяне крестились и читали: «Свят, свят, Господь Саваоф». Во время летней грозы в избах начинали молиться в большом углу перед иконами; в молитвах просили св. пророка Илию заступиться за них. Гром, по представлениям крестьян, происходил от огненной колесницы, на которой св. Илия развезжает по небу. Нечистый, убегая от

молнии, прячется в разные места: в дерево, в человека, в изгородь или другие сооружения. Молния находит нечистого и убивает. Кометы посылает людям Бог, чтобы предупредить о несчастьях.

Крестьяне были твердо уверены в том, что за порогом дома повсюду обитает нечистая сила: леший, водяной, банник, рижник, болотник, бес полуночный, бес полуденный и пр. Среди демонов народного пантеона самым «поганым» считался черт. Черта представляли в образе человека с хвостом, рогами на голове и копытами на ногах. Крестьяне верили, что на свете чертей несметное количество. Их можно встретить везде. Нет их только в освященных местах: в часовнях, церквях, монастырях. Черти могут оборачиваться черной кошкой, или собакой, или каким-либо человеком. Считалось, что больше всего на свете черти страшатся ладана. Крестьяне боялись даже упоминать слово «черт», это считалось грехом. Вместо него они говорили: «нечистый», «рогатый».

Лесовик, по мнению крестьян, обитал в каждом лесу. В деревнях на р. Оять утверждали, что лесовик чаще всего показывается людям в образе кудрявого длинноволосого мужчины, на голову которого надет колпак. О себе лесной дух напоминал «гоготом». Крестьяне говорили, что отличить лесного духа от человека можно по одежде: у него левая пола кафтана перекинута на правую полу. Крестьяне считали, что у лесовика есть жена — «баба лесовиха». Своих детей у них не было, но они могли увести из деревни детей крестьян, «проклятых» под сердитую руку, и воспитывать их в лесу. В результате дети переставали понимать человеческую речь.

Лесной дух часто пугал людей, сбивал их с пути и мог «завести». Для того чтобы выйти из леса, заблудившийся должен был обратиться за помощью к Богу и перекреститься либо выругаться матерными словами. Считалось, что больше всего леший боится молитвы «Да воскреснет Бог». Чтобы вернуть корову, заблудившуюся в лесу, достаточно было сложить из лучины крест, причем это нужно было сделать не руками, а ртом. Крест нужно было положить на перекресток дороги. Считалось,

что после этого скотина обязательно найдется. Когда ночь заставляла крестьянина в лесу, чтобы обезопасить себя от лесного духа, рядом с местом ночлега укладывали рябиновый прут. Крестьяне верили, что леший не сможет через него переступить.

Местом пребывания водяного духа — «водяника» — были озера. Чаще всего этих духов можно было встретить после заката солнца или на рассвете. Крестьяне рассказывали, что видели их сидящими на плотах, на мостах и на камнях. Водяного духа в мужском обличье описывали так: «Мохнатый, лицо ровно метла. На пальцах ногти, глаза горят». Пребывание человека в воде считалось опасным. Поэтому во время купания не снимали нательный крест. Вместе с тем крестьяне отмечали и положительные качества водяного, говорили, что водяной мог помочь человеку, если его задобрить или оказать ему какую-либо услугу.

Так, в д. Кривой Омут на р. Пчевжа рассказывали, что в омуте при их селении появился чужой водяной и местный «омутник» пришел в деревню просить мужиков изгнать его. Мужики прогнали чужого водяного, и за это «омутник» отблагодарил их серебром, но крестьяне его не взяли. За такое бескорыстие водяной хозяин обещал не топить народ при перевозе через реку. В деревнях Приоятья крестьяне считали, что водяной помогает пасти коров, находящихся на выгоне у реки. Женскими представителями водяных духов были русалки, они обитали в реках. В деревнях говорили, что русалки чаще всего показываются людям в виде обнаженных женщин, которые расчесывают распущенные длинные волосы гребнем. Крестьяне считали, что в русалку может обратиться утопленница и проклятый человек.

Еще один представитель народной демонологии — банный дух, по мнению крестьян, обитал в бане. Он поселялся там после того, как в ней побывала роженица. Банника считали «шаловливым», так как он мог принимать вид разных людей и таким образом морочить людей. Иногда он показывался в виде лохматого мужчины, покрытого сажей. Опасным временем для мытья в бане считались поздний вечер

и ночь, поэтому крестьяне старались в это время не ходить в баню. Считали, что баню можно посещать только в два захода, поскольку в третий раз моется сам хозяин бани.

Добрыми духами считали домового и дворового. Иногда их объединяли в один мифологический персонаж — домового. Эти духи обитали в каждом доме. Домовой дух жил в избе. Местом пребывания дворового считались конюшня или скотный двор. Дворовой дух никогда не показывался в своем настоящем виде, он мог явиться в образе крысы, лягушки, змеи, черной кошки, ласки. В народе было принято не убивать этих животных, если они появлялись во дворе. Говорили: «Кто убьет домового, у того пропадет 12 лошадей». Иногда хозяин двора показывался людям в образе человека, закутанного в солому. Поэтому прежде, чем войти во двор,

Дожинальная бабка. 1929 г.

Дожинальная бабка делается из последнего сжатого снопа на поле и остается на зиму в хозяйстве, которое последним закончило жатву.

На стр. 150–151:

«Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». В. М. Максимов. 1875 г.

«Крестьянские дети в лесу». А. И. Корзухин. 1877 г.

«Знахарка».
Ф. С. Журавлев.
Конец XIX в.

хозяева кашлем оповещали дворового о своем приходе. Говорили, что если этого не сделать, то может случиться беда. Если дворовой хорошо относился к хозяевам, то он берег и холил домашнюю скотину. Если же дух не ладил с домочадцами, то скот болел и умирал. Для того чтобы дух оставил не понравившееся ему животное

в покое, на двор приносили подарок — нюхательный табак. В некоторых местностях, чтобы дух двора не мучил лошадь, на шею животному надевали ошейник с колокольчиками.

У русских крестьян в конце XIX в. еще была сильна вера в колдунов — людей, при жизни продавших свою душу черту, и знахарей. К колдунам народ относился со страхом. Лишний раз крестьяне старались не сталкиваться с ними на улице, чтобы колдун не причинил какой-либо вред, не сглазил. В деревне верили, что колдуны могут приворожить или испортить человека, нанести вред целой деревне — лишить урожая, напустить болезни, навести грозу с молнией, сделать «заломы» в хлебном поле.

Считалось, что колдуны могут общаться и договариваться с лесным духом. Поэтому к ним обращались пастухи за «обходом». «Обход» мог быть написан на бумаге или на бересте. При передаче «обхода» пастуху колдун читал заклинание. Полученный от колдуна «обход» пастух, умеющий играть на рожке, вкладывал в свой музыкальный инструмент при его изготовлении, чтобы никто не мог увидеть этот охранный документ. Те, кто не использовал пастуший рожок, хранили «обход» на поясе, надеваемом на голое тело, или подвешивали его

к шнурку нательного крестика. При первом выгоне скота на пастбище пастух обходил все стадо кругом, держа «обход» в левой руке. Каждый раз, когда пастух ложился отдыхать или отлучался от стада, он должен был вспоминать те слова, которые были сказаны ему колдуном.

К знахаркам крестьяне обращались в случае болезни. Их звали в дом раньше, чем священника и доктора. Они лечили при помощи трав и заговоров. С ранней весны знахарки собирали почки, травы, коренья. Они знали заговоры от кровотечений, от опухолей, от укусов змей, от грыжи, от волоса, детских болезней и пр. Крестьяне считали, что знахарки помогали не столько своими знаниями, сколько своей святостью и молитвами. Когда кто-нибудь заболел, то к знахарке шли с поклоном и приглашали ее к больному.

Если в деревне не было колдунов, то знахари помогали искать потерявшуюся скотину, осуществляли привороты, отвороты и прочую магическую практику. В деревнях также было развито самолечение. Оно основывалось на элементарных знаниях народной медицины. Бытовые раны — порезы от топора и серпа лечили мочой. От простуды лечились баней или натирали тело перцовой водкой, пили отвар липового цвета, малины, земляничных листьев, богородицкой травы (чабреца) или святую крещенскую воду. При болях в животе ставили на него глиняный горшок — «вытягивали боль», а потом больное место растирали. При ревматизме натирали тело муравьиным спиртом. Лечение часто сопровождалось чтением различных заговоров. Народная медицина в начале XX в. стала постепенно вытесняться профессиональной медицинской помощью. Однако этот процесс затянулся на долгие годы, а знахарские практики сохраняются в Тихвинском крае до настоящего времени.

Заговор — «приворот» девушки*

Читается парнем.

Стану я, добрый молодец, не благословясь, пойду, не перекрестясь. Из избы в избу, не дверям из двора, не воротам и пойду в чисто поле. В чистом поле стоит и три и два и один бес: бес Сава, бес Колдун, бес Асуд. И я сойдусь поближе молодцу (имя) и поклонюсь пониже. Вы, тридцать бесов — три, два и один: бес Сава и бес Колдун и бес Асуд — и как вы служили Ироду царю, и так послужите мне добру молодцу (имя). Пойдите по городам и деревням и сбирайте тоску и сухоту со зверей и с птиц, и с птицы, и с рыбы, и со всякого звания людей. И отнесите эту тоску и сухоту на девицу (имя) в ясны очи, во черные брови, в румяное лицо, в сахарные уста, во горячую кровь, во черную печень, во тридцать жил и одну жилу становую, в поднятную, чтобы девица не могла жить, нении быть, ни день по солнцу, ни ночью по месяцу. Как младенец без материна молока жить не может, так бы девица (имя) без воды жить не может в которую пору, так и без добра молодца (имя его).

Есть во чистом поле дуб Сорочинской, и под тем дубом Сорочинским есть тридцать девиц. Из-под того дуба Сорочинского выходит баба-яга и поджигает тридцать костров дубовых дров. И сколь жарко и сколь ярко разгорелось тридцать костров дубовых, то столь ярко и столь жарко разгоралась бы девица (имя). Разгорались бы ее ясные очи и черные брови, и румяное лицо, сахарные уста, ретивое сердце и горячая кровь, черная печень, семьдесят жил и семьдесят одна, и семьдесят один сустав. Чтобы девица (имя) без доброго молодца (имя) не могла бы с себя тоски и сухоты снять, в парной бане париться не могла бы, в чистом поле разгуляться, пресного молока нахлебаться, на постели отоспаться, в беседе отосидеться. И тем моим словам ключ и замок. А замок замкну и ключ снесу в океан-море под латырь-камень.

Заговор для скотины — «обход»*

Читается пастухом перед первым выгоном скота на пастбище. Заговор служил оберегом для стада.

Священномученикам Власию и Модесту, евангелистам христовым. Стану я, раб Божий, благословясь, и пойду, перекрестясь. Из избы в избу, из ворот в ворота. Я, раб-пастырь, умоюсь утренней росой, перетрюсь я молодым месяцем. Утрюсь я, раб Божий пастырь, частым звездам и стану на восход лицом и на запад хребтом над сырой землею. Помолюсь я, раб Божий, самому Господу Богу Иисусу Христу, его Пресвятой Матери, святому Илье, пророку Михаилу Архангелу и всем небесным силам, и ангелу Умилу и Савилу Шихоногу, и Царю Господу. Свыше теса или тына поставь медную, вторую булатную, третью стену каменную, проведи реку огненную с востока до запада, до самой бездны, с земли до неба и до Господня престола, вышиной тридцать сажень в землю, чтобы моего возлюбленного животного христианского не видал бы зверь.

Пошли, Господи, меденицких кобелей, чтобы прогоняли диких зверей и праздности мои. Дай, Господи, Апостолам Петру и Павлу взять его ключи и одежду нетленную. Как люди человека не видя, так бы не видал бы зверь моего скота христианского. Коля крепок камень не втечет в море, не лется, не крошится — столь крепок и круг моего коровьего стада, стада живота христианского с ныне и до века. Аминь, аминь, аминь!

Да постави, истинный Христос, Царь Небесный круг моего скота тын медный, заборы булатные, чтобы моего возлюбленного животного христианского не видел бы зверь. Катится мой скот при горе — горой, при траве — травой, при камне — камнем, при лесе — пенем с ныне до века. Аминь!

Гой святым мученикам, гой святым мученикам за престольным иконам! Просим и молим: спасите коров и быков, нетелей и поднетелей, комлатых и рогатых быков кладеных, в новее месяце приведенных, бурых, красных, белых, сивых, краснопестрых, чернопестрых, белоголовых, белохребетных, красносветлых, белопухих, белых, черноухих, красных, чернобурых, светлосивых. Отцы наши вселенские чудотворцы, спасите и сохраните от бредущего медведя, от серого волка, от красной лисы, от черной соболицы!

Заговор от «оговора»

Выхожу из дверей в двери, из ворот в ворота, Во чистое поле, во чистое поле. Во чистом поле синее море, синее море. В синем море есть темный лес, темный лес. В темном лесе стоит святая церковь апостолов, Святая церковь апостолов. В этой церкви живет Пресвятая Богородица. Пресвятая Богородица дает ключи легкие, Отпирает замки тяжелые во все четыре стороны. Милым животам от притчи, от языку, от оговору, Ото всего оскорбления. Тыфу, тыфу. Аминь.

Заговор от грыжи

Мать тебя, раб Божий (имя), носила, мать тебя выносила, мать за тебя болела. А теперь мать, раба Божья (имя), грыжу черную заедает, с младенца, раба Божьего (имя), ее снимает. Грыжу черную, грыжу красную, грыжу желтую, грыжу белую, грыжу родимую. Загрызай буду грыжу любую, закусывай буду грыжу ревучую, грыжу тянучую, грыжу едучую. Все грыжи я заем, от всех заговоро раба Божьего (имя) здоровьем крепким его наделю. Чтоб не было у него никакой грыжи в новом месяце и новом году, ни в новом месте, ни на старом месте, ни сейчас и никогда. И утром, и ночью, и вечером, и днем будь спокоен, раб Божий (имя), спокоен и угомнен. Спи крепко, расти быстро. Аминь. Аминь. Аминь.

* Текст заговоров был записан учеником Гатчинской учительской семинарии Александром Киселевым в 1897 г. в д. Новинка (р. Паша).

ТРАДИЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА
ВЕПСОВ

Группа крестьян.
Деревня Кукас.
1926 г.

Вепсы, они же «чухари», «кайваны», «олончане», «карелы-озадчане», — коренное прибалтийско-финское население Тихвинского края. В настоящее время этот народ, помимо Карелии и Вологодской области, проживает в Бокситогорском, Лодейнопольском, Тихвинском и Подпорожском районах Ленинградской области. Первые статистические сведения о вепсской народности на территории современной Ленинградской области относятся к 1826 и 1829 гг. Они были собраны академиком А. И. Шегреном. В Пелушском, Койгушском, Ярославском и Сотском погостах в то время проживало 4323 вепса (2113 мужчин и 2210 женщин).

Первые точные сведения о местах проживания и количестве вепсского населения появились после Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Общее количество вепсов ко времени переписи составляло 25 600 человек. В официальной статистике до 1920-х гг. для обозначения всего населения, говорящего на диалектах вепсского языка, использовался термин «чудь». В 1926 г. после Всесоюзной переписи населения за данной этнической общностью был закреплён этноним «вепсы». Перепись, проведенная после революции в 1926 г., показала, что численность этой народности в стране выросла до 32 785 человек. Из них в Ленинградской области проживало 24 200 человек.

Вепсский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. В нём выделяются три диалекта: северновепсский, средневепсский и южновепсский, различающиеся в основном своей фонетикой, лексикой и в меньшей степени морфологией. Кроме этого, почти в каждой деревне имеется свой местный выговор.

Поселения.
Жилые и хозяйственные
постройки

Карта расселения вепсов.
Конец XIX в.

На стр. 156–157:

Группа детей за забавой —
в луже. Радогощинский
сельсовет. 1928 г.

На стр. 160–161:

Вид на д. Зиновий
Наволоок. 2011 г.

Поселения вепсов в XIX — начале XX в. располагались на территории двух губерний: Олонецкой и Новгородской. Западная граница расселения вепсов проходила от Сотского погоста (р. Оять) до погоста Шутеницы (оз. Русконское). Далее через Койдозеро и Кривозеро, поворачивала к оз. Печевское и шла через Каргничу, Чикозеро к Шатозеру. Вся эта местность была заселена чудью, за исключением деревень Падань (р. Шелтозерка), Савельевская и Нечаевская (р. Оять), Крестовая (Кривозеро), Подовинники (Самозеро). Смешанное русско-чудское население проживало в Озерском и Ярославском погостах. В Варбиничах, на Мульевском озере и в Каковичах население к тому времени уже почти обрусело и чудской язык помнили только пожилые женщины.

Северная граница ареала расселения находилась в Прионежье. Деревни прионежских вепсов располагались вдоль почтового тракта Вознесенье — Петрозаводск, на территории, прилегающей к юго-западному побережью Онежского озера от р. Свирь и до с. Педасельга Петрозаводского уезда Карелии (60–70 км). Самым крайним северо-западным вепским населенным пунктом считалась д. Осташова Гора. Также вепсы составляли половину населения сел Гимрека, Щелейки.

Южная граница вепских деревень проходила по Койгушскому погосту, а на северо-востоке (в северо-западном Белозерье) вепсы населяли два прихода: Куйский и Пондальский, находившиеся при проселке, соединявшем Большую Белозерскую дорогу с Архангельским трактом. В Куйский приход входили девять деревень. По данным 1865 г., численность жителей в нем составляла 617 человек. В Пондальском приходе проживало 712 человек. Современники отмечали, что все местное население между Костугами и Кямой во второй половине XIX в. разговаривало только по-чудски.

Еще одна небольшая группа вепсов (678 человек, по данным 1865 г.) проживала в Ножемском приходе. Чудские деревни располагались по течению р. Ножема (от р. Пяжелка) и до р. Суда (д. Есино).

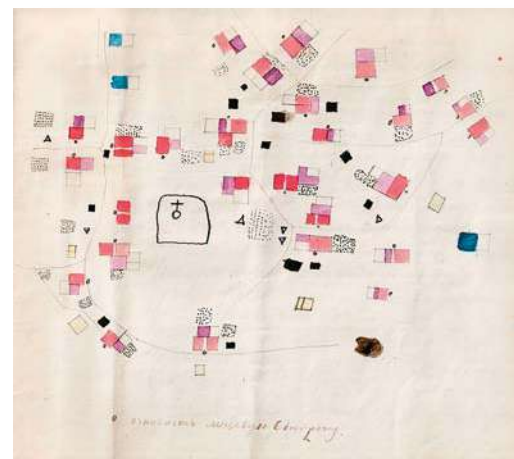

В этом приходе жители большей частью говорили на чудском языке, но знали и русский. Значительную часть территории, заселенную вепсами в Лодейнопольском и Тихвинском уезде, жители Присвирия называли «озадки». Старики говорили, что «озадки идут под Тихвино» (включая Койгушский погост). На территории Вепсского уезда вепсы проживали в Борисовщенской, Лукинской, Пелдушской и Красноборской волостях.

Традиционное жилище вепсов формировалось на протяжении многих столетий.

Черная изба с двумя трубами.
Радогощинский сельсовет.
1928 г.

Черная изба с двумя волоковыми
окнами и с одним косящатым.
Радогощинский сельсовет.
1928 г.

Его внешний облик имел много общего с постройками других прибалтийских финнов и русских, населяющих северо-запад России, что объясняется сходными географическими и природными условиями. Однако были и отличия, они проявлялись в приемах домостроительства, способе соединения жилого и хозяйственного пространств, декоре вепских построек. Эта специфика появилась вслед-

ствие того, что отдельные вепские территории длительное время развивались в определенной степени обособленно, и это позволило их жителям выработать свои местные строительные приемы.

Крестьянские жилые комплексы строились с однорядной и поперечной связью (Г-образной и Т-образной). Также у вепсов встречалось параллельное размещение хозяйственного двора по отношению к жилому дому. Когда в одной избе становилось тесно — рубили еще одну избу и пристраивали ее к сеним дома. Все постройки в деревнях ставились с учетом микрорельефа местности. До начала XX в. в вепских деревнях преобладали срубные «курные» избы с сильно выступающим двухскатным навесом остроконечной крыши над лицевым фасадом и подклетом — нижним помещением без окон. Его высота иногда доходила до двух метров. Подклет использовался для хранения различной утвари, сельскохозяйственных орудий и продуктов. Жилища состояли чаще всего из двух-трех камер с двухскатной крышей самцово-слеговой конструкции, крытой тесом, соломой (позже дранкой).

Самые старые постройки имели на фасаде одно-два окна (в начале XX в. на избах еще можно было увидеть волоковые окна), в конце XIX столетия появились избы с тремя окнами на фасаде. Высота вепских изб доходила до 30 венцов бревен. Окна располагались на высоте девятого — одиннадцатого венцов. Высота оконной коробки равнялась четырем венцам. Замков в жилище раньше не было, изнутри дверь в избу подпирали колом. От русских домов вепская изба отличалась наличием

вверху главного фасада перекладины с прикрепленными к ней деревянными крюками для вяления мяса.

Подготовка к постройке дома начиналась с выбора материала. Этому вепсы придавали большое значение, так как избы строили «на века». Заготавливать лес начинали поздней осенью либо в начале зимы. Каждый ствол специально отбирали, а на подходящих для строительства деревьях делали затесы. Веками накопленный опыт позволял крестьянам делать правильный выбор: если у дерева под ногами выступала вода и кора светлая — это «малтежный лес», его не брали, древесина рыхлая. Предпочтение отдавали «карганику» — соснам, которые росли попеременно с елями на берегах сухих болот, либо «кондовому, рудовому» боровому лесу, растущему на высоких местах и на камнях. У него сердцевина желтая, широкая, тонкий луб. Такое дерево смолистое, крепкое, тяжелое — «воды не держит». Для «куриц» искали ели с толстыми корнями, стелющимися по поверхности. Потоки для крыши старались делать в лесу (чтобы было легче везти), для их изготовления выбирали прямую осину. Срубленное дерево обтесывали с трех сторон, а с четвертой стороны выдалбливали теслом лоток.

С заготовкой древесины было связано много примет. Так, строго-настрого запрещалось рубить очень старые деревья, которые должны были умереть своей смертью. Запрет распространялся и на деревья, выросшие на старых могильниках, в священных рощах. Непригодными для построек считались деревья, на которых ворон свил гнездо. Крестьяне считали, что в такой дом может ударить молния.

Для строительства бревна не пилили, а перерубали (в такое бревно вода с торца не идет). Рубили лес обязательно в феврале, так как считали, что в это время дерево спит и вся лишняя вода из него ушла. На один большой сруб требовалось до 175 бревен. Для того чтобы их перевезти к месту строительства, обычно устраивали «толоку». Бревна вывозили при помощи лошадей, запряженных в дровни с подсанками. Привезенный строительный материал складировали вблизи того места,

где предполагалось возводить постройку. Окашивали бревна во время Великого поста, при весеннем солнце, кора в это время года отставала легко и большими пластами.

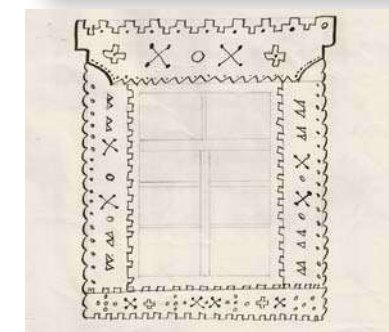
Лучшим временем для постройки жилища считали осень: больше свободного времени, дешевле нанять работников. Если избу ставили на своей земле, то не спрашивали согласия у соседей, а если на новом месте, то участок под строительство определялся всеми односельчанами. Так как бревна должны были обязательно «выстояться» в срубе, рубить избу начинали не на том месте, которое ей было отведено общиной, а где-то поблизости. Начали рубить сразу два сруба — подполье и дом. В некоторых деревнях сруб делали по частям, в пять-шесть венцов каждая. Для того чтобы было легче и быстрее собрать его в деревне, бревна метили специальными знаками. Метки ставили на всех стенах сруба. Все бревна на первый венец брали одинаковой длины (чтобы сделать

прямые углы). Делая сруб, бревна чередовали (вершина — комель).

Перед установкой сруба на постоянном месте выравнивали землю, укладывали под углы и пересечения стен большие валуны, остальное пространство между срубом и грунтом либо оставляли открытым, либо закладывали камнями меньших размеров. Для большей сохранности строения между бревнами и камнями прокладывали бересту. Иногда избу ставили на «патцы» — массивные деревянные столбы из рудовой сосны. В старые времена пол в избе настилали из цельных бревен, расколотых или распиленных пополам. Если бревна были колотые, после настила стесывали неровности.

Позже появились двойные полы и полы из досок. У двухслойных полов «черный» пол представлял собой накат из кругляка, поверх него укладывали доски. Пол настилали перпендикулярно фасаду. В начале XX в. у вепсов еще применялся архаичный способ настила потолка — бревенчатый

Улица в д. Пелдуши. 1902 г.

Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г.

Страницы из рукописи

А. А. Киселева

«Описание жизни чухарей».

1906 г.

Окоренное (коренное, ошкуренное) бревно — это стеновой материал для сруба с минимальным вмешательством в структуру древесины. При корении кора снимается вместе с подкорком (луб).

Общий вид группы черных изб. Радогощинский сельсовет. 1928 г.

Дом с двором. На фронте избы вялится мясо. 1920-е гг.

накат, опорой которому служил сруб. Бревна плотно пригонялись друг к другу, а пазы между ними промазывались глиной; затем поверх бревен насыпалась земля и песок. Опорой для другого варианта потолка в вепских домах, досчатого, служила горизонтальная поперечная балка — «матица» (в вепских избах матица располагалась вдоль избы, а не параллельно фасадной стене, как это было в русских избах). Поверх потолка из досок также насыпали землю или песок для того, чтобы в избу не попадала вода.

Обычно на строительство дома приглашали человек по восемь на день. Два-три воскресенья работы, и сруб был готов. После этого привозили мох и начинали мшить, с этой работой справлялись

четыре — шесть человек за день. В завершение строительства нанимали трех-четырёх работников тесать доски на крышу. Если семья строила дом сама, то первые шесть венцов и пол укладывал хозяин, потом звал других — поднять избу. Собравшихся односельчан хозяин перед работой кормил обедом, а иногда угощал пивом, специально сваренным для этого случая. После этого работники начинали строительство, а хозяин только указывал, какое бревно взять и куда положить. Верхние бревна стен и потолка поднимали на веревках.

Когда начинали укладывать первое бревно на потолок, обязательно звали хозяина. Он приносил горячие пироги с толокном, вино и, помолвившись Богу,

Хмельник на огороде крестьянской усадьбы. Деревня Боброзери. 1928 г.

Амбар на подставках.
Радогощинский сельсовет.
1928 г.

Старинный амбар
в д. Средняя.
2011 г.

раздавал их строителям. Все садились есть, а хозяин, откусив немного от пирога, остальное укладывал под матицу и поливал вином. По убеждению крестьян, эти действия способствовали тому, чтобы в новой избе было «богаче жить и веселее». Крышу обычно поднимал сам хозяин либо нанимал посторонних.

«Обмастерить» избу зажиточные крестьяне всегда приглашали плотников. Они прорубали окна, делали двери. Чтобы окно не гнило, под подоконную доску клали бересту, а по бокам — перья. Всю стену, кроме бревен под лавками и верхней части у потолка, стесывали. Для того чтобы древесина легче отходила, делали зарубки по всем бревнам, а потом уже тесали специальным топором с изогнутой рукоятью. Углы обтесывали при помощи тесла в круглый угол. После этого устанавливали «полки», укрепляя их при помощи деревянных гвоздей. В завершение всей внутренней работы делали «ошесток» — ящик у печи.

Избы состоятельных крестьян украшал декор. Резьбой были покрыты доски — «косицы» по краям свесов крыш, ограды балкончиков, наличники «красных» и слуховых окон, водосточные желоба, выступающие верхние бревна боковых стен. Концы куриц вырезались в виде птичьих и конских голов. Мастера-резчики умело сочетали выемчатую, контурную и накладную фигурную резьбу. Ее делали по сырому материалу («пока сок в дереве жив»). Наи-

более богато орнаментировался верхний карниз окна. Часто он состоял из досок, уложенных в несколько рядов.

Особую выразительность старинным вепским постройкам придавали разнообразные наружные высокие крыльца с лестницами. Они были установлены на массивные столбы. Край площадки крыльца поддерживался либо одним столбом в центре, либо двумя столбами, поставленными под внешние углы крыльца. Такие крыльца были как открытые, так и закрытые (защитные тесом). Они имели один-два спуска. Свесы крыши — односкатные и двухскатные. Часто крыльца так же, как и изба, украшались резными досками — «причелинами», «полотенцами». Крышу поддерживали резные столбы-опоры. Другим видом крыльца, встречающимся в вепских деревнях, является «приступок» — площадка из досок перед входом в дом с навесом и перилами (нижнее крыльцо). Такие крыльца получили широкое распространение в XX в.

В первой четверти XX в. в вепских краях стали появляться одноэтажные избы — «пятистенки» со светелкой и карнизом в виде полукруглой арки, иногда с пристроенным к светелке балкончиком, украшенным высокими резными перилами и столбиками, а также «двужилые» дома с «гандарейками». Моду на них принесли вологодские и костромские плотники, работающие по найму в вепских деревнях.

Новомодные постройки покрывали тесовыми крышами; торцы бревен и стены дома зашивали досками (пиленным тесом).

Весь ход строительства в вепских деревнях и въезд в новый дом был окружен обрядами и приметами. Так, строительные работы обычно начинали во вторник либо в четверг и всегда во время новолуния. Если дом строили за пределами деревенской изгороди, то предварительно хозяину требовалось заключить «договор» с лесом, попросить его, чтобы он потеснился и не распространял свою власть на вновь освоенный участок. Чтобы не привлекать нечистую силу в строящийся дом, запрещалось во время рубки сруба говорить дурные слова. Нельзя было втыкать топор в бревно — ранить дерево. В качестве оберега под первый венец дома (под углы) укладывали шиповник либо медные монеты. Постройку старались поставить так, чтобы в окна было видно восходящее солнце. «Дом — как собор — на восток (ставь) передом!» — говорили вепсы. Когда начинали рубить избу, смотрели, как упадет первая щепка; если хребтом кверху, то жить в ней будут богато. Счастливым считался тот дом, на котором ласточки вили гнезда.

Благополучие нового дома во многом зависело от того, кто и как его строил. Если хозяева были не скупыми, не обижали мастеровых, то дом получался крепким. А если работников принимали плохо, то они мстили. В старину говорили: «Плотников обидишь — в дом кикимору наведут, привезут с болота вместе со мхом; станет нечистая поленьями кидаться, спящих щекотать, на баб сухоту наводить, на мужиков — задумчивость». В отместку хозяину могли между бревен положить камень либо еловую шишку — такой дом зимой не протопишь, всегда холод будет в избу идти. Могли и в стену красного угла бутылочное горлышко вставить; как ветер подует — в избе вой и лампада гаснет. Хорошо если хозяин с хозяйкой догадывались, в чем причина, шли к мастерам, платили деньги, и плотники исправляли «оплошность».

В конце XIX — начале XX в. большинство вепских крестьян жили бедно. В деревнях

преобладали небольшие избы, топившиеся по-черному. Обстановка вепского жилища зависела в первую очередь от того, где находилась печь. В домах, построенных в XIX — первой четверти XX в., местом расположения печи был правый или левый угол избы, расположенный рядом с входной дверью. Устьем печь ориентировалась на боковую стену, реже на фасадную стену. По диагонали к печи (в противоположном углу) находился «красный угол» — там висел киот или как говорили вепсы «божница».

Тепло и уют в доме во многом зависели от качества и состояния печи. Поэтому ее изготовлению крестьяне уделяли много внимания. Процесс изготовления печи начинался с копания и подвоза глины. Обычно хозяева организовывали «толоку» — приглашали на помощь односельчан носить глину. Они же помогали бить печь. За что хозяйка должна была угощать их горячими пирогами, «чтобы печка не сердилась». Позже, когда крестьяне стали использовать кирпич для изготовления печей и делать их по-белому, процесс работы стал более длительным и сложным. Помимо организации «помочи», хозяевам приходилось приглашать профессиональных печников. В богатых домах кроме

Часовня в д. Шигола.
1920-е гг.

Женщина у печи.
Деревня Нюрговичи.
1920-е гг.

печи делали еще отдельные лежанки с топкой внутри. Обычно они были длиной в рост невысокого человека, в головах лежанки устраивалась «подушка» из глины. Печника во время работы нужно было угощать, обычно хозяева ставили ему сорочку вина. Тогда и работа шла быстро, и печь хорошая получалась. А скупому хозяину мастер делал так, что печь во время топки все время дымила.

С огнем и печью у вепсов было связано много примет. По огню очага (углям, поленьям) предсказывали погоду и различные события в жизни семьи. Так, считали, если «жарник» жжет — будет мороз, а если же из печки вылетел уголь, если упало полено, приготовленное для топки, или хлебное тесто перед сажанием в печь, то непременно гость в доме будет. А для того чтобы в доме всегда было благополучие и достаток, в дни Рождества, первого выгона скотины в поле и в первый день сева хозяева никогда не давали огонь из своей печи соседям.

Вепсская изба всегда была обращена к общественному пространству — улице,

центру композиции поселения. Многовековой опыт народа по строительству в специфических местных условиях — малопрозрачном воздухе, большом количестве пасмурных дней — выработал свой способ расстановки построек, при котором особое внимание отводилось солнечному освещению. Дома строились с учетом оптимальной инсоляции — фасад избы ориентировался на восток, юг или запад («по ходу солнца»). Это давало возможность получить больше естественного света, обеспечивало сохранение тепла в доме и защиту построек от зимних ветров. На северных, северо-восточных и восточных берегах при наличии рядом с домом водоема жилище ориентировалось на водоем и на юго-запад одновременно (ориентация на воду, отражающую солнечные лучи, создавала дополнительное освещение в избах). Жилые постройки ставили продольной осью перпендикулярно направлению господствующих ветров. Причем старались делать так, чтобы жилая часть каждого последующего дома находилась в ветровой тени предыдущего,

что обеспечивало сохранение тепла в помещениях и защиту входов от снежных заносов.

Этническая специфика домостроительства вепсов проявилась и в сооружении хозяйственных строений. Прямо к сеним вепской избы примыкал двор с сараем для хранения сена и соломы. Теплые хлева пристраивали позади или сбоку двора; либо ставили внутри — под сенником. На верхнем этаже сарая также хранили утварь больших размеров, сельскохозяйственные орудия, а на нижнем ставили дровни, сани. В старые времена весь этот комплекс назывался русским словом «хоромы». Строили эти постройки из крупного леса, пол на втором этаже настилали из бревен. На второй этаж делали специальный «съезд» в виде настила из плах либо жердей, установленного на два толстых наклонных бревна. Одними концами бревна упирались в землю, а другими прилаживались к верхнему этажу.

Остальные вепские постройки хозяйственного назначения располагались отдельно от жилища. Ближе всех к дому находились амбары. Их строили в один или в два этажа. Материалом для этих сооружений служила древесина ели. Маленькие амбары, в которых хранили самое ценное имущество, ставили прямо напротив окон избы. Они представляли собой рубленые четырехстенки с крышей самцовой конструкции. В амбарах, предназначенных для хранения зерна, вдоль боковых стен постройки ставили сусеки. В старые времена амбары, в которых хранили различные припасы, поднимали над поверхностью земли, под углы сруба ставили деревянные столбы — «чтобы мышь не попала». Также у вепсов были и специальные амбары «на воде»; их ставили у края озера и использовали для хранения соленых, ягод и пр.

Бани в вепских деревнях строили поближе к источникам воды: на берегу озера, реки, у колодца. Они были небольшого размера, с предбанником и без него. Площадь самых маленьких построек составляла три шага в ширину и пять-шесть в длину. Пол укладывали на четырех столбах (во время мытья на него стелили

Русская печь
в вепской избе в д. Лаврово.
2011 г.

солому). В самом начале XX в. в банях еще встречались земляные полы. Освещалось помещение при помощи маленького оконца. В старые времена воду нагревали раскаленными камнями — щипцами их опускали в кадки. Позже котлы либо подвешивали над очагом на крюке, либо помещали в печь-каменку. Каменка не имела трубы, и дым во время ее топки выходил в помещение бани, а затем наружу через специальное отверстие, сделанное в стене либо в потолке, — «дымоволок». После окончания топки отверстие задвигалось

Дом с двором в д. Прокушево.
2013 г.

Дом в д. Саньков Бор.
2010 г.

Дом постройки XIX в.
в д. Вонозеро.
2011 г.

волоковой досочкой. Для удобства мытья в бане устанавливали деревянные лавки и лежанки. Но иногда мылись, сидя на деревянном настиле пола.

Дальше всех от жилища располагались «опасные» постройки — гумно с ригой. Они были соединены вместе и рубились из «криволеся», причем на гумне потолок не делали. Как правило, одно сооружение приходилось на две-три семьи. На гумне молотили, а в риге — сушили зерно. Свет в гумно попадал через небольшое оконце, прорубленное в стене, а рига часто вообще не имела окон и освещалась лишь пламенем, горящим в печи. Во второй половине XX в. эти постройки уже редко можно было встретить в вепских деревнях, так как они за ненадобностью были разобраны либо перестроены. В самых дальних населенных пунктах, в которых крестьяне продолжали выращивать рожь, пшеницу, ячмень и овес, зерно сушили в банях, где были сделаны необходимые приспособления для сушки.

Сооружения, предназначенные для хранения семенного картофеля, раньше располагались на высоких песчаных местах,

находившихся недалеко от дома — в краях, на берегах рек. Они представляли собой глубокие ямы; стены ямы обшивались досками, дно выстилалось соломой. Над ямой ставили «козлы» и укладывали жерди в виде крыши, а затем их присыпали землей. Иногда над ямами ставили невысокие бревенчатые срубы с крышами. Чтобы картофель не замерз, сверху его покрывали соломой и укладывали старые одеяла и половики.

Традиционные постройки у вепсов сохранялись очень долго. Причиной этого была «архаичность» их быта и культуры — приверженность к старине, а также бедность большей части населения, которое не могло позволить себе расходы на приобретение нового участка и покупку древесины в частновладельческих и казенных лесах. Своего строевого леса в крестьянских наделах практически не было.

Гумно — огороженный участок земли в крестьянском хозяйстве, предназначенный для хранения, молотбы, веяния и другой обработки зерна. На гумне может стоять деревянное сооружение, называемое рига или овин.

Семья.
Крестьянское
общество

Основной составляющей крестьянского общества была семья. Несмотря на то что влияние города и работа на отхожих промыслах принесли в вепскую деревню многие пороки, негативно сказавшиеся на нравственности населения, традиционные устои довольно долго сохранялись в крестьянской среде. В конце XIX в. семьи из 30 и более человек были не редкостью. Во главе семьи стоял старший в доме мужчина — дед либо дядя. Женщина в семье не имела никаких прав. Ей запрещалось осуществлять торговые сделки, а на исполнение всякого другого дела она должна была получить разрешение от хозяина дома или от мужа. Согласно традиции по смерти отца дом передавался младшему сыну. Если же умирал муж, а детей у женщины не было, то жена не считалась наследницей, она не получала ничего из вещей. Даже ее приданое, привезенное в дом мужа, оставалось в семье.

Ситуацию с нравственностью у чухарей в то время хорошо описал исследователь вепсов, профессор московского университета А. И. Колмогоров: «Ей (нравственности) как будто нет места в этой тяжелой, беспросветной жизни. Огромный процент незаконнорожденных детей — “богдановичей” — показывает, что девицы не особенно “наблюдают за собой”. Но это никого не удивляет, и женихи не думают избегать такую девушку, так как брак у чухаря — коммерческая сделка. Одному необходимо приобрести лишнего работника, другому сбыть с рук лишний рот. Личное чувство редко бывает причиной брака. Супружеская верность также не особенно высока. Грешат одинаково и мужчины и женщины. У многих женщин кроме мужа был еще и “дружок” из молодых парней, который жил на ее средства»¹.

Несмотря на бедность, в которой жило почти все чухарское население в конце XIX в., в общественной жизни сохранялось древнее гостеприимство и понятие о неприкосновенности чужой собственности, о взаимопомощи. В этих краях можно было встретить деревни, в которых люди

не имели понятия о замках. Если во время пути что-либо из вещей терялось, никто не переживал, так как знали, что на обратной дороге они смогут подобрать эту вещь. Если обнаруживалось, что кто-то совершил кражу, то этого человека подвергали публичному осуждению: вору связывали руки сзади и водили по деревням. Наряду с этим кража у богатого человека признавалась допустимым действием, а если украденное отдавалось бедным, то это вообще было «спасение», а не грех. Когда кто-то из односельчан топил баню, то приглашал в нее мыться всех желающих. В общении с посторонними даже в своем селении вепсы были довольно замкнуты. А если незнакомец встречался на лесной дороге, то этой встречи старались избежать любым путем — спрятаться в лесу или залезть на дерево. При встрече с жителями своей деревни не здоровались. Изредка, завидев односельчанина, с ним раскланивались. С жителями других деревень мужчины всегда здоровались за руку; при встрече где-либо с родней женщины целовались.

Взаимоотношения между мальчиками и девочками начинались с 11–12 лет. В этом возрасте подростки уже начинали устраивать для себя детские беседы. Девочки ходили на них с прялками или с рукодельем, мальчики — с гармониями. На беседах подростки ухаживали за своими избранницами. Они садились к ним на колени, обнимали девочек и целовали. Ухаживания в более взрослом возрасте происходили более открыто — на гуляньях, на общих беседах. Вместо слова «ухаживать» в деревне были приняты выражения «караводиться», «гулять». Привлечь внимание парня старались нарядами и деревенской косметикой. Большой популярностью у девушек пользовались румяна, приготовленные из корня растения «кокотус», растущего на сухих пожнях. Его жевали, а потом опускали в воду и давали настояться. Полученным красным настоем с мылом натирали лицо.

Если парни не обращали на девушку внимания, то считалось, что она не обладает «славутиостью». В это понятие народ вкладывал широкий круг представлений

Группа крестьян у дороги. Деревня Вонозеро. 1902 г.

о счастье, физической и духовной красоте, девичьей чести, достоинстве, привлекательности. Потеря славутиости могла произойти из-за того, что девушка нарушала правила поведения. Так, незамужней нельзя было давать примерять свою одежду, нельзя было позволять кому-либо снимать с рук рукавицы или кольца. Восстановить привлекательность можно было только с помощью магических действий. За помощью девушки обращались к деревенским колдуньям, которые совершали специальный обряд.

В некоторых вепских деревнях сохранялись традиции канунов — общественных трапез-пиров, посвященных особо чтимым святым или праздникам. Готовились они вскладчину, всем миром. Вместе варили пиво и готовили кушанья для пиршества. Празднование канунов было установлено с давних времен в память различных событий: мора, падежа скота, крупных пожаров, града и т. п.

Все общие деревенские дела односельчане обсуждали на деревенских сходках. На них выбирали рекрутов, раскладывали налоги на содержание церковного сторожа и школы, распределяли обязанности

по участию в общественных работах (доставка дров для церкви, ремонт дорог, починка моста, изготовление и починка изгородей и т. п.). На сходках решали, кому, сколько и где будет отведено пахотной земли и сенокосов. Землю и пожни делили по едокам. Если в семье 10 человек, то отмеряли 10 аршин земли и т. д. На этих же собраниях по приговору общества назначали опекунов из числа ближайших родственников к малолетним детям, оставшимся без кормильца.

Самой тяжелой в деревне была жизнь вдов. На их плечи ложилась забота о детях, доме и хозяйстве: уход за скотом, полевые работы, сенокос, заготовка дров и пр. А если в доме не было ни коровы, ни лошади, то женщинам-вдовам приходилось наниматься «за хлеб» на сезонные работы к зажиточным крестьянам: косить сено, собирать урожай, обмолачивать зерновые. Если у вдов были дети-подростки, то они помогали матерям. Так и жили. Когда хлеб заканчивался, вновь искали заработок — брали на дом различные работы: пряли лен, ткали, шили одежду. Маленькие дети помогали матери тем, что ходили просить милостыню.

Пóжня — поле, на котором сжат хлеб.

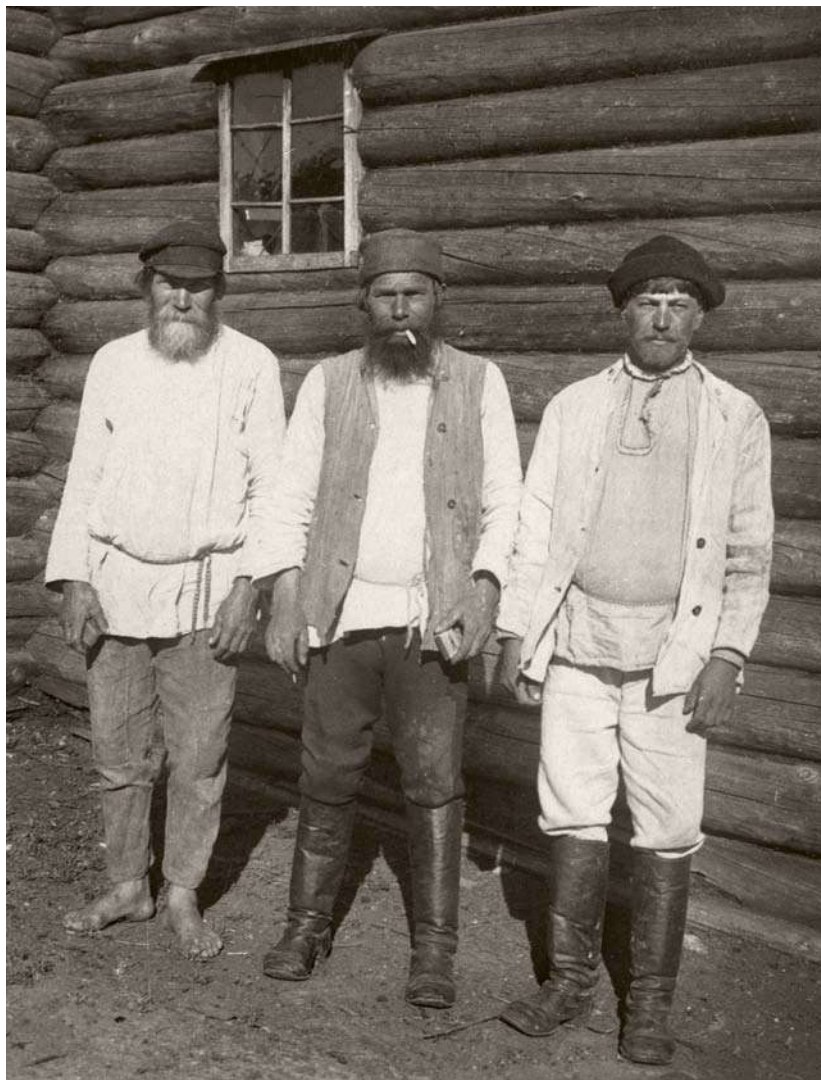
На стр. 174–175:

Крестьяне и священник у церкви в д. Корвала. 1920-е гг.

¹ Колмогоров А. М. Поездка по Чухарии (предварительное сообщение) / Землеведение. Т. XII. Кн. III–IV. М., 1905. С. 6.

Молодые женщины в праздничных костюмах. Радогощинский сельсовет. 1928 г.

Три крестьянина в рабочих костюмах. Деревня Казыченская. 1927 г.

Выбор рекрутов проходил по жребию. В сентябре в волостном правлении вывешивали список парней, подлежащих воинской повинности, с обозначением срока, когда нужно было явиться в город «тянуть жребий». Вытянувший жребий парень напивался и лихо, с песнями, возвращался домой, где его со слезами и причитаниями встречали мать и сестры. До отправки в армию рекрут вел разгульную жизнь, не выполнял никакой работы, а только ездил по гостям — прощался. В это время родные снаряжали его в дорогу — шили белье и одежду. Дома и в гостях рекрута старались всячески ублажать: угощали самыми хорошими кушаньями, давали деньги на спиртное. В доме у рекрута по вечерам собирались беседы.

В день отправки на службу, с утра, в избу рекрута собирался народ со всей деревни. Парни и девушки усаживались вместе с ним за стол, и он угощал всех вином и прощался со всеми. Если у парня была девушка, то он, прощаясь с ней, просил его дождаться. Родственники дарили рекруту на дорогу деньги. Выходя из дома, родители парня и родственницы плакали в голос. А рекрут, чтобы заглушить тоску, громко пел и играл на гармонии. На призывной пункт он ехал в сопровождении родителей или родственников.

Все трудоемкие работы — заготовка бревен в лесу, постройка дома, изготовление кирпичей, вывоз навоза на поля и пр. — крестьяне старались делать сообща. Помощь соседей называлась «толока». Обычно ее устраивали зажиточные крестьяне. Совместные работы проводили в воскресенье. Для работы в поле приглашали девушек, человек 10 на день. Утром хозяин кормил их завтраком, а потом работницы шли в поле. Жали до трех-четырех часов. Затем хозяин кормил их обедом, после чего опять жали до темноты (до тех пор, пока серп видно). После окончания работы ужинали, и заказчик работ расплачивался с работниками — кому давал гривенник, кому ситцевый платок. Коллективная помощь односельчанам была распространена повсеместно. Она являлась частью неписаных правил существования сельской крестьянской общины.

Крестьянские дети. Деревня Пелдуши (Печевицы). 1902 г.

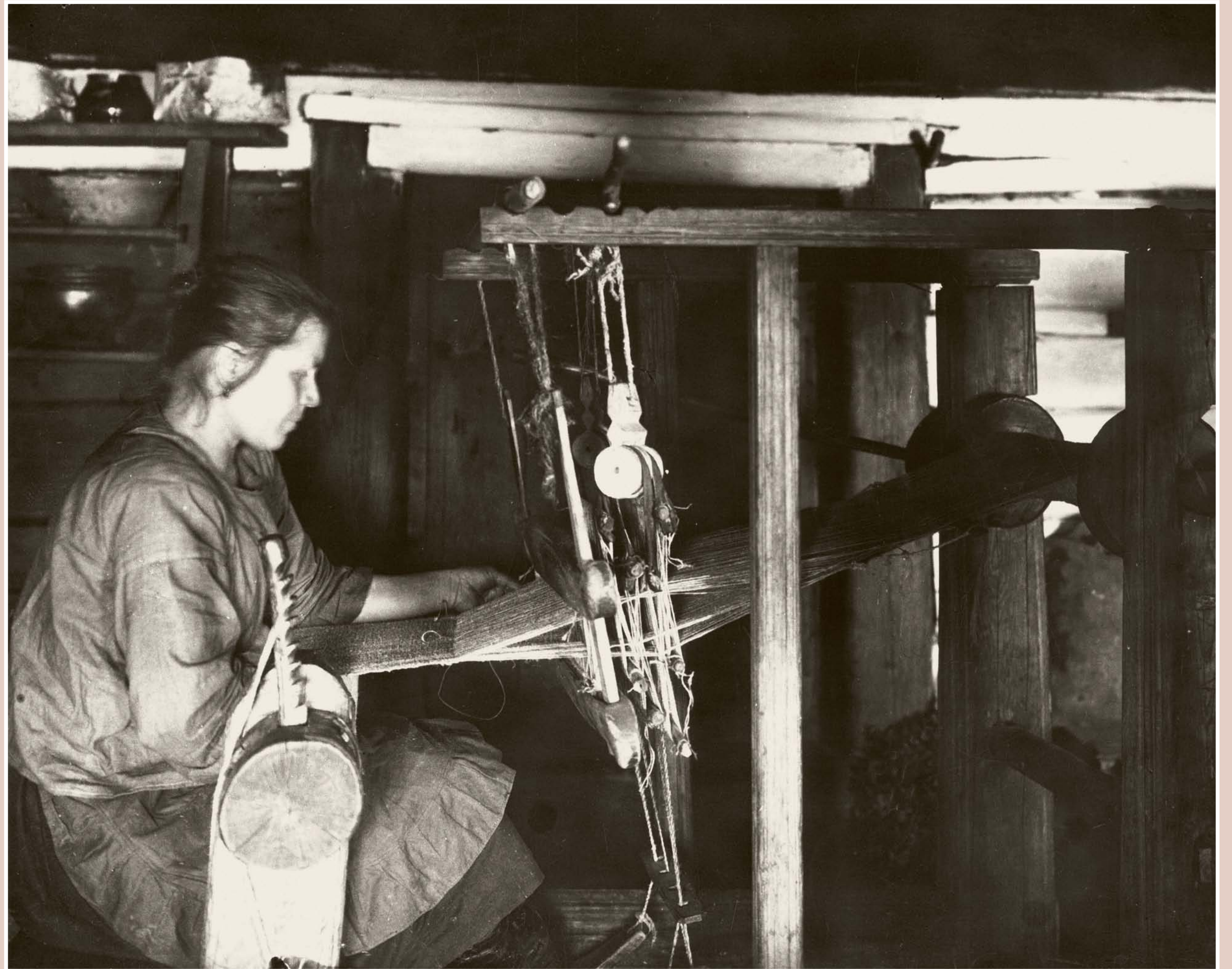

Группа детей на изгороди. Деревня Боброзеро. 1928 г.

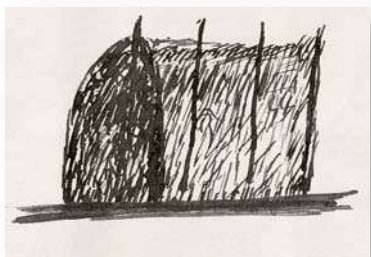
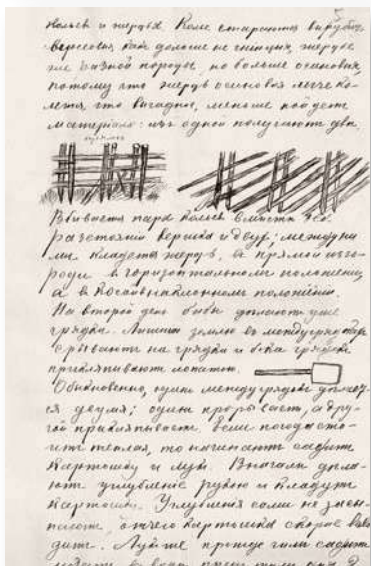
Мальчик-пастух играет на берестяном рожке. Деревня Пелдуши (Печевицы). 1902 г.

Основные
и подсобные
занятия населения,
промыслы
и ремесла

На стр. 180–181:

Женщина за ткацким станом.
Деревня Ньюговичи. 1920-е гг.

Страницы из рукописи
А. А. Киселева
«Описание жизни чухарей».
1906 г.

В районах, заселенных вепсами, до 1940-х гг. преобладало подсечно-огневое земледелие, так как трехполье в этих краях давало низкий урожай. При коротком лете, примитивности сельскохозяйственных орудий труда и бедности населения это был самый рентабельный способ ведения хозяйства. С первой подсеки на жирных почвах снимали четыре урожая (два — ржи, два — овса), а на худых почвах — два (рожь и овес). После этого ниву бросали. На том же месте подсеку возобновляли через 15–20 лет.

На одну тягловую душу в Тихвинском уезде приходилось в среднем от трех до пяти десятин земли. За каждую десятину земли в начале XX в. крестьяне платили подать от 60 до 74 копеек. Пашни в вепских краях из-за сильно пересеченной местности и обилия каменистых почв не составляли сплошной площади, а были разбросаны по отдельным полянам между озерами и болотами. Часто пашни располагались за десятки верст от деревни. Тогда семьям на время обработки своих угодий приходилось уезжать из дома и неделями жить в шалашах и землянках.

Подготовка подсеки требовала огромных физических усилий: вырубка косарями мелкого леса, рубка более крупных деревьев, обрубание сучьев, сжигание леса, уборка подгоревшего леса, обработка земли, сев, установка изгороди. Деревья вырубали топорами, а кустарник — большими металлическими ножами, «косарями», на аршин от земли, чтобы его было видно при вспашке. Жгли лес на следующий год или сразу, как только он слегка подсохнет.

Залогом будущего урожая той или иной культуры служило правильно выбранное место, на котором растения будут хорошо развиваться и вовремя созреют. Наиболее благоприятными считались пологие склоны холмов, поросшие мелким лесом и обращенные к солнцу. Почва должна быть не кислой (на ней не должны произрастать болотные растения), предпочтение отдавалось тем участкам, где рос ландыш.

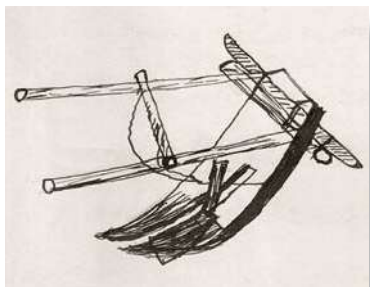
Сельскохозяйственный инвентарь для обработки полей в XIX–XX вв. состоял из архаичных деревянных орудий: березовой

сохи и еловой бороны. Бороны из тонких стволов ели и легкая соха при всей простоте конструкции были пригодны для работы на любых почвах и особенно незаменимы на подсеках. Пахота на участках с выжженным лесом требовала особого умения в работе, постоянно нужно было следить, чтобы соха не ударились о камень, корни — как только соха «чиркнет», ее приподнимали. Перед началом обработки земли бороны обычно вымачивали в озере или реке.

Посев яровых культур начинался с засева подсека. Их начинали готовить к обработке, как только сходил снег. Если весна была ранняя и теплая, то сев холодостойких культур (овса, репы) обычно уже заканчивали к Николе вешнему (22 мая), а если поздняя и холодная, то вся посевная начиналась после этого дня. Ячмень, рожь, овес сеяли вручную из решета или из балахона (сыпали зерно в полу балахона, а его край брали в зубы; затем горстями разбрасывали семена на полосы). Семена репы, льна предварительно смешивали с землей (песком) и разбрасывали при помощи ложки; известен был вепсам и старинный способ сева репы — семена выдували изо рта. Чтобы всходы были ровнее, на поле ставили вежи; обычно «вежарями» были дети.

В бедных хозяйствах, где всегда был недостаток семян, сеяли «новыми» семенами (семенами прошлогоднего урожая), а в зажиточных хозяйствах — старыми, у них была более высокая всхожесть и урожайность. Для того чтобы сохранить урожай овса от птиц, на полях ставили пугала. Также крестьяне принимали меры и для сохранения посадок бобовых культур от любителей полакомиться ими в свежем виде. Обычно горох и бобы сеяли узкими полосами между зерновыми культурами таким образом, чтобы с края поля их было не видно.

Озимые поля засевали рожью после Маковей (14 августа). Севу предшествовала тщательная обработка земли. Поле вспахивали и оставляли на некоторое время. Как только вспаханное поле начинало зеленеть, его бороновали, а спустя некоторое время вновь вспахивали сохой.

Полевая соха.
Страница из рукописи
А. А. Киселева
«Описание жизни чухарей».
1906 г.

Вспашка пашни
на палу полевой сохой.
Деревня Каргиничи.
1926 г.

Одновременно с посадкой озимых шла уборка урожая. Для сушки снопов, сжатых в дождь, из кольев и жердей делали специальные приспособления «зароды», напоминающие изгородь. Уборку всех зерновых старались закончить до 29 сентября.

Сбор урожая, так же как и сев, был окружен различными обрядовыми действиями. Когда последний сжатый сноп укладывали в пожинальную бабку, произносили слова: «Весь хлеб с полосы Ивана, Тимофея [и т. д.] пусть переходит ко мне». Затем «бабку» торжественно приносили в избу и ставили в угол под иконы, а потом всей семьей вкушали обрядовую пищу — яичницу. Пожинальная бабка стояла в избе до Покрова дня. На Покров, утром кто-либо из хозяев надевал шубу и рукавицы и шел в хлев, где скормливал снопы скотине. Это делалось для того, чтобы на следующий год хлеба выросло больше и скот не испытывал недостатка в корме.

Все имеющиеся в распоряжении крестьян пожни были распределены между семьями, которые владели ими «вечно». Общинное сено косили в полях сообща; потом его делили копнами по жребью. В качестве фишек использовали цветы. Их срывали по числу домохозяев. Жеребьевка

проходила следующим образом: цветки перемешивали и раскладывали в цепочку. Если цветок (определяющий дом) лежал третьим по счету, то хозяин получал третью копну, и т. д.

Сено, заготовленное на болотах, скормливали коровам, а луговое — лошадям.

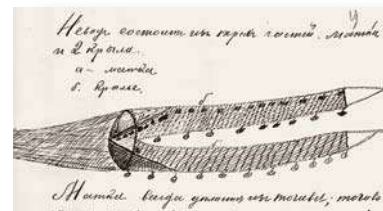
Приусадебным огородничеством вепсы начали заниматься поздно. До этого корнеплоды выращивали в полях вместе со злаковыми культурами. В начале XX в. морковь, свекла, капуста еще только появлялись на вепских огородах,

Развешивание овса на зароды
(приспособления для сушки
снопов). 1927 г.

Навес для сушки невода.
Деревня Каргиничи.
1926 г.

Страницы из рукописи
А. А. Киселева
«Описание жизни чухарей».
1906 г.

а огурец воспринимался как диковинка. Огороды были небольшие, так как для выращивания овощей требовалось внесение в почву органического удобрения — навоза, а из-за малого числа скота, содержащегося крестьянами, навоза было немного. Капусту обычно сажали рассадой, а остальные семена просто кидали в землю. Должного ухода за овощами практически не было. Из-за этого они вырастали мелкими. Садоводством вепсы вообще не занимались.

Молочному животноводству в вепских краях не позволял развиваться недостаток кормов. Крупный рогатый скот был немногочислен — в среднем одна, реже две коровы и теленок на хозяйство (коровы мелкой породы); держали их преимущественно «для навоза», так как из-за плохих условий содержания коровы давали мало молока. Молочные коровы в начале XX в. стоили очень дорого — от 40 до 60 рублей (зарплата земского учителя начальных классов составляла 20 рублей в месяц). При покупке скота крестьяне руковод-

ствовались народными приметами. Коровой, как и лошады, очень дорожили; в случае болезни животного предпринимали различные действия для его лечения.

С конца апреля и до начала октября животные находились на выпасе. Коровы паслись вместе с овцами. Для выпаса скота крестьяне нанимали пастуха. Чаще всего на эту должность приглашали людей со стороны — «профессиональных» пастухов из соседних уездов либо тех крестьян, которые не занимались земледелием, — стариков, подростков и холостых парней, отправленных родителями на заработки, сирот, детей вдов, нищих. Предпочтение отдавали тем, кто владел приемами обрядово-магических действий, направленных на сбережение стада в течение всего пастушеского периода, и умел пользоваться пастушескими музыкальными инструментами. Хорошим пастухом в деревне дорожили, однако профессия пастуха не почиталась среди молодежи. Считалось «позором стать пастухом» либо выйти замуж

за пастуха. Девушку пугали тем, что если она будет неряшлива, то ее выдадут за пастуха.

Наем в пастухи проходил на собрании всего деревенского общества; от каждого двора на сход приходил хозяин. На сходе договаривались о плате, о сроках сезона пастьбы, об основных обязанностях пастуха и крестьян-нанимателей. Кормили пастуха по очереди. Количество коров в хозяйстве определяло количество дней постоянного пастуха в домах. Пастуха кормили завтраком и ужином, а еду на день давали с собой. Приходя в новый дом, пастух переодевался в специально выделенный для него комплект одежды: брюки, рубаху, фуражку.

Каждый пастух должен был иметь рукописный «отпуск» — текст заговора, читавшийся при обходе стада в день первого выгона скота на пастбище (Егорьев день — 24 апреля). В тексте была оговорена программа обрядового поведения пастуха на протяжении всего периода пастьбы. «Отпуск» пастух получал у местного колдуна. Наиболее распространенными запретами были стрижка волос и бритье бороды, вкушение грибов и ягод. Строго-настрого

запрещалось причинять вред птицам и животным, снимать кору с деревьев. Пастух, заключивший договор с лесным хозяином, не должен был рубить ольхи. Нарушение этого запрета могло привести к гибели стада.

В день первого ритуального выгона животных на пастбище хозяйка рано утром обходила всю свою скотину. Хождение осуществлялось по солнцу; в левой руке она держала решето, в котором находилась икона св. Егория, зажженная свеча (либо огарок свечи), ветки вербы, замок с ключами, колокольчик, яйцо и хлеб с крестом, а в правой металлический предмет — лопату (ковш, кочергу). За поясом был топор. Во время обхода хозяйка приговаривала: «Господи, благослови и сохрани нашу животинушку!» После домашнего обхода животных выпускали в общее стадо. Их погоняли веткой можжевельника, заготовленной в Великий четверг, либо ветками вербы, освященными в церкви. Когда все стадо собиралось на поле, «обход» делал пастух.

Период пастьбы заканчивался в конце сентября, даже если травы (корма) было еще много. Крестьяне верили в то, что

Группа женщин,
возвращающихся из леса
с ягодами. Деревня Юбиничи.
1927 г.

вода нормальная была, чтобы не рвало лес, чтобы дело шло хорошо. После этого начинали гонку леса до места назначения. Всеми лесозаготовками распоряжались лесопромышленники. Наиболее крупные лесные владения были у помещиков Корнышевых, Цветковых и Арцыбашевых.

Лесозаготовительные работы способствовали развитию еще одного промысла,

Короб и черпак из бересты.
Первая четверть XX в.
2016 г.

связанного с переработкой древесины, — смолокурения (хвойные породы) и дегтекурения (береза). Смолье крестьяне начинали заготавливать осенью — выкапывали корни, пни, кололи их, а по первому установившемуся снегу свозили к заводам. Выкуриванием

смолы и дегтя обычно занимались весной, после окончания заготовки леса и до начала сплавных работ. Для этого использовали специальные смоляные печи (котлы с двумя печами). Выгонка одной печи проходила два-три дня. Из 20 возов корней и пней получали до 30 пудов смолы. Смола шла на продажу и использовалась для собственных нужд.

Гончарное производство в Тихвинском уезде являлось одним из старейших неземледельческих промыслов. Для изготовления посуды отводилось время, свободное от сельскохозяйственных работ. Выделкой посуды занимались в основном мужчины. Специальные гончарные мастерские с печью для обжига посуды были доступны только состоятельным крестьянам, остальные же занимались производством гончарных изделий непосредственно в курных избах. Доступность и дешевизна сырья, необходимого для производства простой глиняной посуды, способствовали развитию этого ремесла, и к XIX в. местная продукция, производимая в Приолятье, заполонила весь местный рынок, а лучшие образцы «оятской» поливной

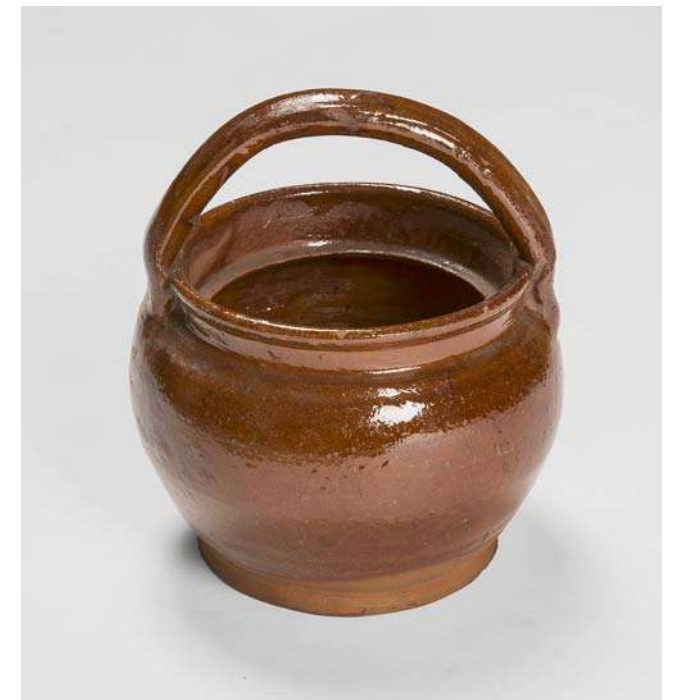
посуды вывозились для продажи в Петербург и Финляндию.

Новосельский керамический завод был построен в 1827 г. в имении помещиков Фок. Они же на протяжении всего периода его существования владели этим гончарным заведением. В первые десятилетия работы на заводе производились сахарные головы и различные предметы роскоши — изразцы для каминов, вазы, тумбы, статуэтки. Эти изделия отливали в гипсовых и алебастровых формах. Позже стали изготавливать посуду, керосиновые лампы, подсвечники, самовары, тазы, ванны, черепицу и даже садки для выведения мальков. Основными работниками были крестьяне деревень Новое Село и Кондрашево.

Материалом для изготовления керамических изделий служила красная и желтая (терракотовая), белая и синяя горшечные глины. Первые два вида глины добывали по берегам Ояты и Ащины, а вторые копали за 25–30 верст. Наиболее ценной считалась желтая глина, она залегала глубже красной и располагалась в труднодоступных местах — на крутых склонах. Лучшие ее сорта находились на р. Оять у д. Регмасово. Желтую глину добывали с 1 по 20 октября. На завод ее доставляли на лошадях.

В 1850-х гг. терракотовое производство Фока являлось единственным в России. Заводская посуда, изготовленная по изящным образцам и покрытая желтой и черной поливой, была недоступна крестьянам и пользовалась спросом только у городских потребителей среднего достатка. В городских магазинах и на ярмарках хорошо раскупались чайники, кофейники, сливочники, сухарницы, перечницы, блюда, судки, миски, сковороды, салатницы, произведенные на р. Оять (у владельцев Новосельского завода в Санкт-Петербурге был свой склад).

В 1860-х гг. на заводе стали изготавливать мелкую глиняную пластику: статуэтки в духе народничества — ямщик с дугой, лапти, корзины, голова крестьянина; жетоны в память освобождения крестьян и открытия памятника тысячелетию России. А спустя 10 лет начали производить

Утварь из глины. Оятский гончарный центр.
Первая четверть XX в.
2016 г.

Традиционная вышивка на полотенцах и подоле женской рубахи. Начало XX в. 2016 г.

вазы в древнегреческом и римском стиле, бюсты знаменитостей. За 60 лет интенсивного производства разведанные залежи первоклассной глины иссякли, и к 1890-м гг. качество терракотовой продукции ухудшилось, а со смертью Б. А. Фока завод вообще прекратил свое существование. Секрет изготовления глиняного сырья был утрачен.

В конце XIX — начале XX в. кустарный гончарный промысел на р. Оять продолжал развиваться. За 12 часов работы на быстровращающемся круге мастер мог изготовить до 80 горшков средней величины, «судовок», или 150 «полусудовок» — маленьких горшков или масленников

(на ручном гончарном круге раньше делали до 20 горшков за день). Местная посуда вывозилась на продажу в Тихвинский, Новолодожский, Шлиссельбургский уезды, Санкт-Петербург, Карелию, Вологодскую губернию и даже в Финляндию.

Женские занятия были связаны с обработкой волокнистых культур, прядением и ткачеством. Обучение девочек ткачеству также начинали с раннего возраста. К 10 годам юные мастерицы уже знали разные приемы изготовления тканей, а ко времени замужества должны были овладеть и более сложной многоремизной техникой ткачества. Работа по изготовлению ткани начиналась после того, как вся заготовленная в доме кудель была спрядена. Лучшим временем для начала работы считалось начало марта, в это время дни становились светлее и длиннее. Ткацкий стан собирали и ставили у окна, выходящего на юго-западную сторону. Дети ткали утром одни (пока мать занята), а днем вместе с ней. За зиму дочь с матерью могли выткать до 17 «стен» ткани («стена» равнялась восьми аршинам). Вязание иглой, крючком и на спицах было одним из самых доступных рукоделий. Каждая вепская крестьянка умела вязать чулки, носки, рукавицы, шарфы, прошву к полотенцу, скатерти и край к простыне. Более опытные мастерицы вязали крючком скатерти, покрывала на кровать, накидки на подушки.

Почти повсеместно на рассматриваемой территории был распространен бондарный промысел. Бондари работали преимущественно зимой. Производство изделий велось в жилой избе, а в теплое время года — во дворе. Утварь делали при помощи топора, ножа, пилы, циркуля и фуганка (струга). Материалом служили сосна и еловые ветви (они шли на обручи). Наиболее известным центром производства утвари из клепок были Шугозерье, Оштинская и Шимозерская волости. Здесь изготавливали кадки, ведра, лохани, шайки, квашни, ушаты. Деревянные изделия сбывались в соседние деревни, продавались на ярмарках в Весьегонске, Тихвине и развозились по уездам.

Береста, еловый и сосновый корень, лыко нашли самое широкое применение

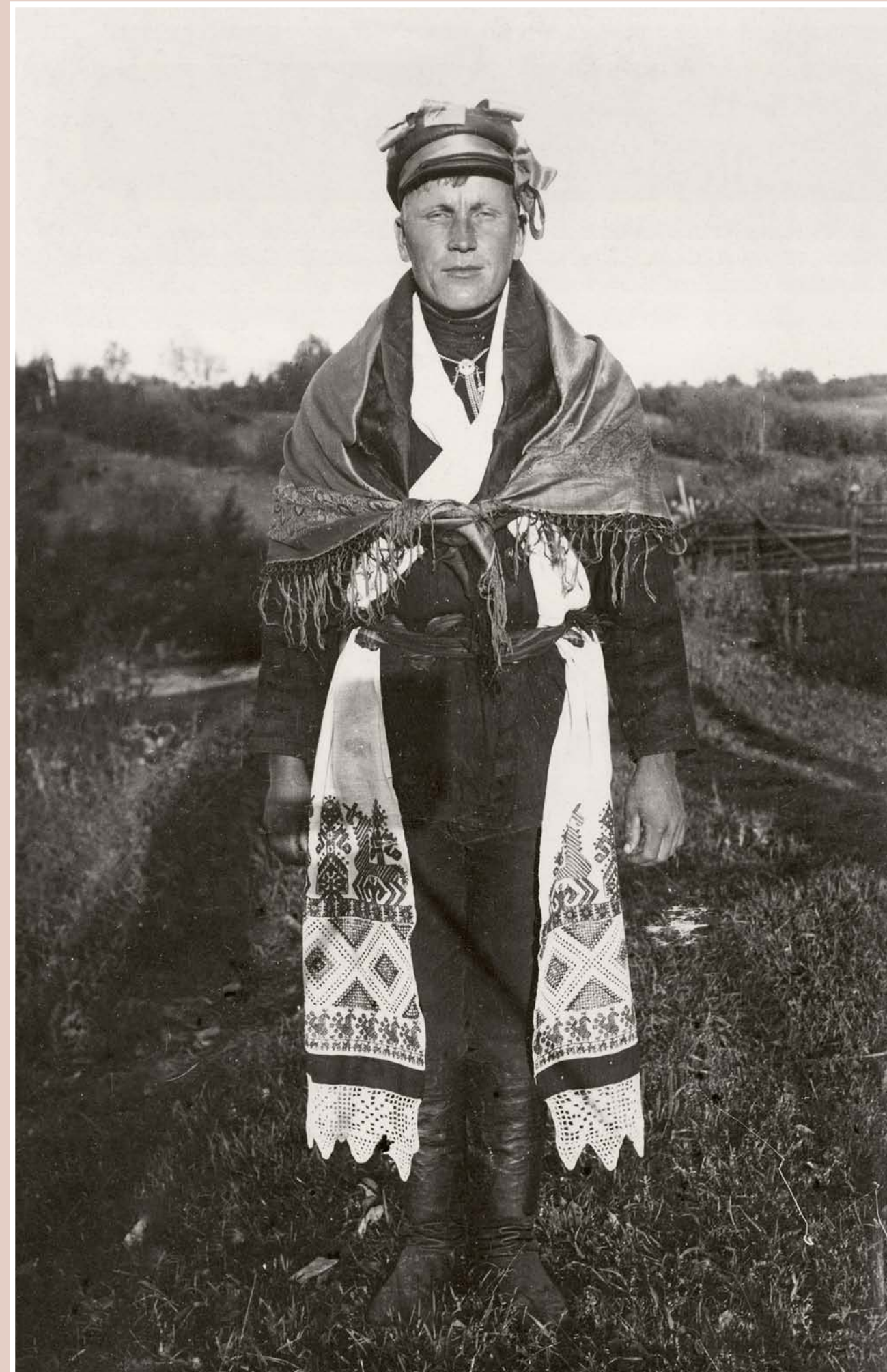
Вышивка на полотенце. Радогощинский сельсовет. 1928 г.

в вепском быту. Плетением занимались как мужчины, так и женщины. Бересту начинали заготавливать в июне. Дерево в лесу выбирали с ровным стволом, чтобы береста была крепкой, не ломалась. Бересту снимали лентой при помощи топора сверху вниз, а затем наоборот. Пучки бересты перевязывали лентой, а затем связывали в большую вязанку и несли домой. Липовое лыко на мочала также заготавливали в июне, а еловый и сосновый корень — после лесозаготовок. Лыко сворачивали черной корой внутрь, чтобы не ломалось; затем его мочили в реке шесть или семь недель, после чего разрывали на тонкие ленточки и очищали от коры. Очищенные ленты тщательно промывали в воде, а затем сушили на заборах. Из лыка делали мочала и плели веревки, а в некоторых деревнях ткали половики.

Из берестяных лент плели заплечные кошель, корзины для сбора ягод и грибов, емкости для хранения рыбы и различных припасов, корзины-севалки, дорожные солонки. Из пласта бересты изготавливали ведра и туеса, коробки для хранения женского рукоделия. Незаменима была береста во время полевых и лесных работ, из нее делали емкости для приготовления и употребления пищи, ложки и черпаки для воды. Также берестой укрепляли треснувшие глиняные сосуды. Корень использовался для изготовления столовых солонок, коробов для хранения вещей и других емкостей.

Занятия различными промыслами сохранялись в вепских деревнях довольно долго. Несмотря на то что вырученные от продажи изделий средства были весьма небольшими, именно они позволяли крестьянам уплачивать денежные налоги. Также утварь, изготавливаемая кустарями, позволяла насытить местный рынок дешевой продукцией, необходимой в каждом хозяйстве.

Семейная
обрядность

Отношение к детям у вепсов было двойственным. Считалось грехом не иметь в браке детей или рожать мертвых. Но и рождение большого количества детей также признавалось несчастьем. Считалось хорошим иметь девочку и двух-трех мальчиков. А большее количество создавало проблемы — дочерям нужно было приданое, наряды, а сыновьям — земля. Обычно женщины-крестьянки рожали детей с 17 до 45 лет. Количество родов в семье доходило до 20, но из-за плохого ухода за роженицей, детских болезней и несчастных случаев выживали не все новорожденные. В среднем семья растила от шести до десяти детей.

В основе обрядов, сопровождавших рождение ребенка, лежали представления о необходимости защиты новорожденного и роженицы от сглаза, обеспечения младенцу жизненной силы, здоровья, счастливой судьбы и хорошей жизни. Родильная обрядность включала целостную систему ограничительно-охранных правил, поведенческих запретов. Основной причиной длительного соблюдения ритуалов являлся глубоко укоренившийся в народном сознании взгляд на жизнь малыша как на явление, находящееся на грани двух миров.

Так, уже в период беременности женщинам полагалось соблюдать ряд ограничений, что должно было обеспечить роженице здорового ребенка. Беременным запрещалось посещение кладбища, так как в народе считали, что если женщина, вынашивающая дитя, увидит покойника, то у нее родится ребенок с «бледным лицом» — болезненный. В случае смерти родственников, когда ей полагалось присутствовать на похоронах, нужно было положить за пазуху красный платок. При выносе покойного из дома беременной женщине полагалось заранее выйти из избы. Категорически запрещалось пересекать дорогу перед похоронной процессией, иначе роды будут тяжелыми, ребенок будет поперек выходить. Нежелательно было и посещение свадьбы.

Ни в коем случае нельзя было во время беременности причинять вред животным: разорять птичьи гнезда (иначе случится выкидыш), есть тетеревиные яйца (чтобы

ребенок не стал рябым), обижать кошек и собак. Запрещалось также присутствовать при забое домашнего скота. Беременные женщины опасались ходить в лес, боясь встретить медведя (существовало поверье, что он всегда нападает на беременных и разрывает им живот). Будущая мать не должна была соглашаться идти в крестные матери, так как это могло привести к смерти самой беременной или ее крестника.

Приближение родов и сами роды роженица тщательно скрывала (чтобы облегчить родовые муки и избежать сглаза). В деревне было принято рожать в нежилом помещении: в хлеву, сарае или в бане. Поскольку женщины до конца срока занимались тяжелой физической работой, то рожали и в поле. Основной помощницей роженицы была свекровь, в случае трудных родов приглашали повивальную бабку (пожилую женщину, у которой были свои дети) либо знахарку.

Для облегчения родов совершались обрядовые действия, имитирующие «свободный выход» ребенка из чрева матери: развязывали (расстегивали) ворот на рубахе роженицы, распускали ей волосы, открывали двери. Когда роды проходили долго и трудно, муж, взяв икону, совершал обход помещения, где рожала его жена, либо всей деревни. Для ускорения родов роженицу иногда специально пугали — стреляли из ружья, обливали водой.

Как только ребенок появлялся на свет, повитуха перевязывала ему пуповину — для этой цели использовались волосы матери, — а затем убирала послед. Вымытую плаценту она заворачивала в чистую тряпочку и укладывала в берестяную коробку или лапоть. Подготовленный таким образом послед она закапывала в подполье дома (под углом фасада или под порогом). Полагали, что, чем аккуратнее будет захоронен послед, тем скорее роженица поправится. Отсохшую пуповину сохраняли в доме — ее прятали за матицу либо в сундук (для благополучия ребенка). У вепсов пуповина также считалась хорошим средством для исцеления бесплодия (кусочки пуповины незаметно подкладывали в суп бездетным женщинам).

По времени и специфике рождения часто судили о судьбе ребенка. Так, рождение в новолуние предвещало долгую жизнь, а на ущербной луне и в последние дни недели — короткую. Знаком долголетия жизни служил факт выхода ребенка на подстилку лицом вверх. Если же ребенок пал лицом вниз, это предвещало, что жизнь младенца будет недолгой. Плохим предзнаменованием считалось рождение ребенка с зубами.

Первое обмывание ребенка производила свекровь (повитуха) на месте родов. Поливая ребенка водой, она произносила заклинание: «Мою я ребенка на месте рождения, безмянного и некрещеного, до бани, до молитвы, до венчания и от венчания до смерти. Аминь, Аминь, Аминь!» Второе мытье осуществлялось уже в избе, на шестке у печи. При этом в воду для мытья клали обереги: металлические предметы, угольки, соль. Считалось, что все это обеспечит ребенку защиту от «сглаза».

На протяжении 40 дней после родов роженица считалась «нечистой». Она не имела права посещать церковь и должна была соблюдать ряд запретов: не есть вместе со всеми, не прикасаться к иконам, лампадам, не доить коров. После окончания срока она должна была обязательно прийти в храм и прочесть там очистительную молитву. До крещения новорожденный также не считался полноценным членом крестьянской общины (не имел имени, его нельзя было класть в колыбель). Поэтому родители как можно быстрее старались его окрестить.

Крестили детей, как правило, в церкви через две — шесть недель от рождения; но в удаленных деревнях этот обряд совершали и дома. В роли крестного отца обычно выступал брат матери ребенка, а крестной становилась сестра отца. Обряд крещения совершал священник. Когда совершалось таинство крещения, отец и мать ребенка в церкви не присутствовали. Имена новорожденным давали по святцам. Давалось понравившееся имя из церковного календаря, которое находилось в пределах двух недель до и двух недель после рождения мальчика и только двух недель после рождения девочки.

Когда ребенку исполнялось два года, в семье впервые отмечались его именины. Празднование начиналось с посещения утренней службы в храме. Ребенка приводили в церковь, за него ставили свечку святому. По возвращении домой садились за праздничную трапезу, на которую приглашали только родственников. В завершение обеда всегда подавалось обрядовое блюдо — овсяный кисель, его ставили на стол в большой миске.

Свадебный ритуал являлся одной из существенных частей культурно-бытового комплекса обрядовой жизни вепсов. Вступление в брак было не только торжественным событием в жизни молодых, их родственников, но и праздником всей деревни, а иногда и целой округи. Лишь после женитьбы крестьянин обретал устойчивое положение в семье, общине, получал право на свое хозяйство, свой дом. Мужчины, не вступившие в брак, осуждались односельчанами. Несмотря на то что на подготовку и проведение свадьбы требовались большие затраты, крестьяне считали делом чести каждой семьи «сыграть свадьбу» с соблюдением всех обычаев.

В старые времена женились и выходили замуж рано, в 16–17 лет. Путем вступления в брак стремились повысить свой социальный уровень или улучшить имущественное положение. Девушки, выросшие в бедных семьях, старались выйти замуж в наиболее зажиточные дома — это было почетно. Засиживаться в старых девах считалось позором. К началу XX в. представления о брачном возрасте несколько изменились. Молодых людей стали считать «парнями» с 18 лет, а девушки начинали «девчаться» с 16 лет. Парни в основном женились в возрасте 20–25 лет; невесту же подбирали младше себя по возрасту.

Вступали в брак большей частью по указанию и воле родителей. Отец говорил дочерям: «Замуж не торопитесь, замужем — не в раю, но и не тяните очень. Дорого яичко к Христову дню. Мужа выбирайте работающего. Хорошо, чтобы и не дурак был. Ну а на красу не глядите, с лица воду не пить». Парень или его родители старались найти невесту в своей или соседней деревне. В народе замечали: «Хороший

На стр. 192–193:

Костюм невесты.
На голове свадебная повязка.
Радогощинский сельсовет. 1928 г.
Свадебный костюм жениха.
Радогощинский сельсовет. 1928 г.

Девыцы наряжаются
перед погостом.
Деревня Илларионовская.
1927 г.

Петров день — это народное название церковного православного праздника установленного в честь апостолов Петра и Павла. Отмечается 12 июля по новому стилю.

человек женится по соседству, а плохой — за горами». Обычно свадьбы начинали справлять после окончания полевых работ и после Петрова дня, а завершался свадебный период в конце января-февраля (в масленицу).

Когда вопрос о свадьбе был окончательно решен, парень получал благословение родителей на женитьбу, семья начинала подбирать сватов из числа людей «опытных» и пользующихся уважением в деревне. Во главе сватов чаще всего ставился крестный отец жениха или его старший дядя, сватать мог ехать и отец жениха либо старший брат парня, а также сам жених. Для сватовства выбирали день праздничный или воскресный — когда вся семья девушки дома. Широкое распространение имел обычай сватать вечером или даже ночью.

Дружина сватов одевалась в лучшую одежду, на лошадей надевали праздничную сбрую с бубенцами. Летом ехали верхом, а зимой — в санях. Если сватам отказывали у одной невесты, то ехали к другой, к третьей. Были и такие неудачники, которым приходилось тянуть до 20 жердей (отказов).

«Не по себе дерево гнут», — говорили про таких женихов в деревне. Иногда родители, не совсем уверенные в успехе сватовства, совершали обрядовые действия, направленные на предотвращение отказов, — клали сыну за пазуху хлеб и повойник. Эти атрибуты, по мнению крестьян, служили гарантом того, что сватовство пройдет успешно. Если девушка, к которой направлялись сваты, хотела выйти замуж в эту семью, то она старалась сделать так, чтобы гости заметили только ее достоинства. Для этого она втыкала швейную иглу и, глядя сквозь игольное ушко, говорила: «Сколько в это ушко грязи влезет, столько бы у невесты увидели недостатков!» Это нужно было сделать до того, как сваты подойдут к дому.

Обряд сватовства проходил следующим образом: главный сват, войдя в избу и помолвившись, прямо с порога говорил: «У вас есть девушка, у нас парень, нельзя ли нам породниться?» Хозяйка вставляла с лавок, подходили к гостям, здоровались с ними за руку и говорили: «Милости просим!» Если сватовство было желательно и время его известно заранее, то в дом

невесты могли пригласить родню, соседей. Пока невеста наряжалась, а хозяйка готовила угощение — жарила в масле ржаные пироги с толокном, — отец и родственники девушки приглашали сватов за стол и заводили разговор об урожае, о скотине, о ценах на хлеб, о лесных промыслах. Узнав о сватах, в дом невесты приходили ее подруги и начинали помогать ее матери накрывать на стол. Хозяйка наливали сватам водки. После угощения приехавшие начинали сватать. Как правило, сватов принимали в любом случае, даже при несогласии родителей или невесты на брак.

Если жениху отказывали, то таким знаком служила яичница, поставленная на стол перед сватами на сковороде, и уклончивые ответы отца девушки: «Молода еще, ума не нажила». Сватов провожали с поклоном. Знаком отказа могла служить и мутовка, привязанная к саням, на которых приехали сваты. Как только нежеланные гости уезжали со двора, невеста выбегала на улицу и приносила в дом три круглых полена. Затем она бросала их в передний угол, чтобы другим женихам путь в дом не был заказан. Если же девушке парень нравился, а родители не были готовы к свадьбе и в будущем могли дать свое согласие на брак, «невеста» вешала на сани поварешку — знак своего согласия.

Если родители девушки были готовы дать согласие на ее брак, то к сватам выходили невеста и ее крестная мать, которая произносила: «Вот вам огонь-пташечка, вот вам красна девица!» Невеста делала общий поклон и обносила всех гостей чаем и калитками, сладкими пирогами либо рыбником. Во время этого действия она должна была продемонстрировать свою ловкость, грацию и расторопность. После чая на стол стелили чистую скатерть, ставили на нее солонку, клали хлеб и передвигали стол в большой угол (под иконы). Жениха и сватов усаживали за стол и зажигали перед ними свечку. Старший сват заявлял о цели своего приезда.

После этого девушку-невесту подводили к образам молиться. После молитвы ее сажали на лавку. Затем отец жениха вынимал из кармана ямской колокольчик,

звонил и говорил: «Слышите, православные, у меня невеста поручена!» После этого он подавал отцу девушки новый ситцевый платок, которым тот покрывал голову просватанной дочери, а та, в свою очередь, кланялась ему в ноги. За этим следовало вождение невесты по избе, во время которого она начинала «голосить» — причитать. Девушку по очереди подводили к отцу, к матери и ко всем родным и подругам.

Когда невеста заканчивала плач, сватам раздавали подарки: жениху — шелковый платок, другим сватам — ситцевые. Будущей свекрови и крестной — по рубашке с вышитым подолом. После этого сваты угощали свою будущую родню, а потом и всех присутствующих водкой. При прощании с женихом невеста дарила ему ситцевый платок, а он отдаривался деньгами (15–20 рублей). Через несколько дней после сватовства родители и родственники невесты ездили в гости в дом жениха, чтобы «высмотреть хозяйство и обходительность будущих родственников». Там гостей угощали чаем и обедом, а также обильной выпивкой. На этой встрече принимали решение о свадьбе.

К «порученной» девушке каждый день и вечер собирались подруги и помогали ей шить и вышивать приданое: рубаху и нижние порты жениху, занавеску к постели, одеяло. Если у невесты не хватало вещей для свадебных даров (подарков гостям), то к их изготовлению привлекали всех женщин из числа родни. Весь период от сватовства и до венчания невеста при входе в ее дом родственниц и подруг должна была закрываться платком и поголосить у них на плече: «Любимая ты моя подруга! Возьми-ка ты мою вольную волюшку! Возьми-ка ты мою красоту-красотушку!»

На «рукобитие» в дом невесты для окончательного договора по дате свадьбы и определению количества гостей со стороны молодого жених ехал с отцом. С собой они брали водку и различные угощения. К их приезду собирались родственники и подруги девушки, которые и встречали почетных гостей. Хозяин дома приглашал гостей за стол, накрытый белой скатертью.

Гости рассаживались в переднем углу, родители невесты и родственники — по другую сторону стола, невеста сидела напротив жениха, а отец невесты — напротив отца жениха.

Сначала пили чай, а потом обедали. Отец жениха угощал всех водкой. Обычно на обед подавали холодные щи из солонины с картофелем и луком. Их ели с горячими калитками, начиненными горохом. После супа на стол ставили кашу или рыбное блюдо, блины. Затем подавался вареный или жареный картофель, а в конце обеда —

Церковные венчальные венцы. 1908 г.

яичница. Картофель и яичницу брали рукой с блином. В завершение трапезы ставили на стол чашку с молоком, его хлебали деревянными ложками. По окончании обеда все, кроме отцов, вставали из-за стола. Надев кожаные рукавицы, отцы через стол били по рукам в знак заключения союза. После этого жених и невеста целовались. Жених раздавал невестиным подругам привезенные с собой гостинцы — различные сладости, невеста отдаривалась — вручала жениху женский платок и шерстяные перчатки. После этого «поезд» жениха отъезжал.

Отец жениха, договорившись на рукобитье о количестве поезжан, начинал подбирать состав свадебного поезда. Самым ответственным моментом в этом деле был выбор «дружки» — главного распорядителя свадьбы. Он должен был следить за тем, чтобы свадьба проходила строго по правилам, с соблюдением всех сложных обрядов. В обязанности дружки входило

предохранение жениха и невесты от порчи и глаза злых людей, от нечистой силы. Перед венчанием дружка водил жениха в баню и надевал ему на тело оберег — пояс из старой сети с завернутой в него щучьей челюстью. Кнотом он должен был открывать ворота, калитки и расчищать путь свадебному поезду, а также раздавать подарки. Дружка должен был снимать «заставы» на дороге, начинать свадебный пир и вести новобрачных на покой. В обязанности свахи (с невестиной стороны) также входило выполнение обрядов и «сбережение» невесты, сваха повсюду следовала за ней: мыла в бане, торговалась из-за невесты с дружкой, помогала невесте пройти в церковь, не задев стен и порога, переодевала ее после венца, сопровождала к брачному ложу.

Накануне венчания в доме невесты справлялся девичник, на который приглашались ее родственники и подруги. Иногда собирались и все односельчане. Перед девичником невесте полагалось вымыться в бане. Невесту наряжали и выводили к гостям с причитаниями. После этого ее сажали на подушку. Сваха и подруги становились перед ней, кланялись и, припевая, приглашали в баню. Отец девушки зажигал свечу и ставил ее к иконам. После этого, взяв образ в руки, благословлял дочь. Мать покрывала ее рубашкой, скатертью, а брат поверх всего этого набрасывал на плечи невесты шубу и провожал ее до сеней в баню, натопленную подругами невесты (невестину баню нельзя было топить еловыми дровами, вызывающими треск при горении, чтобы после венца она не ругалась с супругом и его родными). Путь до бани сопровождался песнями девушек. Обычно пели «Трубушку».

Невесту мыли в бане мать и «вожея». Сваха парила ее веником, заготовленным в ночь перед Иваном Купалой, и приговаривала: «Как пот сохнет от веника, так пусть сохнет по мне (имя жениха)». Затем она натирала девушку солью, которую потом вместе с водой клала в тесто для хлеба, используемого в свадебном обряде. Горбушку от этого каравая сваха клала между грудей невесты, когда та ехала к венцу (этот хлеб новобрачная должна была съесть

в доме мужа, вернувшись из церкви, чтобы не тосковать по своим родителям). В вепсских деревнях также был распространен обычай омовения невесты в бане молоком, которое потом подмешивали в кушанье жениху, чтобы он всегда любил жену и был ей послушен.

После мытья мать невесты наряжала дочь в белье, приготовленное невестой для жениха. И в этом наряде заставляла ее трижды проползти между ног матери. Затем невесту одевали в платье. Из бани невесту встречали с песнями, она благодарила подруг за внимание к ней — «за хорошую баенку». В дверях дома дочь встречал отец с иконой в руках, к которой невеста должна была приложиться. К этому времени в избе уже был накрыт стол и все гости в сборе. Девушки от самого порога пели песни, а невеста начинала причитать, подруги покрывали ей голову платком и водили ее по дому.

После исполнения невестой всех полагавшихся причитаний (перед матерью, перед братом и крестной) подруги заплетали ей косу и прикрепляли к волосам либо надевали свадебный головной убор «красоту» — разноцветные ленты, соединенные вместе, или ленты, нашитые на головной венок из ткани. Затем невесту снова водили по избе под песни подруг. По завершении этого обряда устраивался свадебный стол.

Отведать «хлеба-соли» гостей приглашала мать невесты. Когда гости рассаживались, невеста с подносом в руках обходила наиболее почетных из них и предлагала помыть руки в чашке воды, стоящей на подносе. Ополоснув руки в воде, гости клали на поднос деньги. После этого начиналась трапеза. Пить полагалось всем, даже маленьким детям. Закончив обед, девушки от имени невесты кланялись присутствующим и начинали петь — благодарить Господа, отца и мать. Затем причитавшую невесту опять подводили ко всем родственникам по очереди. В завершение обхода ее подводили к какому-нибудь почетному гостю из числа посторонних. Он срывал с нее «красоту», отдавал подругам невесты, и они разбирали ленты себе на память.

Венчальные костюмы жениха и невесты. Радогощинский сельсовет. 1928 г.

В свадебное утро жених наряжался в лучшую одежду и отправлялся в церковь помолиться, а затем посещал могилы родственников. Ко времени возвращения жениха в доме его уже ждали дружки, поезжане и соседи. Хозяйка накрывала стол скатертью и ставила на него пустое деревянное блюдо, жениха усаживали за стол. После этого к столу по очереди начинали подходить родственники и класть на блюдо деньги — «способ». Жених при этом

отвешивал поклоны. Затем приехавших поезжан и гостей угощали обедом, во время которого отец жениха должен был поднести всем по очереди рюмку водки. В конце трапезы на стол подавали «рыбник» — обрядовый пирог. Разрезал его и раздавал гостям старший дружка. После обеда родители жениха с хлебом и иконой благословляли сына.

Ко времени окончания обеда во дворе уже стояли запряженные лошади, сбруя которых была украшена бубенцами. Дружка трижды обходил поезд, очерчивал его кнутом. После этого все рассаживались, причем жених должен был обязательно сидеть рядом с сестрой-девушкой или другой родственницей — «брюнгой», ей отводилась роль сопровождающей. Отец жениха трижды обходил свадебный поезд с образом и топором в руках (оберегом). Затем жених и брюнга целовали икону и укладывали ее в сани. Все поезжане кланялись собравшемуся народу и «прощались», а жених стоя раскланивался во все стороны. Когда поезд трогался, девушки начинали петь песни, а мужчины стрелять из ружей.

С прибытием свадебного поезда был также связан целый комплекс обрядовых действий. Увидев приближающихся поезжан, все присутствующие на свадьбе выходили встречать жениха на улицу. В доме оставалась только невеста с «вожатой», которая показывала в окно жениху кукиш, а потом запирала дверь. В некоторых деревнях запрещалось впускать поезд жениха в дом через крыльцо; входом служила дверь на повети. Иногда, услышав звон бубенцов поезда, братья невесты запирали ворота с целью взимания выкупа за вход.

После обеда родители благословляли невесту, «вожатая» и брат уводили ее наряжаться к венцу. Голову невесты покрывали скатертью, а затем большим платком, на шее подвязывали носовым или головным ситцевым платком, иногда лентой. Одевшую невесту ставили под воронец, напротив нее становился жених, и начинались переговоры — передача невесты жениху. При выходе из дома невеста старалась продемонстрировать свою любовь к родителям и к родному дому — она плакала, хваталась

за стены, а в некоторых деревнях на р. Оять невесте полагалось гладить печь — для того, чтобы в новом доме ее уважали, чтобы не тянуло в родительский дом.

Выйдя во двор, вся процессия начинала рассаживаться по саням в следующем порядке: жених садился с брюнгой, а невеста — с «вожатой». Перед тем как открыть ворота, все присутствующие на свадьбе трижды обходили лошадей и вставляли напротив ворот; дружка трижды «крестил» их кнутом, а отец невесты трижды крестил их хлебом и иконой. Выезд свадебного поезда сопровождался пением девушек и ружейной стрельбой. Впереди свадебного поезда ехал дружка с неизменным кнутом, обладающим магической силой, оберегал молодых от порчи в пути.

Венчались молодые в церкви. Дружка первым подходил к паперти и очерчивал полукруг кнутом, затем затыкал его за пояс. В церкви и жених, и невеста старались первыми наступить на ткань, расстеленную перед аналоем, — «чтобы быть главным в доме». Если первым на холст наступал жених, то невеста во время венчания приподнималась на носки, чтобы быть в новой семье по положению не ниже мужа. Молодые следили также за тем, чтобы не наступить мимо ткани, тогда семья крепче будет. Когда на жениха с невестой надевали венцы, молодые пытались пошевелить каждым суставом, веря, что эти действия обеспечат новой семье здоровье и благополучие.

После венчания в церкви новобрачные посещали могилы родственников, где и происходила первая трапеза: все выпивали по рюмке водки и закусывали рыбником. Затем поезжане рассаживались и отправлялись в деревню, где жил молодой. При этом старались ехать не напрямик, а дальним путем, через другие деревни. Впереди поезда пускали бочку с горячей смолой, ее катили до самого дома, огонь считался очистительной силой. При приближении свадебного поезда к дому молодого соседи начинали стрелять из ружей и жечь костры, используя для этой цели старую утварь из бересты. Иногда при въезде в деревню крестьяне строили ворота из разного хлама и требовали выкуп.

К дому жених нес невесту на руках. На ступеньках крыльца их встречали свекор и свекровь в шубах, вывернутых мехом наружу. Мать жениха держала в руках кокач — высокий ржаной пирог с острыми краями и молоко. В руках у отца было сито, до краев наполненное житом (ржаным зерном), икона, а также хлеб, которым благословляли сына утром. Молодым давали откусить пирога и запить молоком, за что они благодарили тремя земными поклонами. После этого отец посыпал их зерном. В дом жених с невестой шли по подметенной дорожке, на их головы бросали куриный пух, чтобы жили они между собой дружно, в согласии, детей рожали; ячмень и перья, чтобы богаче и легче жилось.

Первым в дом заходил дружка и три раза «крестил» кнутом двери и молодых. Затем в дом, крестясь, заходили гости. Невеста уходила в другую комнату, снимала платье, в котором венчалась, и надевала новое — «бабье». Сваха расчесывала ей волосы, заплетала в две косы, укладывала на затылке, надевала повойник (кокошник) и покрывала голову шелковым платком. Затем следовал свадебный ужин. Новобрачных сажали рядом в большой угол, на подушки, которые предварительно «окрестил» дружка (его усаживали у края стола). Отец жениха открывал платок невесты «кокачем» — высоким пирогом и спрашивал: «Хорошали молодая?» В ответ гости кричали: «Хороша!» После этого начинался пир.

В обязанности дружки на свадебном застолье входило угощение гостей водкой. Налив первую рюмку и отпив из нее, он притворялся, что поперхнулся, и заявлял, что в рюмке «клоп в капкане». Это был сигнал — «горько!». Молодым приходилось целоваться. После этой рюмки дружка мог обнаружить в водке «блоху на аркане», «таракана в лаптях», «медвежью кость» и т. п. После серии выпитых рюмок гости принимались за еду. А молодых отправляли спать. Утром молодых будили звоном разбитых о стену горшков.

На второй день свадьбы молодая должна была угостить всех присутствующих рюмкой водки. Выпив водку, гости клали на тарелку деньги и кричали «горько».

Молодые кланялись им и целовались. За обедом молодым полагалось пользоваться одной ложкой и есть от одного куска. После обеда в избу приносили свадебные дары невесты. Перед тем как короб поставить на стол, дружка бил его кнутом. Затем он должен был выкупить ключ от замка, запиравшего приданое. Для этого на короб клали 20 копеек и получали право открыть его и приступить к раздаче даров. Дружка поднимал на кнут вещи и приговаривал: «Наша невеста не спала, не дремала, на потоке сидела, долги нитки пряла, дары припасала», а затем одаривал всю родню жениха. В состав свадебных даров входили рубахи, полотенца, ситцевые платки, кокошники, рукавицы, перчатки. В завершение свадебного действия мать жениха резала на маленькие кусочки «благословленный» хлеб и раздавала его всем присутствующим.

Через трое суток после свадьбы молодые, отец и мать жениха отправлялись в дом невесты за приданым. В его состав обязательно должны были входить постельные принадлежности: полог, одеяло, наволочки, ткани, одежда, а также вещи и инвентарь, необходимые в хозяйстве: ткацкий стан, прялка, косарь, серп, коса, грабли, две ложки. Состоятельные крестьяне отдавали в приданое корову, овец и прочую домашнюю живность. Все эти вещи и скот составляли материальную базу молодой семьи.

Семейная обрядность была важным элементом крестьянской культуры. Она обеспечивала передачу традиции от одного поколения к другому. В цикле семейных обрядов сплелись действия, символы и атрибуты, которые должны были обеспечить семьям счастье, богатство, благополучие семьи и защитить от злых сил и всяких неприятностей.

Кóкач — пирог из кислого ржаного теста с начинкой из толокна, пшена, гороха, рыжиков и т. п.

Пóлог — занавеска, закрывающая кровать, выполнял защитную функцию — предохранял спящего человека от насекомых.

Поминально-
погребальная
обрядность

В обрядности вепсов, связанной с погребением и поминками, длительное время сохранялись элементы дохристианских верований. Крестьяне верили в существование нескольких душ у человека; считали, что они сменяют друг друга в определенные периоды жизни. Смерть, по народным представлениям, наступала вследствие того, что душа покидала тело. Кладбища считались поселениями умерших людей. Все, что там находилось: надмогильные сооружения, растительность, принадлежало им. На кладбищах категорически запрещалось рубить деревья, ломать ветки (в народе считали, что дерево, пронзая своими корнями тело погребенного, питалось его соками, и таким образом умерший воплощался в нем), нельзя было собирать цветы, ягоды и грибы, подбирать и приносить домой камни и обломки надмогильных плит и старых крестов.

Погребальный обряд вепсов, выработанный на протяжении столетий, в конце XIX — первой половине XX в. представлял собой сплав христианских и народных традиций. В нем мирно уживались церковные обряды и специфические национальные черты. Действия, связанные с проводами и поминовением покойника, были выстроены в строгий ритуал, который выполнялся во всех деревнях. К загробной жизни начинали готовиться задолго до кончины. Как только приходила старость, и человек чувствовал, что жизненные силы его постепенно оставляют, он начинал готовить специальную «смертную» одежду и покрывало из полотна — саван. Девушек и юно-

шей хоронили в свадебной одежде. Одежду «на смерть» шили не так, как обычно, — острие иголки должно было быть направлено от себя, иногда шили левой рукой.

В дом к умирающему человеку собирались родные и соседи, они старались оказать ему особое внимание — укутывали

его, растирали ноги. Перед самой кончиной на лавку стелили солому и перекладывали на нее умирающего человека. Около него ни в коем случае нельзя было плакать, так как плач, по народным представлениям, мог отсрочить смерть и продлить мучительное расставание души с телом. Для облегчения «выхода души» прибегали к различным магическим действиям: открывали окна, двери, заслонки в печи, иногда даже поднимали конек крыши.

Обряженного покойника укладывали на лавку, идущую вдоль боковой стены дома, головой в красный угол к иконам. После этого домочадцы начинали его оплакивать. Днем в избу, где находился умерший человек, приходили односельчане — посидеть рядом с ним, а ночью их сменяли родственники. Прощание с умершим длилось до двух суток. В случае смерти молодых людей на прощание собирались парни и девушки и устраивали «веселые» похороны — играли на гармонии веселые мелодии. Считалось, что до погребения умерший человек все слышит и чувствует. Поэтому женщины, которые сидели с покойным, причетами передавали с ним на тот свет наказы и поклоны своим родственникам. Пока тело находилось в доме, домочадцы занавешивали зеркало, закрывали все окна в доме, с пола убирали половики «чтобы покойник никого не выглядел и за собой не вел других».

Обычно хоронили покойника на третьи сутки до полудня, а ко второму дню родственники умершего подготавливали гроб. Тело укладывали в гроб только в день похорон, утром. В это же время родственники начинали копать могилу. Заранее это делать не полагалось, так как крестьяне считали, что пустая могила, оставленная на ночь, — «к новому покойнику». У вепсов до недавнего времени был распространен обычай снабжения умершего вещами, которые, по представлению крестьян, могли бы ему понадобиться в ином мире. Мужчинам в гроб укладывали табак, а женщинам —

На стр. 205:

Обряд «сорочин» — проводы души покойного к погосту. Озерской сельсовет. 1927 г.

Кладбище Пелушского погоста. 1928 г.

На стр. 202–203:

Погост Мягозеро. 1920-е гг.

Кресты на кладбище у церкви Пелушского погоста. 1928 г.

Придорожная часовня
Успения Божией Матери
у д. Старые Харагеничи.
1920-е гг.

гребень, платок, прялку с куделью, детям — игрушки. Тем и другим могли положить ногти, отстриженные перед смертью. Это делалось для того, чтобы они смогли достигнуть загробного мира, взобраться на стеклянную гору.

Утром в день похорон начиналось общее оплакивание покойника. После последнего поминания и прощания гроб с телом выносили на улицу, и похоронная процессия двигалась к погосту. Во время выноса гроба полагалось перевернуть скамейки, стулья, стол, стоящие в доме, для того чтобы «согнать душу» с насиженного места. Если кладбище располагалось недалеко от деревни, то гроб несли на двух еловых жердях четыре — шесть человек, а если далеко, то везли на сани. При выходе из деревни на перекрестке дорог сжигали солому, на которой лежал покойник, и поминали его (с собой брали решето, в котором находилась кутья, и тарелки с киселем). Для жителей деревни это

было последнее поминание, дальше на кладбище шли только родственники.

Когда похоронная процессия подходила к кладбищу, самая близкая родственница шла причитать на могилы предков. Так она сообщала им о скором приходе родственника на тот свет. Перед тем как приступить к обряду захоронения гроба, могилу «выкупали» — бросали в яму медные деньги. Последнее оплакивание проходило обыкновенно до закрытия гроба, во время прощания с умершим. Гроб опускали в могилу на полотенцах либо на полотнищах ткани, а затем засыпали землей. Жерди, на которых несли гроб, втыкали в могилу со стороны ног умершего, а вытаскивали после сорокового дня или через год. Уносить их с кладбища строго запрещалось. Если гроб везли на сани, то по возвращении в деревню их полагалось оставить в поле для «очищения». Креста не ставили до «сорочин», вместо него до сорокового дня на могильном холмике стояла ветка дерева.

Часовня с придорожным
крестом. Радогонинский
сельсовет.
1928 г.

После предания тела земле проводы покойника не заканчивались. Крестьяне верили, что умерший не покидает мир людей до сорокового дня. Считалось, что все это время его душа обходит места, с которыми человек не успел попрощаться при жизни. Поэтому в доме, где проходили похороны, не запирали двери на ночь, вешали на иконы полотенца и оставляли еду (кутью), на стол клали ложку, а на боковой лавке стелили постель — ждали душу в гости, топили баню. Также запрещалось раздавать одежду усопшего.

Поминальными днями были девятый, двадцатый и сороковой дни после смерти. Самый важный день — «сорочины», покойного окончательно провожали на тот свет. На эти поминки собиралась вся родня, иногда приглашали священника, заказывали обедню. К этому дню опять варили кутью и кисель. После поминальной трапезы всей деревней шли половину версты за околицу по дороге, ведущей к погосту, —

проводжали душу умершего. Следующее ритуальное поминание устраивали в первую годовщину смерти. В этот день последний раз причитали по покойнику. Также усопших обязательно поминали на кладбище в различные календарные (церковные) праздники и в воскресенье. На могилу близкого обязательно заходили, когда проходили мимо кладбища.

Погребально-поминальная обрядность являлась неизменной на протяжении многих столетий. Традиционное миропонимание предписывало ей функцию соединения и разделения двух миров — мира живых и мира мертвых. Умершие родственники никогда не подвергались забвению. Сохранение памяти о них и регулярное «общение» с ними являлось важным нравственным принципом, выражающим убеждение народа в необходимости беречь родственные и соседские связи, на которых держался весь традиционный уклад жизни.

Календарная обрядность

Престольные праздники у вепсов были одними из наиболее почитаемых праздничных дней. Они отмечались в честь святого или события священной истории, которым была посвящена местная церковь или ее приделы. Такой праздник, особенно в летнюю, страдную пору, был радостью для всех крестьян от мала до велика. Его ждали с нетерпением, поскольку в этот день крестьяне могли отдохнуть от работы и встретиться со своими родственниками.

В день праздника с ударом церковного колокола старики доставали свои поддевки, старухи — праздничные сарафаны, и спешили к заутрене. Утром начинали собираться гости: девушки с узлами нарядного платья, старшие родственники, парни с гармошками. Девицы с утра «крутились» — одевались к обедне, а женщины накрывали столы. Около четырех-пяти часов дня девушки опять переодевались в лучшие платья, и начиналось гулянье молодежи: песни, игры, танцы, качание на качелях. Праздник заканчивался поздно вечером. Гости из соседних деревень расходились по домам, а родственники из дальних поселений оставались погостить еще несколько дней.

Календарный год начинался с празднования новогодних праздников. К ним тщательно готовились: мыли избу, запасали продукты. К праздникам Рождества и Нового года готовили лучшую еду, так как считалось, что обилие на столе в это время будет содействовать достатку семьи в течение всего года. В эти дни каждый из членов семьи старался встать раньше других, чтобы в течение будущего года быстрее всех выполнять любую работу. В Рождество не принято было ходить в гости. Рождественская трапеза проходила в кругу семьи, а в Новый год уже навещали соседей и родственников. Утром в Рождество обязательным было посещение церкви. После Рождественского богослужения дети и неженатая молодежь ходили славить Христа. Под окнами они исполняли колядки, за что хозяева одаривали их хлебом, куском пирога либо какой-нибудь другой пищей.

Со второго дня Рождества и до Великого поста каждый день, кроме суббот

и канунов праздников, устраивались праздничные вечера — беседы. Для гулянья — посиделок, игр и танцев — молодежь снимала избу у какой-либо вдовы, ей платили несколько медных монет или давали продукты. Девушки в складчину покупали все необходимое для стола, молодые люди также приносили угощения: пряники, орехи. После угощения начиналось гулянье. В разгар веселья обычно появлялись ряженые — парни, переодетые цыганами, нищими, журавлями и пр. Учиться танцевать в вепсских деревнях начинали с детских лет, а плясать на гуляньях — с 16–17 лет. Во второй половине XIX в. в деревнях уже знали кадрили, «четверку» и другие «легкие» танцы, а к началу XX в. кадрили стала одним из самых любимых танцев.

В Крещенский сочельник крестьяне ездили в храм на водосвятие, после которого брали в церкви освященную воду и везли ее домой. Святой водой кропили скот, избу и двор. В этот день металлическими предметами: ножом, косарем — чертили кресты на всех дверях жилища и хозяйственных построек от нечистой силы. А на следующий день все те, кто в праздники ходил ряжеными, должны были обязательно искупаться в проруби.

Важными датами во время поста были Средокрестье, Вербное воскресенье и Великий четверг. На Средокрестье (середина поста) пекли обрядовый хлеб с изображением креста. Этот хлеб использовали для обрядового кормления скота в день первого выгона его на пастбище. В Вербное воскресенье до восхода солнца вепские хозяйки ходили в лес за вербой. Ветки вербы освящали в церкви, а затем несли их в дом и ставили в красный угол, к иконам. Освященными ветками хлестали детей для счастья, здоровья, скотину и кур — для приплода. Великий четверг считался днем разгула нечистой силы. В этот день крестьяне совершали различные предохранительные обряды, направленные на обеспечение благополучия семьи.

С Пасхи начинался весенний Мясоед, длившийся до Троицы. К празднику Пасхи хозяйки копили яйца, которые предназначались для обрядовых действий. Яйца окрашивали в желтый (сухими березовыми

листьями) и красноватый цвет (луковой шелухой). Окрашенные яйца, по народным представлениям, обладали магическими свойствами. Ими угощали друг друга; устраивали «катание яиц» с гор. В этих играх принимали участие только мужчины. Человек, проигравший все яйца, ставил вместо них деньги. Если Пасха была поздней (конец апреля), то с этого дня начиналось «качельное время». За несколько дней до Святой Пасхи для детей начинали делать качели. На окраинах деревень, на местах гуляний молодежь устанавливала большие качели.

Значительное место в календаре вепсов занимал Егорьев день — день св. Георгия. В этот праздник совершали обряд первого выгона скота на пастбище. Согласно народным представлениям св. Георгий являлся хранителем домашнего скота и хозяином волков и медведей. Если весна была холодная, выгон скота носил символический характер. Скотину выгоняли из стойла во двор, а потом загоняли обратно. В день реального выгона скота на пастбище обход и обряд выгона совершался уже пастухом.

Одними из самых значительных праздников в вепском календаре были Троица и Иванов день. Суббота перед Троицей считалась поминальным днем, в этот день посещали могилы родственников и устраивали на кладбище обильные трапезы. В Иванов день женщины и дети занимались сбором лекарственных трав, заготавливали ветки берез для веников, ломали ольху и вереск для парения (ритуального окуривания) молочных горшков, украшали избы ветками рябины. Чертополох и другие колючиеся растения втыкали между бревен и за косяки дверей хлева как оберег для скота. К Иванову дню приурочивались и обряды любовной магии. Широко было распространено гадание на вениках: после мытья в бане девушка бросала веник в реку, на дорогу или на крышу бани и смотрела, в какую сторону был направлен комель — туда и предстояло выйти замуж.

Летне-осенний период у вепсов был насыщен заветными праздниками. Эти праздники были установлены в память о каком-либо чрезвычайном событии, связанном с жизнью деревни: пожаром, падежом

скота, эпидемией, унесшей жизни большого числа людей. Для предотвращения повторения бедствий жители деревень «заветились» — давали обещание ежегодно проводить праздник. В заветные праздники совершали обрядовое купание скота либо окропление животных святой водой. В церкви, часовни и к придорожным крестам в день праздника приносили заветы: полотенца, деньги, овечью шерсть, продукты животноводства.

В сентябре вепсы выделяли Воздвижение Креста Господня. Согласно народным поверьям с этого дня змеи уходили под землю до весны. С Покрова в вепсских деревнях начинали забивать скот, с этого дня и до середины ноября по деревням ходили ряженые девушки и женщины, которые вели с собой детей. Они наряжались в костюмы мужчин — цыган или нищих, а лицо мазали сажей. Заходя в дома, они жестами просили свежего мяса на суп.

В ноябре — декабре наиболее распространенным среди вепсов был праздник в честь св. Николая Зимнего, 6 декабря. В этот день повсеместно варили пиво. Раньше его пили из скопкаря — большой ритуальной деревянной чаши. Мужчины, сидевшие за столом, передавали чашу с пивом по кругу до тех пор, пока пиво не кончалось, затем снова наполняли ее. В XX в. пиво хранили в больших глиняных кувшинах, а пили его из кружек. Поскольку пиво было не очень крепким, крестьяне шутили: «Два ведра пива нужно носить в животе, иначе не стоит на праздник идти». На этом основные праздники заканчивались, и крестьяне начинали готовиться к новому году.

Традиция празднования календарных и заветных праздников являлась одной из составляющих традиционной культуры, содержание и форма годичных обрядов отражали духовную сущность вепсов. Формально эта традиция соотносилась с годовым литургическим циклом христианской религии. Однако действительной основой «бытовых святцев» был не церковный, а трудовой сельскохозяйственный календарь, регулировавший все аспекты жизни крестьянина.

Скопкарь — деревянный (иногда металлический) ковш в форме ладьи с двумя рукоятками в виде головы и хвоста птицы.

На стр. 208–209:

Общественное купание
во время молебна.
Пелушский погост. 1928 г.

Народная пища

Традиционная вепсская кухня была основана на приготовлении пищи из продуктов растительного происхождения, рыбы в сочетании с продуктами животноводства и собирательства. Но преобладали в питании овощи, грибы и ягоды, а также злаковые и бобовые культуры: ячмень, овес, горох, бобы. Такой рацион объяснялся невысоким уровнем доходов населения и суровыми природными условиями, в которых приходилось вести сельское хозяйство и заниматься животноводством и огородничеством. «Мачеха природа не давала в чудском краю ходу капусте, исконной и заветной усадле русского человека, да и лук никак не мог справиться с поздним теплом да ранними холодами... за все те овощи, которых Бог не дал и частью не возлюбил чуждин, отдувалась репа — ананас русский», — так с юмором описывал эту ситуацию исследователь В. Майнов, побывавший у вепсов в последней трети XIX в.¹

Репу выращивала каждая крестьянская семья, так как эта культура неприхотлива, и урожай был практически всегда обеспечен — этот овощ не боялся осенних заморозков. Кроме того, репа обладала хорошей лежкостью, она сохранялась до весны, а в сушеном виде ее можно было хранить годами. Поскольку репу заготавливали в большом количестве, еда, приготовленная из этого продукта, не раз выручала вепсов в голодное время, помогала поддерживать трудоспособность.

Наиболее распространенной пищей, приготовленной из этого овоща, была пареная репа — «печенки» и репный квас «репница» (однако, следует заметить, этот продукт хорошо переносил только вепсский желудок). Репу парили следующим образом: предварительно из топки печи убирали немного углей, затем овощи мыли, обсушивали и укладывали в горшок или чугунок, накрывали крышкой и ставили в печь. «Печение» проходило с утра и до обеда. Готовая репа имела красноватый оттенок и сладковатый вкус. Ее ели с солью.

Репный квас делали из сушеной репы. Репу, которая предназначалась для супа, недолго парили в печи; затем ее нарезали на кусочки и высушивали (заготовленная таким образом репа долго хранилась). Для приготовления кваса сушеные овощи варили в большом количестве воды, затем отвар сливали в кадушку, добавляли закваску и ставили на брожение. Через сутки, когда квас закисал (появлялась пена), он был готов к употреблению. Ели «репницу» с хлебом, грибами, картошкой, солью. Это блюдо вепсы считали «самой хорошей крестьянской едой».

Также из репы делали репную кашу. Для приготовления этого блюда сырую репу мелко резали, укладывали в горшок, добавляли муку, соль, перемешивали и ставили на день в печь. Когда каша была готова, в нее добавляли масло. Отварная и пареная репа использовалась в качестве начинки для закрытых пирогов. А из сушеной репы в течение всего зимнего и весеннего периода варили различные похлебki. В бедных семьях сырая репа была практически единственным лакомством детей.

Брюква, редька, серый горох и черные бобы находили широкое применение на вепсской кухне. Их ели как самостоятельное блюдо, сдабривая растительным маслом. К корнеплодам часто добавляли репный квас. Из бобовых готовили супы и каши, делали начинки для пирогов и калиток. К числу любимых блюд вепсов можно отнести бобовый суп и гороховые пироги. Суп варили из бобов и перловой крупы, он считался готовым, когда бобы хорошо разваривались. Перед употреблением в это блюдо добавляли масло или сметану. Вепские хозяйки считали, что лучшие гороховые пироги получались зимой, так как для их приготовления требовался снег — он заменял дрожжи. Снег смешивали с гороховой мукой и солью, а затем взбивали мутовкой до тех пор, пока масса не поднимется. Гороховую начинку укладывали на сканец из теста и ставили в печь. Из этой же гороховой массы можно было сделать и оладьи.

Картофель в вепсских деревнях выращивали в небольшом количестве, поэтому его потребляли в основном как самостоя-

тельное блюдо — печеный, отварной (ели с хлебом, солью, квасом, растительным маслом) — и как начинку для калиток. На праздники из него делали запеканку. Также немногочисленны были и блюда из капусты. В основном из нее готовили постные щи.

Много блюд готовили из рыбы: щуки, окуня, плотвы, леща, язя. Налима ели не везде, а раков вообще не употребляли в пищу. Крупную рыбу ели свежей: жарили и запекали в печи, а мелкую сушили. В деревнях, расположенных на озерах, в которых водилась ряпушка, рыбу засаливали. Из сушеной рыбы повсеместно варили суп «сущик». Весной, когда нерестилась щука, крестьяне ели щучью икру — ее жарили на сковороде в масле. Летом всегда варили рыбный суп из рыбы, крупы и лука. Когда его ели, добавляли сметану. На праздники рыбу готовили особым образом: ее чистили, складывали в миску и ставили в печь. После того как рыба пропечется, ее заливали яйцом, смешанным с молоком, и запекали.

Из рыбы делали и обрядовый пирог «рыбник». Рыбу для этого пирога чистили, потрошили, но голову не отрезали. Тушку рыбы целиком укладывали на сканец из теста и закрывали, пирогу придавали прямоугольную форму. У такого пирога сначала съедали «крышку», а потом отламывали руками кусочки теста с рыбой. Во второй половине XX в. из сушеной рыбы стали делать котлеты: рыбу размачивали, мололи, добавляли булку, тщательно вымешивали фарш, затем валяли и жарили котлеты.

Значительное место в питании вепсов отводилось молоку и молочным продуктам. Их употребляли как напитки, замешивали на них тесто, делали начинку для пирогов и калиток, добавляли в супы, каши, запеканки. Летом часто готовили окрошку. В ее состав входили простокваша, холодная вода (прямо из бочки), зеленый лук и соль.

Сразу после дойки молоко разливали в горшки и выносили на холодок, в кладовку. Когда оно закисало, снимали сметану и складывали в горшок. Из накопленной сметаны сбивали масло. Делали это

чаще всего вручную, при помощи мутовки. Готовое масло промывали, летом добавляли соль (чтобы не портилось). Для того чтобы дольше сохранить сливочное масло, его перетапливали — ставили в горячую печь. Отопки не выбрасывали; их ели с блинами, либо макали в них хлеб, картошку.

Из закисшего молока делали творог. Простоквашу наливали в горшки и ставили в печь на день. Вечером вынимали и сцеживали сыворотку. Творог опрокидывали на сито либо на льняную ткань и слегка отжимали. Творог ели в свежем, приготовленном виде и заготавливали впрок. Накопленный за лето творог осенью и зимой ели с молоком. Во второй половине XX в. вепсы стали варить сыр.

В вепсской кухне для приготовления блюд использовались два вида жиров: топленое и постное масло. Наиболее разнообразно в вепсской кухне представлены блюда, приготовленные из различной муки и круп. На первом месте по употреблению среди будничной пищи стояли овсяные блины, их пекли каждый день, а в большинстве вепсских домов они заменяли хлеб. Пресное тесто для блинов готовили из овсяной муки. Его затворяли на простокваше или на воде незадолго до выпечки. Пекли блины очень тонкие — что приставало к сковороде, то и пекли, а лишнее сливали в опарник. На завтрак их ели горячими, а потом — холодными. Способов употребления блинов было много. На завтрак их смазывали маслом и посыпали толокном, макали в различные подливки из сметаны, творога, простокваши, ягод, в вытопки от масла, в крошево из соленых грибов. На обед блины ели с печеным картофелем, с яичницей, с мелкой жареной рыбой.

Самой простой и быстрой в приготовлении едой считалась «загуста» из ржаной, овсяной либо ячменной муки. Муку насыпали в миску, добавляли кипяток и размешивали до кашеобразного состояния, — блюдо готово к употреблению. Загусту ели с маслом, брусникой, морошкой. Эту пищу можно было по необходимости приготовить в любое время дня, а вот всю остальную еду готовили с утра на весь день (пока

«Pohlebk» (похлебка из картофеля)

Сырой картофель нарезать мелкими кусочками, положить в глиняный горшок или чугунок. Добавить воды столько, чтобы картофель был покрыт водой. После этого поставить горшок в печь. Во время приготовления картофеля нужно несколько раз размешать мутовкой. Как только картофель полностью разварится и похлебка загустеет, горшок нужно вынуть из печи и посолить готовое блюдо. Похлебку обычно ели со сливками, снятыми с молока.

«Lemus» (рыбный суп)

Для приготовления супа использовали любую речную или озерную рыбу. Рыбу потрошили, вынимали внутренности, отрезали голову, плавники и хвост. Очищенную рыбу укладывали в горшок или чугунок, наливали воды. Затем в емкость для приготовления супа добавляли нарезанный картофель, лук и любую хорошо промытую крупу (кроме пшена). Горшок ставили в печь. Когда крупа становилась мягкой, суп считался готовым. Готовое блюдо солили. Во время еды в миску с супом добавляли немного молока.

«Pudr» (загуста)

Свежую рожь смолоть на жернове. В горшок или чугунок налить холодную воду, высыпать ржаную муку, хорошо размешать, добавить соль и поставить в печь. Когда каша закипит, она готова. Пудр ели с простоквашей.

«Bolkaš» (брусничная каша)

Бруснику промыть, сложить в горшок или чугунок и поставить в печь. Когда брусника разварится и даст сок, добавить ржаную муку, перемешать и поставить в печь на несколько минут. Брусничную кашу ели горячей.

«Malinnäk» (чай из малины)

Ветки малины с ягодами мелко рубили топором, затем складывали их в горшок или чугунок, добавляли немного воды и ставили в печь. После того как ветки распарятся, их вынимали из горшка и сушили. Хранили чай из малины в полотняных мешках. Использовали в качестве заварки.

На стр. 212–213:

Традиционная вепсская выпечка — калитки. Деревня Башмаковская. 1927 г.

¹ Майнов В. Н. Приоятская чюдъ (Весь — Вепсы) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. С. 133–134.

Белая печь с «карзиной/каржиной» — рундуком в доме. Деревня Боброзеро. 1928 г.

печь горячая). В первую очередь варили суп и кашу; когда печь немного остывала, в нее ставили калитки, пироги, яичницу, запеканки.

Толоконную кашу варили на молоке, перловую готовили со сметаной, а ячневую запекали с молоком в горшочках. Крупы добавляли в различные супы. Крупы вепские крестьяне делали сами: мололи зерно на ручных жерновах, толкли деревянными пестами в больших ступах. Наиболее сложным процессом было приготовление толокна: овес «парили» в печи (в кадку с зерном наливали воду и опускали раскаленные камни). Затем овес перекладывали в решето для того, чтобы стекла вода. После этого сушили на поду печи. Высушенное зерно возили молоть на мельницу, а дома просеивали. Зажиточные крестьяне, помимо крупы домашнего изготовления, использовали и покупную крупу: пшено, манную, гречневую. Из пшена и гречи варили кашу, делали начинку для пирогов, а из манной крупы, молока, яиц и сахара делали запеканку — «драчёну».

Хлеб вепсы считали дорогим кушаньем; ели его в основном как самостоятельное блюдо — брали на сенокос, в дорогу. Для приготовления хлеба использовалась преимущественно ржаная мука с отрубями

либо просеянная в решете, реже просеянная через сито. Пшеничная покупная мука употреблялась только в большие праздники. Для мягкости хлеба в тесто добавляли тертый сырой или вареный картофель. В качестве закваски для хлебного теста использовали старое тесто, оставшееся в квашне (квашню не мыли), либо закваску, приготовленную из картофеля и хмеля. Ржаное тесто замешивали в квашне, а пшеничное — в больших глиняных горшках, опарниках.

Тесто на хлеб ставили с вечера, утром в него добавляли муку и вымешивали руками. Когда тесто вновь поднималось и начинало оседать, из него формовали хлеб — раскладывали тесто в деревянные чашки для придания выпечке округлой формы. Затем чашку опрокидывали на лопату с длинной рукоятью и помещали хлеб на чисто выметенный под печи. Если хлеб пекли в формах, то тесто не валяли, а прямо из квашни рукой выкладывали в подготовленные емкости, где оно и подходило. Обычно хлеб пекли сразу на всю неделю.

В праздники вместо хлеба к столу подавали различные выпечные изделия из кислого, полукислого и пресного теста: колобы, кокачи, гороховые житники, гречневики, калитки с творогом, картофелем, пшеном и «пряженные» (жареные в масле) пироги с толокном либо пшеном. Пряженцы жарили на сковороде в масле. На пресные ржаные пироги тесто раскатывали очень тонко, калитки делали с открытым верхом. Пироги из кислого теста пекли как закрытые, так и открытые. Пироги прямоугольной формы начиняли картошкой, брюквой, ячневой кашей. Лучшей начинкой для пирогов считали мясо и рыбу; такую выпечку готовили только на самые большие праздники. Сладкие пироги пекли круглой формы открытые либо «с крышкой». В качестве начинки использовали свежие, пареные и сушеные ягоды: бруснику, морошку, чернику, черемуху.

Также к большим праздникам и важным дням календаря вепсы пекли различный обрядовый хлеб. Наиболее распространены были «крестьяжки» — небольшие хлебцы из белой либо смешанной муки с крестом.

Их пекли в среду четвертой недели весеннего поста. Молодежь угощала ими своих близких родственников: отца, мать, крестных (за это они должны были «отдаться» — сделать подарок). «Четверговый хлеб» пекли на последней неделе поста из ржаной муки. Он предназначался для скотины: скармливался в день первого выгона на пастбище (для молочности и спокойной пастбы летом). В Прионежье к празднику Рождества выпекали большой круглый хлеб из ржаной муки «коуриг». Этот хлеб с солонкой лежал на столе весь святочный период с Рождества до Крещения (его не ели, а использовали в различных обрядах).

Из-за недостатка ржаной муки в хлебное тесто хозяйки клали различные добавки. Чаще всего для этих целей использовали ячменную солому. Ее предварительно просушивали, затем толкли в деревянных ступах, а после мололи на ручных жерновах вместе с рожью. В голодные годы в тесто для выпечки хлеба добавляли березовые опилки. Их готовили специально: на козлы укладывали березовые поленья, а под них стелили мешок — на него падали опилки. Если же хлеб было печь не из чего (не было муки), то его заменяли лепешками, приготовленными из различных заменителей зерновых. Повсеместно для этих целей вепсы заготавливали цветы красного клевера. Их сушили на печи, а потом перемалывали в муку.

Не раз во время голода вепсов спасали каша и «хлеб» из сосновой коры. Сырье для сосновой муки начинали заготавливать весной, «после первого грома». Сосну выбирали; требовалось такое дерево, с которого легко сходила кора. Дерево подрубали с одной стороны, чтобы оно не упало полностью на землю. Сучья обрубали и осторожно стесывали верхний слой коры, так, чтобы на дереве остался внутренний слой, прилегающий к древесине. Затем ножом вокруг ствола делали два кольцеобразных надреза (один от другого на расстоянии около метра). Между ними делали несколько продольных надрезов. Кору снимали специальными скребками из оленьего рога длиной 20–30 см. Пласты коры сушили на печи до тех пор, пока они

не становились совершенно хрупкими. Тогда их ломали на более мелкие куски и толкли в большой деревянной ступе. После этого их мололи на ручных жерновах. Тесто для хлеба замешивали из этой муки, воды, кислого молока. Раскатывали его очень тонко и выпекали в виде лепешек 20–30 см в диаметре.

Большим подспорьем в пище являлись грибы и ягоды. Грибы употребляли в свежем виде — отваривали, жарили — и заготавливали впрок: солили, сушили. Все соленые пластинчатые грибы вепсы называли «волнушками» или «рыжиками». Раньше любимыми кушаньями считали блюдо, называемое «сень» — отварные волнушки, обжаренные на сковороде с толчеными конопляными семечками, и «кобе» — грибы, завернутые в овсяный блин. Клюкву и морошку «мочили», бруснику запаривали, малину, чернику и черемуху сушили. Черемуха пользовалась у вепсов особой популярностью. Ее обязательно сажали перед фасадом избы. Крупные, сочные и сладкие ягоды, почти не вяжущие, в свежем виде были лакомством для детей, а сушеные ягоды почти повсеместно заменяли семечки подсолнуха (которые было принято «щелкать» на праздниках и гуляньях). Также свежую черемуху ели с сахарным песком.

Посты вносили большие изменения в пищевой рацион вепсов. Так, молоко можно было употреблять во время Великого поста только один раз — при совершении обряда «новотела», который приходился на конец февраля. Потребление мяса также строго регламентировалось христианским календарем и годовым циклом. Мясо телят и баранов засаливали. Его ели в основном с октября и до Великого поста. В марте, если мясо оставалось, его вялили, чтобы не испортилось. Перед приготовлением пищи из такого мяса его долго вымачивали. В конце XIX — начале XX в. у большинства крестьянских семей мясо редко встречалось на столе. Только у самых зажиточных хозяев оно не переводилось в течение всего года. Дичь в вепских деревнях практически не ели — все, что было поймано, шло на продажу. Свинина вошла в пищевой

рацион только в 1920-х гг., когда вепсы стали сами разводить этих животных.

Пиво издавна было одним из самых распространенных хмельных напитков. Варили его к праздникам. Для небольшого числа гостей либо зимой пиво варили в печи в глиняном сосуде, а для общественных трапез — в огромных котлах или бочках емкостью до 100 литров — на улице. Если в празднике принимали участие все жители деревни, то приготовление этого напитка становилось делом общественным. В таких случаях сбор необходимых компонентов для варки пива проводился в складчину. Процесс приготовления пива проходил в три этапа: подготовка солода и хмеля, приготовление сусла, изготовление пива.

Вепсы варили пиво ржаное и ячменное. Зерно старались выбирать лучшее, так как его качество существенно влияло на качество пива: чем слаще солод, тем напиток получался крепче и вкуснее. Зерно замачивали колодезной водой на двое-трое суток в большой деревянной кадке. Затем воду сливали, а влажное зерно пересыпали в специальное корыто либо рассыпали на мешки по полу на два-три дня для прорастания. Проросшее зерно выкладывали на холст, расстеленный на печи, сверху покрывали одеялом. Спустя несколько дней одеяло снимали и зерно сушили на печи. Во время сушки его периодически перемешивали, чтобы оно равномерно высыхало и не образовывались комки. Затем зерно мололи на ручных жерновах и готовый к употреблению продукт в виде муки хранили в деревянных кадках или в мешках. Сбором хмеля, используемого в приготовлении пива, занимались в конце августа — начале сентября. Шишки хмеля хранили в мешках из льняной ткани возле печи. Для получения хмельного пива использовали отвар хмеля, его настаивали в глиняных горшках.

Из солода готовили сусло. Зимой сусло готовили дома в печи, для этой цели использовали специальные глиняные горшки больших размеров с отверстием в нижней части тулова. В них клали солод и заливали холодной водой, отверстие затыкали соломой, а снаружи замазывали тестом.

Горшки ставили в протопленную печь и оставляли на ночь до полного остывания. На следующее утро отверстие открывали, и через него в корыто сливали густое темное сусло, в качестве фильтра использовали ржаную солому. Как только сусло вытекало, в горшок наливали кипятка, перемешивали и снова сцеживали. Сусло переливали в деревянную кадку с отверстием внизу, закрытым при помощи пробки. На дно кадки укладывали связанную жгутом солому. В сосуд с солодом добавляли холодную воду и тщательно перемешивали. Жидкость в кадке не должна была доходить 10–15 см до края. Варили сусло с использованием раскаленных камней — их опускали в воду при помощи железных щипцов. Сусло должно было хорошо прокипеть, чтобы потом не случилось расстройства кишечника. По этому поводу молодежь шутила, что если идешь на праздник в деревню, где пиво обычно недоваривали, то обязательно нужно брать с собой запасные кальсоны.

После этого кадку накрывали крышкой или тканью и оставляли на несколько часов до полного остывания. Затем из отверстия кадки вынимали пробку, и сусло стекало в корыто. Из корыта сусло вычерпывали деревянными ковшками с длинной ручкой, разливали в кадки, в которых оно должно было «ходить», и добавляли сцеженный отвар хмеля. Кадки ставили на печь для брожения на четыре-пять дней, после чего хмельное пиво считалось готовым. В целом весь процесс варки домашнего пива составлял 18–20 дней. Чем дольше бродило пиво, тем оно становилось крепче и темней, такое пиво считалось мужским, женщинам полагалось пить светлое пиво. Готовое пиво хранили в жбанах.

Также в числе напитков, которые входили в пищевой рацион вепсов, были чай, различные квасы, жидкие кисели: овсяный, ржаной, клюквенный, а еще брага. После революции стали варить самогон. Настоящий чай был редкостью, на вепском столе его заменял «малинник» — высушенные специальным образом ветки малины с листьями и ягодами — и чай из трав (зверобоя, кипрея) и сушеных ягод (черники, малины, черемухи). На покосе

и в дороге чай готовили из зверобоя, веток малины и хлебных корок. Воду для домашнего чаепития старались брать дождевую. Самовары в каждом вепском доме появились только в 1920–1930-х гг., а до этого чай в бедных домах заваривали в больших глиняных чайниках и только по большим праздникам. В будни чай заменяли квасом, молоком, сывороткой. К праздничному чаепитию на весь зимний период покупали всего один килограмм сахара на семью.

В жаркое время года на сельскохозяйственных работах пили овсяный и ржаной кисель. На праздники готовили кисель из клюквы и брагу, а иногда и самогона (чаще его варили для продажи). Брагу делали из сока ягод, мезги и закваски либо из зерна (для этих целей его вымачивали дольше, чем для пива, — семь дней). В качестве закваски использовали тертый вареный картофель, сухари, хмель. Необходимые для браги продукты укладывали в небольшие деревянные кадки и ставили на брожение сначала в теплое место, а потом в прохладное. Когда брага начинала пениться, ее процеживали и переливали в емкости, предназначенные для хранения.

В крестьянских вепских семьях ели три раза в день. За стол собирались всей семьей. Перед едой обязательно молились. Обычно на стол накрывала мать или старшая в доме женщина. Хлеб делил хозяин дома. Основные блюда подавали на стол в большой миске, все ели из нее своими ложками. После еды, когда вставали из-за стола, крестились. Завтракали около восьми утра. Будничный стол отличался простотой. Завтрак был неплотным — репа, редька, горшок вареного «моля» либо овсяные блины и чай. Обедали в полдень (в 11–12 часов). В обед ели суп, щи, кашу, блины, рыбу, вяленое мясо. Раньше считали, что когда сварены щи и приготовлено еще какое-нибудь блюдо, кроме овощного, то пища обильная. Без первого блюда еда считалась скудной. Ужинали тем, что оставалось от обеда. В бедных семьях на завтрак обычно съедали по четыре картофеля и квас, затем с куском хлеба отправлялись на весь день на работу. Поздно вечером семья садилась ужинать: съедали

две чашки «сущика» — ухи из сушеной рыбы и две чашки «репницы» (кваса) — вот и вся пища на день. Если же в доме не было рыбы, то ее заменяли грибами.

В воскресные дни и в праздники обед был обильным. На «постный праздник» готовили редьку с квасом, вареные бобы, молочную или картофельную яичницу, молочную кашу из толокна или ячменя, сладкое тесто и т. п. По большим праздникам в Мясоед на стол вначале подавали рыбные блюда, затем суп в больших мисках. После того как его съедали, на деревянных блюдах приносили суповое мясо. Затем ставили на стол яичницу, картофельную запеканку, пироги. Обед заканчивался чаепитием. В самых богатых домах особо уважаемым гостям к чаю подавали пряники, конфеты и изюм.

В целом традиционная народная пища вепсов находилась в прямой зависимости от уклада и образа жизни крестьян. Также она отражала особенности национального характера, вкусы и предпочтения народа. Из-за бедности значительной части населения вепсы не могли позволять себе разнообразие и изыски. Состав пищи определялся натуральным характером хозяйства крестьян. Повседневная пища отличалась простотой и однообразием. Только в праздничные дни на столе появлялись более затратные по времени и деньгам блюда.

Народные
верования
и народные
знания

Дохристианские верования веками были органически соединены со всем укладом традиционного крестьянского быта вепсов, поэтому народная демонология, несмотря на многовековую православную традицию, имела широкое распространение. Во многом такая ситуация сложилась из-за недостаточного знания вепсами русского языка, которое не позволяло деревенским жителям знать все тонкости Святого Писания. Вследствие этого им гораздо ближе были разного рода духи: лесной хозяин, водяной, домовый, хозяева риги, гумна, поля и др. Крестьяне верили, что все эти демоны появились со времени сотворения мира. В начале XX в. в вепских деревнях еще помнили и рассказывали легенду о появлении на земле всех этих «хозяев». По легенде, когда Бог творил землю и живых существ, дьявол из зависти мешал ему. Бог рассердился, схватил дьявола и сбросил его с неба на землю, в болото. В том месте, куда упал дьявол, образовалась большая дыра, оттуда и поползла всякая нечисть. В озеро ушли водяники, в леса — лесовики, часть нечистой силы забралась в тучи и облака и таким образом распространилась по всему свету.

Жизнь вепсов была тесно связана с лесом — он обогревал, одевал, кормил людей и позволял выжить в трудные годы. Поэтому одним из главных персонажей вепского демонологического пантеона считался лесной хозяин, леший (олицетворение леса), старший между лесными обитателями. Он выступал посредником между человеком и природой, немало каждый чухарь скормил лесовику блинов для того, чтобы получить его покровительство. Образ «мецижанда» (лесного хозяина) неоднозначен и складывался на протяжении столетий, впитав в себя черты стихийного духа и черты божества — царя леса, зверей, хозяина определенных территорий. Лесной хозяин пас зверей, заботился об их пропитании, охранял от охотников (отводил выстрел, если охотник не заключил с ним договор). По мнению крестьян, лесовик не распоряжался только водоплавающими птицами.

Любимое время у лесного хозяина — ночь, сумерки, но в густом лесу он мог

появиться и утром, и днем. Крестьяне считали, что у лесовика есть свои праздники: Ильин день — в это время открывались волчьи норы, и Воздвижение. В эти дни они опасались ходить в лес из-за боззни встретиться с лесовиком. Особенно опасной считалась встреча со «свадьбой лесовика». На добровольную встречу с «хозяином» соглашались только люди, наделенные сверхъестественными способностями и знаниями: охотники, пастухи, колдуны и знахари.

Останавливаясь в лесу на ночлег, нужно было просить разрешения у лесного хозяина и его хозяйки: «Лесные хозяева, позвольте переночевать!». Если же поблизости от места, выбранного для сна, не оказывалось никаких укрытий, то ложились спать под ель, а не на лесную дорогу. Считалось, что спящего на пути всю ночь леший за ноги будет дергать. Даже когда ночью пасли коней на лесных опушках, обязательно говорили: «Хозяин-батюшка, укрой от темной ночи!» Если этого не сделать, то лесовик рассердится и будет гонять коней. А уж если помянешь в тот момент нехорошим словом его родительницу, то может и загубить животных — загнать в болото. Нечистым деревом, деревом лешего вепсы считали осину, под ней нельзя было прятаться во время грозы.

Встреча с лешим, особенно если он пересечет дорогу, предвещала несчастье, смерть. Часто, если кто заболел в лесу, полагали, что это дело лесовика. Для того чтобы снять порчу, больному следовало взять из дома куриное яйцо, положить его в левую руку и пойти в лес, встать на перекрестке дорог и попросить прощения у лесного хозяина. Яйцо оставляли в лесу. Считали, что, если лесовик услышит просьбу, болезнь пройдет. Для того чтобы обеспечить себе безопасность в лесу при встрече с лешим, руководствовались правилом: если стал говорить с лесовиком, запомни первое слово, которое сказал, и повторяй его в ответ на каждый вопрос лесного хозяина, тогда он ничего плохого не сделает и исчезнет.

В период с Михайлова дня (29 сентября), когда лесной хозяин проводил с людьми «дележ» — лес брал себе «лесное», а людям

отдавал «людское», — и до ранней весны «хозяина», находящегося «на покое», леший раз старались не тревожить, особенно зимой, когда лесовик находился под землей. Но как только лес начинал пробуждаться от зимнего сна, «мецижанд» вступал в свои лесные владения и начинал общение с людьми.

Утром в Великий четверг девушки ходили в лес в одиночку и вызывали хозяина леса для помощи в исполнении желаний. Считалось, что лесовик мог исполнить три просьбы. Девушка вставала на пригорок и выкрикивала их одну за другой. Перед каждой просьбой нужно было громко «проукать». Последняя просьба всегда была о замужестве. В этот же день у крестьян было принято гадать «на судьбу». Для этого нужно было сесть в лесу на старую березу и три раза громко позвать лесного царя — он непременно явится и предскажет будущее. В своей магической практике вепсы часто обращались к лешему с различными просьбами через печную трубу. Заклинания выкрикивались в нее с наступлением полуночи. Чаще это были просьбы о «разведении» или «соединении» супругов, о «присушении» мужчины к женщине и т. п.

Первый выгон скота в Егорьев день являлся своеобразным договором между лесным «хозяином» и пастухом, по которому лесовик брал на себя обязательство охранять стадо в течение всего периода выпаса. Общались с лесным духом колдуны — «нойды». Обычно их было несколько на один куст деревень. Крестьяне считали, что только им может подчиниться лесной хозяин. Поэтому, если скот пропал (попадал на «лешиев след»), отправляли деревенскую колдунью в лес поговорить с «другой половиной» — женой лесовика. Если они «договаривались», то скотина возвращалась домой. Иногда жертву за возвращение коровы или лошади приносили сами хозяева — они шли на перекресток дорог и бросали там крест из лучины, а на дерево, растущее при дороге, клали горбушку хлеба, щепотку чая и сахар.

Во время первого посещения леса в начале сбора ягод и грибов обязательно приносили жертву лесному хозяину. Ягоды и грибы оставляли на пне, у придорожного

креста или на перекрестке дорог. Если не задобришь лесовика, то домой придешь с пустой корзиной, а возможно, и на невидимую дорогу лешего попадешь, заблудишься. Часто леший «водил» человека в наказание за неправильное поведение в лесу. В этом случае избавиться от лесного духа можно было при помощи молитвы либо посредством выворачивания одежды. А если лесовик просто так решил подшутить над человеком — то и при помощи матерной брани.

Охотники верили в то, что удача на промысле полностью зависит от лесного хозяина, для этого с ним обязательно нужно было заключить договор, тогда он и лисицу в капкан загонит, и рябчика в силок толкнет. Находящийся под его покровительством охотник всегда будет с добычей. Охотники, когда шли в лес, несли с собой жертву: в первый куст по левой руке бросали овес, серебряную монету и перья. Овес давал разрешение охотиться на земле, серебро — под землей, перья — в воздухе.

Считалось, что лесовик не может жить без работы, и если он не у дел, то обязательно придумает что-нибудь неладное — то ребенка утащит, то в деревню придет пугать людей, которые за водой в темное время ходят. Часто к лешему попадали дети, проклятые своими родителями. Если на шее у них был нательный крестик, лесной хозяин их не обижал. Крестьяне говорили, что таких детей он кормил и берег, скрывал в лесу какое-то время, а потом обязательно приводил их на то место, где их могли найти люди.

Согласно представлениям вепсов в водоемах обитали водяной и русалки. Чаще всего местом их жительства были глубокие речные омуты и озера с темной (торфяной) водой. Считали, что вода — это царство водяного, он в ней хозяин, там хранятся его несметные сокровища. У каждого водоема был свой водяной. Водяники различались по рангу. Главный водяной ведал всеми водами, второстепенные отвечали за отдельные озера и реки. В отличие от лесных обитателей, водяников и русалок считали более опасными, так как они могли погубить и человека, и скотину,

Мецижанд или лёший — хозяин леса. Каждый вепс знал различные магические обряды на случай неожиданной встречи с ним. Наиболее почитательно вепсы относились к воде — считалось, что если осквернить воду — она обязательно ответит страшными болезнями. В воде жил свой хозяин — дух воды Водяник, злой и коварный.

На стр. 220–221:

Прогон скота под воротами с иконами в заветный праздник и окропление священных ворот. Деревня Сарозеро. 1927 г.

водяной — утащить в воду, а русалки — заманить. От водяного зависело все: и рыба, и удача в ловле, здоровая и нездоровая вода, а также благополучие людей, находящихся на воде и у воды. Водяник мог наполнить рыбой мережи, а мог опрокинуть лодку. На воде и у воды нельзя было говорить худых слов — водяник услышит! Если слова были произнесены, то следовало бросить в воду монету — иначе человека никакая вода носить не будет. Беда будет и тому, кто, переходя реку по мосту, не поклонится старику.

Вепсы считали, что водяной приносит зиму, что пока он не уйдет из озера, оно волнуется. Зимой он появлялся в облике олицетворенного льда — ездил по рекам весь ледяной, лошадь, дуга, сбруя и сани — все ледяное. Утверждали, что он похож на рыжую собаку с очень длинной шерстью, но ходит как человек. Уши у него как у коровы, а грудь как у старой женщины. Другие говорили, что водяной ростом больше человека, голова с теленка, тело покрыто волосами, которые он постоянно расчесывает, сидя на камне. Питается он рыбой, любит превращаться в животных и рыб, чаще в большую щуку. Показываясь людям, водяник мог принимать внешность знакомых, родственников увидевшего его человека. Широко было распространено представление о том, что водяной представлял перед человеком в облике утопленника либо коряги. Особенной опасности на воде подвергались молодые светловолосые женщины — они в первую очередь становились добычей водяного хозяина.

В народе говорили, что водяные не любят шумных людей и не переносят, когда у воды поминают медведя, зайца, попа, дьяка и Господа Бога. За непочтение к себе они могут отомстить. Время водяного — полдень, полночь и вся темная часть суток. Особенно опасны водяники в ночь на Иванов день, Петров день и Ильин день, а также в Ивановскую и Ильинскую недели, во время созревания ржи. Обычно в эти дни родители не пускали детей купаться. Опасаясь водяного хозяина, в сельской местности избегали проходить ночью мимо озера, реки, так как в это время «вода отдыхает» и тревожить ее нельзя.

Хорошо зная нрав водяников, крестьяне избегали купаться в мелких местах после захода солнца, а в глубоких и незнакомых водоемах даже днем не купались. Перед тем как войти в воду, нужно было обязательно спросить позволения у «хозяина», иначе он «закупает» человека. Считали, что водяной чаще топит людей, купающихся без нательного креста или не осенивших себя крестом перед входением в воду. Обезопасить себя от водяного можно было посредством растения «петров крест», его прикрепляли к нательному кресту или к другим предметам, на рыбалке — к блесне.

Также нельзя было купаться после дождя — в это время русалки моются и могут зашекотать до полусмерти. Крестьяне верили, что в русалок обращались проклятые люди, или души некрещенные — дети, умершие при рождении, или девушки-утопленницы. Русалки являлись человеку в облике девушек, сидящих на камне и расчесывающих свои длинные черные волосы. Видели их и играющими в воде, чаще — вертящимися на мельничных колесах. Обычно они выходили на поверхность утром и вечером. Если замечали кого на берегу, то сразу прыгали в воду. «Водяную бабу» иногда видели и в деревне, там она представляла перед крестьянами в обличье кого-либо из соседей.

Несмотря на свою вредоносность, водяной иногда помогал человеку — обеспечивал хороший улов, помогал мельнику молоть муку, для этого нужно было лишь своевременно принести приношение. Весной перед началом лова рыбаки бросали в водоем еду, табак и просили о помощи. Опуская в воду «жертву», говорили: «Храни, паси нашу семью!» Подобные обряды совершали и мельники (мельник, общающийся с водяным, должен сам быть колдуном, иначе ему жизни не будет). Когда не ладилась запруда, водяному следовало пообещать в дар человека. Проплывая мимо тех мест, где, по представлениям крестьян, жили водяные, нужно было отвешивать глубокие поклоны водяному царю, снимать шапки.

В прежние времена, если в озере тонули люди и водяной не оставлял в покое их родственников, крестьяне собирали

специальные деревенские сходы, на которых принималось решение о совершении обряда жертвоприношения. Жертва в этом случае должна была быть очень значительной, чаще всего это был теленок, которого бросали в водоем. Однако бывали случаи, что и водяной хозяин обращался к крестьянам за помощью. Например, когда в водоеме поселялся непрошенный гость — водяник из соседнего озера или реки, посягающий на собственность местного водяного. Если крестьяне помогали его прогнать, то водяной давал обещание, что в его водоеме люди никогда не будут тонуть.

У вепсов, проживавших в Тихвинском уезде, было широко распространено представление о том, что помимо водяного существуют и водяницы — женские духи воды. При одном их упоминании крестьяне крестились и отплевывались. Рассказывали, что «тело у них покрыто длинной шерстью, как у козла, а волосы длинные, как у баб». Водяницы вели жизнь оседлую и редко переселялись с места на место. Если рядом с местом обитания водяницы стояли бани, то существовала опасность их проникновения в помещение для мытья. Поэтому крестьяне опасались ходить мыться вечером и в праздничные дни. Во всех деревнях раньше можно было услышать рассказы о проказах водяницы, о том, как она хватала баб за руки, когда те полоскали белье, или за ноги, когда купались в реке. Временем наибольшего разгула этой нечистой силы считали часть ночи перед первыми петухами.

Крестьяне верили, что духи, обитающие в водоемах, могут забраться и в воду, взятую из озера, реки, ручья, колодца для питья. Чтобы обезопасить себя от водяных, на деревянных срубах колодцев вырезали обереги — косые кресты, а перед тем как пить воду, на нее дули, затем крестили. Полагали, что после этих действий нечистая сила не сможет проскочить в утробу и навредить человеку.

Наиболее опасным духом, отличающимся от остальных представителей вепсского демонологического пантеона прескверным характером и злобой, был хозяин бани. Считали, что этот дух поселяется в бане после того, как в ней побывала роженица.

Люди, находящиеся в бане, оказывались в полной власти ее хозяина, так как, входя в баню, они снимали с себя нательный крест. На добровольную встречу и общение с банником крестьяне решались только в период зимних святок, в это время к бане ходили «слушать» — гадать на свое будущее.

Хозяину бани нужно было постоянно оказывать знаки уважения. Перед тем как переступить порог бани, нужно было «попроситься» — поставив ногу на порог бани, сказать: «Позволь, кюльвет ижанд, в твоей баньке попариться!», а помывшись, обязательно поблагодарить хозяина. Из бани выходили спиной к двери. Ни в коем случае нельзя было в бане сквернословить — это рассматривалось как оскорбление ее хозяина. Соблюдение в бане определенных норм поведения защищало человека от гнева злого духа. Во избежание встречи с «хозяином» старались не ходить в баню в полночь, в полдень и в четвертый пар (в это время дух бани моется).

Если в котле после мытья оставалась вода, ее обязательно нужно было чем-то покрыть, хотя бы поленом, а утварь, в которой держали воду, должна была быть перевернута. Поскольку банный дух всегда мылся в бане после людей, ему нужно было оставлять веник и мыло, а перед тем как уйти из бани — обязательно прибраться, помещение бани всегда должно было содержаться в чистоте. Когда банный хозяин был не в настроении либо когда нарушались запреты, связанные с поведением в бане, банник мог замучить человека насмерть, наказать — посадить на каменку и подпалить. Опасно было оставлять одну в бане роженицу — ребенка мог забрать банный дух. В сильном гневе банник мог и спалить баню.

Самый добрым духом был домовый. Он охранял крестьян от вторжения нечистой силы и являлся хранителем очага. Место его обитания — печь и пространство вокруг печи, в том числе и в подполье. Если печи не было, то домовый мог поселиться рядом с местом хранения веника, помела. Он был невидимым членом семьи, который заботился о людях и требовал от них соблюдения определенных норм поведения.

Люди верили в то, что без домового изба не может существовать. Отношение к духу дома было доброжелательное, его уважали и ласково называли «дедушкой», «хозяином». Считали, что домовый зла людям не сделает, а наоборот, постарается предупредить об опасности и несчастьях, может даже начавшийся пожар потушить. Говорили, что домовый особенно любит семьи, которые живут в полном согласии, а нерадивым хозяевам он может навредить. В деревнях было принято, просясь на ночлег в чужую избу, сначала попросить разрешения заночевать у домового духа.

Приглашать «хозяина» на житье в новую избу начинали тогда, когда постройка была сложена на пять-шесть венцов, но чаще всего переход осуществлялся во время, когда новое жилище было уже готово к переезду семьи. Способов перевода домового в новый дом было много. В одних деревнях крестьяне выгребали из печи «жар» — угли, золу, — складывали все это в пустой глиняный горшок и несли в новый дом, где при помощи еще горячих углей растапливали печь в новой избе. Считалось, что вместе с «жаром» в новую избу переходит и домовый. В других населенных пунктах при переселении в новое жилище домового переносили при помощи горбушки хлеба, отрезанной от непечатого каравай, которую посыпали солью и помещали под печь. Затем брали хлеб (домового) и переезжали. Когда домовый был недоволен обитателями своего дома, он вел себя плохо — стучал, топал, хлопал дверьми, а по ночам, когда крестьяне спали глубоким сном, он их щипал. Обезопасить себя крестьяне могли только матерной бранью.

За сохранность крестьянского хозяйства наряду с домовым отвечали дух двора (хлева) и его жена, которых представляли в облике маленьких старичка и старушки либо в виде крысы, мыши. Говорили, что хозяина хлева можно увидеть, если тихонько войти в конюшню ночью, но поскольку ему это не нравилось, то, перед тем как войти, следовало откашляться — дать знак «хозяину».

После того как построят хлев, хозяева разравнивали земляной пол и сеяли на него зерна трех сортов: ячмень — для коров,

рожь — для лошади, овес — для овец. Считалось, что после совершения этих обрядовых действий животные будут хорошо жить и плодиться в новом помещении. Затем хозяин оставлял подарок дворовому под девятой потолочной доской и говорил: «Хозяин и хозяйка, примите мою скотину (называл масть), пусть плодятся и рождаются, охраняйте и оберегайте, кормите и поите, пусть спят спокойно!»

Покровителям хлева, как и другим духам, «лояльным» к людям, часто приносили жертвы. В рождественские и новогодние праздники хозяйка, взяв подарки — хлеб, чай, сахар, шла в помещение, где находился скот. Войдя, она кланялась во все углы и, раскладывая по ним еду, каждый раз говорила: «Хозяин хлева и хозяйка хлева! Примите подарки!» Осенью, когда животных загоняли в стойло на весь зимний период, также делали приношения — встав на середину хлева, хозяйка бросала на пол горсть зерна, а потом раскладывала по всем углам «гостинцы», куски хлеба, завернутые в красную ткань.

Основной обязанностью хозяина хлева была забота о скотине. Для того чтобы ей жилось хорошо, крестьяне старались подбирать животных «в масть», то есть такого окраса, который нравился «дворовому». Иначе он замучает животных — будет гонять по ночам, отбирать корм, таскать за уши, поедать шерсть на шее, сбивать гриву лошадям в колтуны и т. п. Своим любимцам же он покровительствует — чистит лошадей скребницей, гладит, заплетает хвост и гриву, кормит скотину и ухаживает за ней. Чтобы вылечить корову, которую мучает дворовой, нужно было войти в хлев, держа в руках камень-песчаник, и со всей силой бросить его в угол так, чтобы он рассыпался.

К числу опасных демонов вепские крестьяне относили хозяина риги и хозяина гумна. В независимости от того, какими были «хозяева», деревенские жители должны были жить с ними в ладу, так как именно от этих духов зависела судьба урожая. В гневе «ригачник» мог спалить ригу, а хозяин гумна — плохо смолоть муку. При посещении риги и гумна нужно было обязательно здороваться с хозяевами

и просить у них разрешения на проведение работ. Перед началом молотбы обязательно приносили жертву «ригачнику». Это могла быть еда, а иногда первый (последний) сноп — его засовывали в окно риги. Вепсы говорили: «Почтишь ригачника, так он из одного снопа четыре мешка умолота даст, а не почтишь — уноси ноги! Спалит и ригу, и хлеб!»

В вепских деревнях было широко распространено колдовство и знахарство. Раньше этим делом занимались в основном мужчины. В конце XIX — начале XX в. вепские колдуны, «нойды», считались самыми сильными в сельской округе. Колдуны могли наслать болезнь на людей и скот, могли и вылечить. Колдовской дар обычно передавался по наследству, от матери — дочери, от отца — сыну. Обучение колдовству происходило втайне от посторонних людей. Но были и исключения. Так, колдуном можно было стать, находясь у постели больного колдуна либо взяв у него какую-нибудь вещь перед смертью. Считалось, что заговоры и приемы колдовства нельзя передать, пока колдуны сами были в состоянии заниматься этой деятельностью, иначе они теряли силу. Но как только наступала глубокая старость либо болезнь колдуна, от своего «знания» ему нужно было избавиться, иначе человек будет тяжело умирать. Снять порчу, наведенную колдуном, мог только другой колдун.

Злым колдуном считался человек, который во время похорон вытирал лицо умершего человека платком и клал его в карман. Считалось, что колдуны имеют силу благодаря 12 чертям, которые находились у них в услужении. Черты выполняли за колдунов различную работу. Когда они оставались без дела, то могли свою вредоносную деятельность направить против хозяина. Поэтому их нужно было постоянно чем-то занимать. Лучше всего — придумывать заранее невыполнимые задания. Например, поручить свить веревку из песка и повесить ее на гвоздь.

Колдуна приглашали на свадьбу в качестве защитника свадебного действа. Он исполнял роль главного дружки. Перед тем как жениху и невесте ехать к венцу, колдун совершал специальный обход сва-

дебного поезда, ударяя кнутом по земле крест на крест — отгонял нечистую силу. Часто «знающих» приглашали к больным детям. Лечение состояло в произнесении заговоров у постели больного. Знахарка брала горшок с водой, опускала туда ножницы, напилек и шептала над ним: «Святая Варвара, Святой Михаил, спасите младенца», а потом этой водой обливала ребенка и говорила: «Поправится!» Также колдун мог оказать помощь в выборе места, благоприятного для строительства жилища.

У колдуна просили «обход» пастухи. Это был своеобразный договор между деревенским колдуном, пастухом и лесным хозяином. Существовало до 40 разновидностей обходов, которые регламентировали поведение человека, пасущего скот. Одним пастухам разрешалось бриться только в бане, другим вообще не разрешалось бриться, расчесывать волос, вкушать ягоды, собирать грибы. Заговор мог быть сделан на топор, на рожок пастуха. Для того чтобы период выпаса скотины прошел удачно, заговоренный топор должен был (в соответствии с текстом обхода) все это время пролежать на дне ручья. Обход можно было сделать и на сушеную рыбу — ее следовало положить в муравейник со словами: «Как муравьи в куче, так и коровы в куче».

Наиболее опасными считались колдуны, которые умели наводить порчу. Одним из способов наведения порчи являлось подкладывание «портежа», то есть заговоренных предметов. «Портеж» мог состоять из костей, сухих мух, ртути, змеиных хвостов, собачьей и кошачьей шерсти (чтобы жили как кошка с собакой), осинового гнезда, соли, человеческих волос, рыбьих костей, черного клока шерсти, толченого стекла, иглы с обломанным ушком. Обычно его заворачивали в тряпочку и подкладывали тому, кому желали зла. Местами, куда обычно подкладывали «портеж», являлись пороги, углы, окна и двери. Иногда его помещали слева от входа на третьем, шестом или девятом бревне. Были случаи, когда портеж подкладывали в карманы и даже в рукомоyny (заговоренные камни). Когда хотели навредить скотине, прятали что-либо в хлеву. Самой опасной порчей

скотины считался клин из осины или сосны, забитый в угол хлева.

Крестьяне утверждали, что порчу можно навести через еду и питье (рыбник, соль, заварку, яблоко, сыворотку), через человеческие волосы, через предметы, бывшие в соприкосновении с человеком, кусочки одежды и т. п. Также широко было распространено представление о том, что человека можно сглазить похвалой и посредством «дурного взгляда».

Большинство своих недугов вепсы лечили народными способами, если же они не помогали, то обращались к знахарям. Лечебными средствами были растительное сырье, минералы, кровь и жир животных и птиц. Тонкие слои бересты служили пластырем; жгучий сок медуницы заменял йод. Пух с кипрея использовался как вата, а сосновая и еловая смола (крестьяне называли ее «сера», «живица») употреблялись для лечения ран и порезов. Из лекарственных растений изготавливали настои, отвары, мази и порошки-присыпки. Значительное место в народной медицине занимала баня. Банный пар считался у крестьян хорошим средством для восстановления силы и здоровья, для лечения простуды и ломоты. Ряд болезней лечили кровопусканием.

В дореволюционное время в вепсских деревнях были распространены различные заболевания. Причинами такой ситуации был недостаточный уход за детьми, антисанитарная обстановка в жилищах, тяжелый, изнуряющий труд. Некоторые, по мнению вепсов, происходили от «дурного глаза» и вредоносной магии. Так, возникновение некоторых «болезней» глаз вепсы связывали с «неправильным» поведением по отношению к животным. Например, если на глазу вскакивал писяк, его появление связывали с тем, что человек дразнил собаку или «обманывал» ее (показывал и не давал еду и т. п.). Лечили эту болезнь разными способами. Чаще всего мякишем свежеевыпеченного хлеба — его прикладывали к больному глазу, а потом давали съесть собаке.

Бельмо на глазу лечили «сахарной водой». Для приготовления этого средства скоблили сахар с верхней части сахарной головы, а затем минут 15 его растирали

оловянной палочкой на оловянной пластинке. Растертый сахар высыпали в миску с теплой водой и этим раствором промыли глаза. При куриной слепоте внутренности петуха парили в печи и ели либо варили селезенку и над паром парили глаза. Если же в глаз попадала соринка, то шли к знахарке. Она укладывала человека, обратившегося за помощью, на скамейку, открывала глаз при помощи спички и своим языком старалась слизнуть соринку. Если таким образом ее не удавалось вынуть, то знахарка советовала прикладывать к опухшему глазу тряпочку, смоченную мочой.

Под простудой вепсы понимали все внутренние болезни: воспаление легких, различные виды лихорадок, бронхиты и т. п. Первым средством лечения этих недугов считались баня и натирание тела различными разогревающими средствами. Так, если был сильный жар, топили баню и, перед тем как париться, натирали себя скипидаром. А если недуг случался летом, то тело натирали крапивой. При ревматизме натирали тело салом либо медвежьей желчью. При затяжной форме простудных заболеваний пили вино с молотым перцем или настойку богородицкой травы и корня папоротника. Насморк лечили вдыханием запаха махорки, табака либо щекотали ноздри хвостом кошки — вызывали чихание. От кашля принимали отвар чашелистиков морозики и отвар листьев брусники.

Лихорадки лечили при помощи различных магических действий — выгоняли из тела болезнь. Одним из таких способов лечения был испуг. Когда больной начинал засыпать, на него выливали целое ведро холодной воды, человек в испуге вскакивал, а родные в это время кричали (то есть гнали болезнь): «Уходи, уходи от нас!» При сильном ознобе больной поднимался на колокольню и сидел под колоколом почти до потери сознания, затем родственники уносили его домой. На постель под подушку больного клали четверговый воск (воск, накапавший с храмовых свечей на пол в Великий четверг), этим же воском натирали все тело и парились в бане. Воск считался сильным исцеляющим средством.

Единственным растительным средством, используемым вепсами при зубной боли, была смола хвойных пород деревьев. Ее нагревали в печи и клали на больной зуб. Если это не помогало, дупло в зубе прижигали спичкой. Когда требовалось удаление зуба, это делали при помощи простых сапжных клещей либо вытягивали зуб ниткой — ее привязывали к скамейке, а затем больного «пугали». Он вскакивал — и зуб выдергивался. Гнойные высыпания лечили при помощи различных пластырей, мазей и припарок. В качестве «пластырей» при лечении чирья использовали тонкий слой бересты, листья подорожника, покрытые росой, луковицу, запеченную в золе. При нарыве делали припарку из коры калины (кору нужно было снять, чтобы никто этого не видел; затем ее размачивали в теплой воде). При сильных нарывах прикладывали мазь, приготовленную из меда, желчи щуки, ячменной муки, небольшого количества волчьих ягод. Если же в тело попала заноза и ее сразу не вытащили, то, чтобы ликвидировать нарыв и удалить инородное тело, к больному месту прикладывали жеваный черный хлеб, смешанный с конопляным маслом.

Детские болезни лечили также народными средствами, но лекарства, предназначенные для детей, были более щадящими по составу. Так, опрелости лечили при помощи присыпок, изготовленных из живицы (еловой или сосновой смолы), либо из дождевого гриба, растертого в порошок. Многие заболевания, в том числе бессоницу, лечили при помощи магических действий. Брали дитя на руки и несли его к дверям, затем набирали в рот воду, плевали через скобу трижды и мыли лицо ребенка. Если же это не помогало, то поили ребенка водой, настоянной на маковых головках. Практиковался также способ лечения «подобного подобным». Например, когда у ребенка была ветрянка, высыпания на теле лечили при помощи золы, полученной при сжигании сушеной травы ветреницы.

Универсальным средством, помогающим почти от всех болезней, считалось «кидание крови». Кровь пускали и старым и малым. В качестве «кровопускательной

банки» использовали рог коровы со срезанным концом. При головной боли кровь пускали с висков и затылка. При болях в спине — со спины и плеч. Кровопускание производили в бане. Перед тем как сделать надрез, место, откуда хотели пустить худую кровь, сильно растирали руками. Затем ножом делали неглубокие надрезы и ставили рожок. За одну процедуру лечения спины рожок ставили 10–15 раз. На каждом надрезе его держали около получаса, после чего кровь выливали на двор и это место забрасывали навозом. При лечении головы обычно ставили три — пять рожков. После лечения кровопусканием больного поили чаем и вином, настоящим на калгане. Курс лечения проводили каждый год в одно и то же время.

Если лекарственные средства не помогали больному, то прибегали к магической практике — просили помощи у умерших предков. Чаще всего к этому способу прибегали в случае порчи и сглаза. Для того чтобы излечиться, ходили на кладбище, где находились могилы родственников, и там выполняли специальные действия: вставали перед могилой, трижды кланялись и излагали свои несчастья, а потом просили у духов прощения и помощи. После этого опять трижды кланялись. Иногда на могилы бросали монеты.

Народные знания и верования, так же как и обряды, являлись средством передачи культуры, знаний и опыта от поколения к поколению. Они суммировали жизненный опыт сельского общества и выливались в народные приметы, которые часто являлись единственным источником знания в традиционном обществе. В подчинении народным приметам и верованиям заключалась коллективная мудрость этноса и его жизнеспособность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ЭТНОГРАФИЯ ТИХВИНСКОГО КРАЯ

Природа Тихвинского края: геология, ландшафт, растительный и животный мир

Дамберг Э. Ф. Будущее промышленности // Промышленность Тихвинского уезда. Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1926. С. 20–26.

Дамберг Э. Ф. Рыбная ловля в Тихвинском уезде // Сельское хозяйство Тихвинского уезда. Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1926. С. 54–56.

Дашкевич З. В. Ландшафтная карта Вепсовской возвышенности и смежных территорий // Материалы Комиссии по ландшафтным картам. Л., 1961. С. 17–26.

Долуханов П. М. Эволюция природной среды в Ленинградской области и проблемы расселения // Древности славян и финноугров. СПб., 1992. С. 19–23.

Дыренков С. А., Савицкий С. С. Резерват «Вепсский лес». Л., 1981. 84 с.

Клюшкин В. В., Мосин В. Г., Сушков С. Ф. Историко-географические аспекты формирования природно-хозяйственных структур Юго-Восточного Приладожья // Историческая география: тенденции и перспективы. СПб., 1995. С. 50–56.

Колмогоров А. И. Озера Тихвинского уезда // Землеведение. Кн. III–IV. М., 1907. С. 4–7.

Медведева М. А., Сорокина И. А. Флора долины реки Сясь в пределах нижнего и среднего течения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 3 : Биология. 2005. Вып. 2. С. 71–85.

Мордвинов И. П. Воложба, Радогоща, Чёрная // Новгородский север. Череповец, 1915. № 57.

Мординов А. Полезные ископаемые Тихвинского уезда // Промышленность Тихвинского уезда. Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1926. С. 27–34.

Недешев А. А. Северо-восточные районы Ленинградской области (экономико-географическая характеристика) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Л., 1959. 16 с.

Некрасова В. Л. Лекарственные растения Ленинградской губернии // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Л., 1927. С. 63–68.

Ниценко А. А. Очерки растительности Ленинградской области. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 34–71.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 512 с.

Попова Т. А., Березкина Л. И., Бычкова И. А. и др. Природный парк «Вепсский лес». СПб. : ИПК «Вести». 2005. 343 с.

Равдоникас В. И., Мордвинов А. И., Дамберг Э. Ф. Природа Тихвинского края (общие географические сведения, геология, флора и фауна). Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1925. 47 с.

Сушков С. Ф. Историко-географические особенности дифференциации освоения Ленинградской области // Историческая география ландшафтов: Теоретические проблемы и региональные исследования. Петрозаводск, 1991. С. 43–44.

Шенников А. А. Евразийская хвойнолесная область // Геоботаническое районирование СССР. М. ; Л. : АН СССР, 1947. С. 25–26.

Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области. СПб., 2017. С. 1–31.

Научное изучение Тихвинского края. XIX–XX вв.

Богуславский О. И. Новые открытия в Юго-Восточном Приладожье // Новые источники

по археологии Северо-Запада. СПб. : ИИМК, 1994. С. 74–106.

Бояркина Л. Б. Армас Вайсенен — исследователь мордовской народной музыки (к 100-летию первой мордовской этномуззыкальной экспедиции) // Финно-угорский мир. 2014. № 2. С. 12–13.

Бранденбург Н. Е. Курганы Южно-го Приладожья // Материалы по археологии России. СПб., 1895. Т. 18. 156 с.

Булкин В. А., Богуславский О. И. Комплекс археологических памятников у деревни Городище на реке Сясь // Тихвинский сборник по материалам историко-археологической конференции. Тихвин : Тихвинская тип. Ленуприздата, 1988. С. 86–89.

Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л. : АН СССР, 1961. Вып. 87. 588 с.

Гусенцова Т. М., Андреева Н. А. Итоги изучения памятников эпохи камня в северо-восточных районах Ленинградской области // Тверской археологический сборник. 1994. Вып. 1. С. 63–69.

Из Тихвина // Современные известия. М., 1875. № 313. С. 3.

Колмогоров А. Тихвинские курганы // Труды XV археологического съезда в Новгороде. М., 1914. Т. 1. С. 412.

Конецкий В. Я. Археологические памятники у с. Дрегля быв. Тихвинского уезда // Тихвинский сборник по материалам историко-археологической конференции. Тихвин : Тихвинская тип. Ленуприздата, 1988. С. 49–51.

Королькова Л. В. Биографические исследования в музее: собиратели коллекций по этнографии вепсов З. П. Малиновская и Е. В. Скородумов // Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России : труды междунар. науч. конф. СПб. : Изд-во РХГА, 2014. С. 195–210.

Королькова Л. В. Вепсы. Фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб. : Инкери, 2015. 236 с.

Королькова Л. В. Из истории создания вепской письменности (лингвистическая экспедиция Г. Х. Богданова 1931 г.) // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков. Петрозаводск, 2008. С. 153–157.

Королькова Л. В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: А. В. Фомин-Светляк, Н. С. Розов, Е. В. Скородумов // Рябининские чтения — 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера : сб. докл. Петрозаводск, 2007. С. 66–67.

Королькова Л. В. Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного общества : сб. науч. трудов по итогам междунар. конф., посвящ. 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея. Петрозаводск, 2008. С. 91–106.

Королькова Л. В. Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-этнографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 123–124.

Королькова Л. В. Новые средневековые поселения Посяся // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2000. С. 324–330.

Королькова Л. В. Северо-восточные районы Новгородской земли X–XVII вв. Формирование сети расселения и этнокультурные взаимодействия : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 24 с.

Королькова Л. В. Средневековые поселения Южного Приладожья

(проблемы и перспективы археологического изучения) // Международная конференция к 100-летию В. И. Равдоникаса : тез. докл. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 1994. С. 97–99.

Королькова Л. В., Тихомирова О. М. Новые археологические открытия в Тихвинском районе Ленинградской области // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / под ред. Д. Г. Савинова. СПб. : Изд. Петербургкомстата, 1995. С. 19–26.

Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск : Карелия, 1989. 348 с.

Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л. : Наука, 1973. 150 с.

Малиновская З. П. Научные командировки этнографического отдела Государственного Русского музея в 1932 г. в Ленинградскую область // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 232–233.

Никонова А. А. Быт Успенского монастыря XVII–XIX вв. (По данным археологических раскопок) // Тихвинский сборник по материалам историко-археологической конференции. Тихвин : Тихвинская тип. Ленуприздата, 1988. С. 40–42.

Отчет о деятельности Общества любителей древности с 7-го апреля 1914 г. по 7-е апреля 1915 г. Новгород, 1916. С. 18–27.

Разведки минералов в Тихвинском уезде // Памятная книжка Новгородской губернии на 1880 год. Ч. II. Новгород, 1880. С. 57–58.

Репников Н. И. Жальники Новгородской земли (Материалы к вопросу о расселении славян по области) // Известия Государственной академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. М. ; Л. : Соэ́кгиз, 1931. Т. IX. Вып. 5. С. 1–24.

Рябинин Е. А., Урбан Ю. Н. Древняя история Тихвинского края по археологическим данным (современное состояние изучения древнейшего прошлого) // Тихвинский сборник по материалам историко-археологической конференции. Тихвин : Тихвинская тип. Ленуприздата, 1988. С. 56–68.

Сивова В. М. Фольклорные экспедиции кафедры народного песенного искусства: 2010: итоги // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 1. С. 187–189.

Традиционная музыкально-песенная культура русского Северо-Запада // Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1970–1980 годов / ред.-сост. В. А. Лапин. Л. : Советский композитор, 1987. Вып. 1. С. 1–5.

Урбан Ю. Н. Стоянка Забелье — памятник раннего неолита Северного Валдая // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / под ред. И. Н. Черных. Тверь, 1996. С. 235–244.

Архивные источники:

АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 30 (Невинский Ад. Собрание образцов говора и словесности по г. Тихвину и уезду). 1853. 119 л.

АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 364 (Владо Николаевич. Остатки языческих жертвоприношений в Тихвинском у.). 1890-е гг. Л. 4.

Репников Н. И. Разведки в Тихвинском уезде Новгородской губернии в 1909 г., 1911 г. //Архив ИИМК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 494. Л. 1–2.

Равдоникас В. И. Отчет о разведке по Ояти, Паше и Сяси в 1928 году //Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–12.

СПбФ АРАН. Ф. 1049. Оп. 1. Д. 1 (В. И. Равдоникас). Л. 8–8 об.

Православие и старообрядчество в Тихвинском крае

Дамберг Э. Ф. К празднику Рождества Христова // Наш край. Тихвин, 1919. № 2. С. 3.

Деревенские боги — Шугозерская тьма // Наш край. Тихвин, 1919. № 102. С. 2.

Дестунис Н. А. Деревня. Рассказы для юношества о сельской природе и сельском быте. СПб. : Тип. Леонида Демиса, 1859. С. 435, 437.

Еще раз о раскольниках-карелах // Церковный вестник. СПб., 1875. № 50. С. 13.

Земля Невская православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Краткий церковно-исторический справочник / сост. А. Берташ. СПб. : Православная Русь, 2000. 198 с.

Из Тихвина // Современные известия. М., 1875. № 150. С. 3.

Из Тихвина // Современные известия. М., 1875. № 341. С. 4.

Колесникова Л. А., Гарклавс А. Тихвинская икона Божией Матери. Возвращение. СПб. : АРС, 2004. 76 с.

Королькова Л. В. Старообрядческие кладбища на территории Ленинградской области. История и современность // Материалы VIII международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2008 г.). СПб. : РПК «Макс Принт», 2009. С. 90–98.

Королькова Л. В. Старообрядцы Новолодожского, Тихвинского и Лодейнопольского уездов в первой половине XIX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 2. Пятое Шёгреновские чтения : сб. статей. СПб. : Европейский Дом, 2012. С. 191–215.

Королькова Л. В. Православные церкви и часовни на территории расселения оятских, капшинских, шимозерских и южных вепсов // Православие в вепском крае : матер. межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря. Петрозаводск, 2013. С. 119–126.

Королькова Л. В. Ареал расселения и динамика численности старообрядцев и сектантов на Северо-Западе России 1897–1915 гг. (Санкт-Петербургская губ., Лодейнопольский у. Олонецкой губ., Тихвинский и Новгородский у. Новгородской губ.) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада — 3. Шестые международные Шёгреновские чтения : сб. статей. СПб. : Европейский Дом, 2014. С. 176–187.

Королькова Л. В. История старообрядчества Ленинградской области XX в. // Материалы XI международной научной конференции «Старообрядчество: история, культура, современность» (Моск-

ва, 11–13 ноября 2014 г.). М., 2014. С. 270–281.

Королькова Л. В. Часовенные праздники населения Ленинградской области. Опыт комплексного исследования // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения : сб. статей. СПб. : Европейский Дом, 2016. С. 176–187.

Королькова Л. В. В моленной сердце и жизнь, ограда и отвердение раскола (Старообрядческие моленные XIX — начала XX в. Санкт-Петербургской губернии и сопредельных территорий) // Старообрядчество. История. Культура. Современность. № 16. М., 2018. С. 68–72.

Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторический очерк. Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1925. С. 60, 68.

О заведывании часовнями // Новгородские епархиальные ведомости. Год пятый. 1879. № 21. С. 303.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб. : Навигатор, 2011. Т. 7 : Новгородская губерния. Ч. 4 : Тихвинский уезд. С. 488–491.

Случевский К. По Северу России. Путешествие их Императорских высочеств великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1886 и 1887 годах : в 3 т. СПб. : Тип. Э. Гюппе. 1886–1888. Т. III : Балтийская сторона. С. 423, 440.

Статистические сведения по Новгородской епархии за 1874 год // Церковный вестник. СПб., 1875. № 19. С. 14.

Тарантаевская волость // Современные известия. М., 1875. № 316. С. 2–3.

Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М. : Индрик, 2003. 408 с.

Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области. СПб., 2017. С. 458–500.

Архивные источники:

Четвериков В. Тихвинский уезд. Староверы. 1899 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 767. С. 1–6.

Раскол в Тихвинском крае (Мордвинов И. В.) // СПбИИ РАН. Ф. 89. Оп. 1. Д. 18. Л. 204–216.

ГАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1746 (Списки раскольников, проживающих в Новгородской губ. 1858 г.). Л. 5.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Андреева Л. В. Крестьянское жилище Ленинградской области // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР : сб. статей / под ред. В. В. Мавродина. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Андреева Л. В. Характер расселения и типы планировочных структур поселений на территории Ленинградской области // Ленинград и Ленинградская область. Перспективы интенсификации функциональной и планировочной структуры : межвуз. сб. трудов. Л. : ЛИСИ, 1986. С. 75–82.

Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области. Л. : Лениздат, 1978. 168 с.

Бежкович А. С. Памятники материальной культуры. Определитель. М., 1959. 254 с.

Гоголицын Ю. М., Иванова Т. М. Архитектурная старина. Л. : Лениздат, 1971. 143 с.

Дамберг Э. Ф. Народный календарь // Наш край. Тихвин, 1918. № 38. С. 2–3.

Данилов В. Живая старина Тихвинского уезда по работам учащихся Педагогических курсов // Красное знамя. Тихвин, 1920. № 9 (6 декабря). С. 2–3.

Дестунис Н. А. Деревня. Рассказы для юношества о сельской природе и сельском быте. СПб. : Тип. Леонида Демиса, 1859. С. 6, 11, 58, 66, 74, 131, 132, 144, 168, 204, 430.

Дуйсбург А. Я. Праздник «барана» в деревне Большая Будогоща // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 89–98.

Егоров С. Б. Озеряне — этнолокальная группа русских (исследования 2002 г. в Бокситогорском районе Ленинградской области) // Этнографическое изучение Северо-Запада России : матер. VII регион. науч. конф. молодых ученых. СПб., 2002. С. 7–14.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2689 (Церковные формулярные ведомости Новгородской епархии г. Тихвина и Тихвинского у. за 1825 год). Л. 23–121.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3457 (Раскольніческие руководящие

бумаги. Списки приходов, зараженных расколом. 1885 г.). Л. 1, 5.

ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3545 (Списки приходов Новгородской епархии, особенно зараженных расколом). Л. 4, 5.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Зими́на Т. А., Королькова Л. В. Традиционная культура русского населения Ленинградской области. СПб. : Инкери, 2015. 352 с.

Игра «со вьюном» в д. Заборье Тихвинского уезда // Живая старина. Отд. V. СПб., 1892. Вып. 2. С. 87–89.

Из Тихвина // Современные известия. М., 1875. № 150. С. 3.

Из Тихвина // Современные известия. М., 1875. № 161. С. 3.

Из Тихвина // Современные известия. М., 1875. № 189. С. 3.

Калинин И. М. Фольклор Капшинского района // Советский фольклор. 1935. № 2–3.

Королькова Л. В. Основные факторы изменения поселенческой ситуации в Юго-Восточном Приладожье во II тыс. н. э. // Поселения: среда, культура, социум : матер. темат. науч. конф. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. С. 152–156.

Королькова Л. В. Гончарные центры Юго-Восточного Приладожья // Балтийский щит. 2009. № 2 (51). С. 16–18.

Королькова Л. В. Традиционная керамика Шугозерья. СПб. : Инкери, 2015. 48 с.

Королькова Л. В. Традиционная оятская керамика: свистулька и посуда. СПб. : Инкери, 2016. 48 с.

Королькова Л. В. Традиционная роспись по дереву. СПб. : Инкери, 2016. 48 с.

Мордвинов И. П. Забытое производство // Новгородский север. Череповец, 1915. № 52. С. 2–3.

Мордвинов И. П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. Исторический очерк. Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1925. 72 с.

Очерки русской культуры XVII века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. Ч. 1. С. 165.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. : Алетейя, 1998. 305 с.

Перетц В. Н. Деревня Будогоща и ее предания (этнографический очерк) // Живая старина. СПб., 1894. Вып. 1. С. 2–18.

Плаксин М. О., Коляда М. И., Андреева Л. А. Материалы проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация». Тихвинский район Ленинградской области. Натурное обследование Горского и Шиженского с/с. Спецпроектреставрация. Т. II. Л., 1984; Натурное обследование Ерёминогорского с/с. Спецпроектреставрация. Т. IV. Л., 1984; Натурное обследование Липногорского и Андреевского с/с. Спецпроектреставрация. Т. V. Л., 1984; Натурное обследование Шугозерского с/с. Спецпроектреставрация. Т. VI. Л., 1984; Натурное обследование Явосемского с/с. Спецпроектреставрация. Т. VII. Л., 1984.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 7 : Новгородская губерния. Ч. 4 : Тихвинский уезд. СПб. : Навигатор, 2011. 512 с.

Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. 1868. Т. II. С. 51–75.

Хрущов И. Заметки о русских жителях берегов реки Ояти // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. 1868. Т. II. С. 51–75.

Архивные источники:

Бруханский Н. Тихвинский уезд. Одежда. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 726. Рукопись.

Бруханский Н. Тихвинский уезд. Суеверия. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 729. Рукопись.

Закатов С. Тихвинский уезд. Знания крестьян о сельском хозяйстве.

ГАНО. Ф. 490. Оп. 1. Д. 4581а (Дело о состоянии раскола в Новгородской епархии. 1916 г.). Л. 13, 21, 22, 23.

ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 1314 (1887 г. Метрическая книга. Тихвинская единоверческая церковь). С. 120, 187, 257, 260, 296.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Охота, рыболовство // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 734. Рукопись.

Закатов С. Тихвинский уезд. Похоронные обряды. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 736. Рукопись.

Закатов С. Тихвинский уезд. Крестьянская община. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 740. Рукопись.

Закатов С. Тихвинский уезд. Празднества. Песни, пословицы, поговорки, рассказы, поверья. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 740. Рукопись.

Иванов В. Тихвинский уезд. Роды, крещение. Суевьерные средства лечения. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 743. Рукопись.

Иванов В. Тихвинский уезд. Наем пастуха. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 744. Рукопись.

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в Тихвинский район Ленинградской области в 2003 году // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 151. 45 л. Рукопись.

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в г. Тихвин. 2014 г. // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 159. 64 л. Рукопись.

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в Новоандреевскую волость. 2005 г. // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 166. 45 л. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Священники и причт. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 47. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Свадьба и обстоятельства, ей предшествовавшие. Сближение полов. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 749. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Роды. Воспитание детей. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 750. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Занятия крестьян. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 758. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Отношение к церкви, религии. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 758. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Язык крестьян. Школа. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 758. Рукопись.

Матвеев А. Тихвинский уезд. Отношение к знахарям и их лечению.

1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 760. Рукопись.

Парихин И. Демонология, знахари, колдуны. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 762. Рукопись.

Парихин И. Тихвинский уезд. Пища. 1898 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 764. Рукопись.

Репников Н. И. Пережитки языческих верований в Новгородской области // Архив ИИМК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–120.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВЕПСОВ

Азовская Л. П. О верованиях вепсов // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 140–152.

Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области. Л. : Лениздат, 1978. 168 с.

Андреева Л. А., Коляда М. И., Плаксин М. О. Натурное обследование Корбенского и Пашозерского сельсовета; Натурное обследование Шугозерского сельсовета // Материалы проектного института по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроект-реставрация». Тихвинский район Ленинградской области. Л., 1983. Т. VI, VIII. Рукопись.

Богданов Н. И. К истории вепсов по материалам топонимики // Известия Карело-финского филиала АН СССР. 1951. № 2. С. 24–31.

Винокурова И. Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск : Карельский НЦ РАН, 1988. С. 4–26.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб. : Наука, 1994. 124 с.

Винокурова И. Ю. Новые материалы о колдовстве у южных вепсов // Из истории С.-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 37–46.

Винокурова И. Ю. Вепские молодые в хронике биосоциальных событий // Уведи меня, дорога : сб. статей памяти Т. А. Бернштам. СПб., 2010. С. 107–121.

Винокурова И. Ю. Вода в вепских мифологических представлениях о жизни и смерти // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия : Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 66–76.

Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск, 2011. 204 с.

Винокурова И. Ю. Вепсы // Прибалтийско-финские народы России. М. : Наука, 2003. С. 419–448.

Винокурова И. Ю. Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2015. 524 с.

Гоголицын Ю. М., Иванова Т. М. Архитектурная старина. Л. : Лениздат, 1971. 143 с.

Горб Д. А. Материальные компоненты вепского свадебного обряда в конце XIX — XX в. (по материалам ГМЭ) // Население Ленинградской области : матер. и исслед. по истории и традиц. культуре. СПб., 1992. С. 154–169.

Горб Д. А., Шангина И. И. Народное искусство и художественные промыслы Ленинградской области : кат. выст. Л., 1984. С. 1–12.

Гуляева Л. П. Пастушеская обрядность на р. Паше (традиция и современность) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики / под ред. Т. А. Бернштам, К. В. Чистова. Л. : Наука, 1986. С. 172–180.

Дамберг Э. Ф. Кустарные промыслы Тихвинского уезда //

Ханцов В. П. Деревенские свадьбы дер. Максимова Гора Большегорской волости Тихвинского у. Новгородской губ. // АРГО. Р. 24. Оп. 1. Д. 56. Рукопись.

Шахотский М. Тихвинский уезд. Демонология. Вера в силу колдуна и знахаря. Приметы. Обычай. Поверья. Отношение к церкви и религии // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 769. Рукопись.

Швахгейм Л. Тихвинский уезд. Достигание половой зрелости. Сбли-

жения молодежи. Свадьба и свадебные обычаи. 1899 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 776. Рукопись.

Швахгейм Л. Тихвинский уезд. Уход за ребенком. 1899 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 777. Рукопись.

Швахгейм Л. Тихвинский уезд. Вера в знахарей и колдунов. 1899 г. // Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 782. Рукопись.

проф. Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 371–393.

Колмогоров А. И. Поездка по Чухарии (Предварительное сообщение) // Землеведение. М., 1905. Кн. III–IV. С. 93–114.

Королькова Л. В. Вепсы // Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы. СПб., 2002. С. 616–629.

Королькова Л. В. Предание о кладях Озерного края (северо-восток и юго-восток Новгородской губ.) // Клады: состав, хронология, интерпретации. СПб., 2002. С. 128–131.

Королькова Л. В. Вепсская народная пища // Питание в культуре этноса : матер. шестых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2007. С. 38–47.

Королькова Л. В. Вепсы. Фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб. : Инкери, 2015. 236 с.

Королькова Л. В. Традиционные хозяйственные постройки восточных районов Ленинградской области (вепсы, русские). XIX — первая половина XX в. // Рябининские чтения — 2015 : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2015. С. 193–197.

Королькова Л. В. Традиционная оятская керамика: свистулька и посуда. СПб. : Инкери, 2016. 48 с.

Майнов В. Н. Приоятская чудь (Весь — Вепсы) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 2. № 5. С. 38–53; № 6. С. 133–143.

Майнов В. Н. Несторова Весь и карельские дети // Живописная Россия. СПб. ; М., 1881. Т. 1. Ч. 2. С. 493–527.

Малиновская З. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западнo-финский сборник: Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Л., 1930. Вып. 16. С. 163–200.

Мордвинов И. П. Научное обследование чухарей // Новгородский север. Череповец, 1915. № 46. С. 2–3.

Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб. : Наука. 1994. 156 с.

Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 192 с.

Мишуринская Л. И. Знахарь и знахарство // Этнографическое изучение Северо-Запада России. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 66–68.

Никольский Д. П. Кайваны или чухари // Живая старина. СПб., 1895. Вып. 1. Отд. 1. С. 14–16.

Остряков А. Кустарные промыслы Тихвинского уезда Новгородской губернии // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1882. Вып. VIII. С. 1359–1475.

Петерсон А. Ю. Клеть у вепсов // Ежегодник Этнографического музея. Таллин : Валгус, 1969. Т. 26. С. 319–334; Резюме на русском языке. С. 332–333.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М. ; Л. : Наука, 1965. 264 с.

Пулькин В. И. Подаренье. Петрозаводск : Карелия, 1984. 240 с.

Пулькин В. И. Чаша мастера : сказы о древодельцах. Петрозаводск : Карелия, 1990. 142 с.

Розов Н. С. Работы Ленинградской этнологической экспедиции 1926 г. среди вепсов Лодейнопольского уезда // Труды Ленинградского общества изучения местного края. Л., 1927. Т. 1. С. 138–148.

Сельское хозяйство, кустарные промыслы и рыбные ловли в Тихвинском уезде / под ред. В. И. Равдоникаса. Тихвин : Изд. Тихвинского уисполкома, 1925. С. 1–40.

Строгальщикова З. И. Жилище вепсов (1900–1960 гг.). Опыт сравнительно-статистического анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 24 с.

Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 95–106.

Ушаков Н. В. Традиционное жилище финноязычных народов Ленинградской области начала XX в. // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы : сб. науч. трудов. Л., 1990. С. 49–53.

Ушаков Н. В. Вопросы структурно-типологического изучения жилищ русских, води, ижор, вепсов и карел Ленинградской области // Население Ленинградской области. Материалы и исследования по истории и традиционной культуре : сб. науч. трудов. СПб., 1992. С. 170–179.

Финченко А. Е. Материалы к изучению пастушества на Русском Севере // Полевые исследования Института этнографии. М. : Наука, 1986. С. 37–45.

Архивные источники:

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в Бокситогорский и Подпорожский районы Ленинградской области 1996 г. // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 83. Рукопись.

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в Бокситогорский район Ленинградской области и рекогносцировочного выезда в Алексеевскую волость Тихвин-

ского района 1997 г. // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 96. Рукопись.

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в Бокситогорский район Ленинградской области 1998 г. // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 116. Рукопись.

Королькова Л. В. Полевой дневник экспедиции в Подпорожский и Тихвинский районы Ленинградской области 2000 г. // Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 115. Рукопись. 42 л.

Скородумов Е. В. Северо-западная экспедиция АН. Лесозаготовки // Архив Санкт-Петербургского филиала РАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 254. Л. 5–20.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЭТНОГРАФИЯ ТИХВИНСКОГО КРАЯ

Стр. 6–7: Вид на Тихвинский мона-стырь с Фишевой Горы. 2010 г.

Стр. 8: Карта пятин Новгородских в XVI в. с показанием в них городов и погостов. Составлена К. Неволиным. 1853 г. РНБ

Природа Тихвинского края: геология, ландшафт, растительный и животный мир

Стр. 10–11: Вид на Карбоновое плато у д. Феньково. 2011 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 13: Вид на р. Сясь у д. Воскре-сенское. 2010 г. Фото Л. В. Король-ковой

Стр. 14–15: Геологическая карта Ленинградской области с указани-ем основных рек, озер, городов, шкалы глубин и высот

Стр. 16: Вид с Ребовой горы на из-лучину р. Ояти и д. Ярославичи (се-верная граница Тихвинского уезда). 2011 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 17: Река Рагуша. 2016 г.

Стр. 18: Вид на р. Паша. 2011 г.

Стр. 19 (вверху): Вид на р. Чагода у д. Усадище. 2008 г. Фото Л. В. Ко-рольковой

Стр. 19 (внизу): Верхнее течение р. Колшь. 2011 г.

Стр. 20–21: Река Капша у Святого ручья. 2016 г. Фото Л. В. Король-ковой

Стр. 22: Вид на Капшозеро у пере-правы на северный берег. 2006 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 23: Вид на Пашозеро с высо-кого берега. 2006 г. Фото Л. В. Ко-рольковой

Стр. 24–25: Вепский лес. 2014 г.

Стр. 26 (вверху): Лес в районе Шугозера. 2010 г.

Стр. 26 (внизу): Сосновый лес на правом берегу р. Капша у д. Оло-нечно. 2012 г. Фото Л. В. Король-ковой

Стр. 27 (вверху): Лесотехнический план дачи при церкви в д. Ругуй. Тихвинский уезд. Середина XIX в. РГИА

Стр. 27 (внизу): Малое Замошское болото. 2015 г.

Стр. 28–29: Вепсский лес. 2014 г.

Стр. 30 (вверху): Растения Тихвинского края, занесенные в Красную книгу. Ботаническая иллюстрация из книги К. А. М. Линдмана «Bilder ur Nordens Flora». 1917–1926 гг.

Стр. 30 (внизу): Примеры животно-го мира Тихвинского края

Стр. 31 (вверху слева): Некоторые виды птиц Тихвинского края

Стр. 31 (внизу): Виды рыб, обита-ющих в реках и озерах Тихвин-ского края

Стр. 31 (вверху справа): Кувшинка белая четырехгранная и водяной перец

Научное изучение Тихвинского края. XIX–XX века

Стр. 32–33: Вид на курганную группу у д. Городище с «Чудского городка». 1909 г. Фото Н. И. Реп-никова. ОФ РЭМ

Стр. 34: Река Рагуша. 2015 г.

Стр. 35 (вверху): Книга «Лесовод-любитель». 1915 г. Составитель Э. Ф. Дамберг

Стр. 35 (внизу): Растения Тихвин-ского края

Стр. 36: Николай Ефимович Бран-денбург

Стр. 37 (слева): Курган у д. За-озерье. 1920-е гг. Фото В. И. Равдо-никаса (из домашнего архива)

Стр. 37 (справа): Книга А. И. Кол-могорова «Тихвинские курганы». 1914 г.

Стр. 38: Николай Иванович Реп-ников. ИИМК

Стр. 39: Сопка у д. Красная Заря (Бесовы Харчевни). 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домаш-него архива)

Стр. 40 (вверху): Камень-чашечник со «следом лося» у д. Воложба. 1990 г. Фото А. В. Ильина

Стр. 40 (внизу): Камень со знаками у д. Плесо. 1990 г. Фото А. В. Ильина

Стр. 41: Неолитическая стоянка. Пашозеро. 2010 г. Фото Л. В. Ко-рольковой

Стр. 43: Эмиль Нестор Сетяля

Стр. 44: Лаури Эйнари Кеттунен

Стр. 45: Евгений Александрович Ляцкий. ОФ РЭМ

Стр. 46: Повозка с предметами, собранными А. В. Лесковой для Этнографического отдела Русско-го музея (экспедиция Е. А. Ляцко-го). Деревня Вонозеро. 1902 г. Фото Е. А. Ляцкого. ОФ РЭМ

Стр. 47: Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г. АРЭМ

Стр. 48: З. П. Малиновская и сотрудница экспедиции обедают с крестьянами. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 49: Е. В. Скородумов помога-ет крестьянам налаживать косу. Радогощинский сельсовет. 1929 г. ОФ РЭМ

Стр. 50: Николай Сергеевич Розов

Стр. 51: Владислав Иосифович Равдоникас (из домашнего архива В. А. Равдоникаса)

Стр. 52: Исаакий Петрович Мордвинов

Стр. 53 (слева): Книги И. П. Морд-винова: «Старый Тихвин и Нагор-ное Обонежье» (Тихвин, 1925 г.), «Шведское разоренье в Тихвине. 1613–1913» (Санкт-Петербург, 1913 г.), «Тихвин и Столбово в 1609–1617 гг.» (Тихвин, 1917 г.)

Стр. 53 (справа): Страницы из лич-ного дневника И. П. Мордвинова. 1924 г. ЦГИА СПб

Православие и старообрядчество в Тихвинском уезде

Стр. 54–55: «О двоеперстии и троеперстии (спор о вере)». Неизвестный художник. XVIII в. ГМИР

Стр. 57: «Купец читает „Апостол“ в церкви». Л. И. Соломаткин. 1865 г. ГМИР

Стр. 58 (вверху): Часовня у д. Забо-ровье. 1920-е гг. Фото В. И. Равдо-никаса (из домашнего архива)

Стр. 58 (внизу): Часовня Покрова Пресвятой Богородицы с колоколь-ней в священной роще у д. Шондо-вичи. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 59: Часовня Илии Пророка у д. Черкасова Гора. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 60–61: Вид на Колбецкий погост и церковь Покрова Пресвя-той Богородицы. Река Воложба. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 62: Часовня Вознесения Господня в д. Овино. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домаш-него архива)

Стр. 63 (вверху): Почитаемый крест под навесом у д. Мутнозеро. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса. ИИМК

Стр. 63 (внизу): Придорожный столб с крестом, иконой и прино-шениями у д. Бахарево. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 64 (вверху слева): Каменный крест у д. Черницы. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 64 (внизу слева): Почитаемый каменный крест в часовне Илии Пророка у д. Черкасова Гора. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 64 (справа): Памятный крест на Куковой горе — месте явления Тихвинской иконы Божией Мате-ри у д. Новое Село. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 65 (вверху): Святой источник недалеко от д. Олонечно. 2016 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 65 (внизу): Святой источник у д. Змеева Новинка. 2014 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 66–67: Иконостас церкви Мало-Шугозерского Спасского по-госта. 1920-е гг. Фото В. И. Равдо-никаса (из домашнего архива)

Стр. 68–69: Мало-Шугозерский Спасский погост. Церковь Спаса

Стр. 73 (вверху слева): Страница из старообрядческой книги «Псал-тырь». XIX в.

Стр. 73 (вверху справа): Старо-обрядческий литой крест. XIX в.

Стр. 75: Моленная в д. Бирючово. 2014 г.

Стр. 76 (вверху и внизу): Старо-обрядческое кладбище у д. Нико-ла. 2015 г. Фото Л. В. Король-ковой

Стр. 77 (вверху слева и справа): Намогильные кресты на старообрядческом кладбище у городского поселения Ефи-мовское. 2010 г. Фото Л. В. Ко-рольковой

Стр. 77 (внизу): Намогильный крест из можжевельника на старообрядческом кладбище у д. Никола. 2015 г. Фото Л. В. Ко-рольковой

Стр. 78–79: Вид на церковь и жи-лые дома у Озерского погоста. 1865 г. Альбом «Виды (по шлюзо-вой части) Тихвинского водного пути II округа путей сообщения. 1865 г.

Стр. 80: «Сказитель былин Никита Богданов». В. Д. Поленов. 1876 г. ГТГ

Стр. 80: «Сказитель былин Никита Богданов». В. Д. Поленов. 1876 г. ГТГ

Стр. 89 (вверху): Поселение у Рязан-ского шлюза. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 89 (внизу слева): Старинный амбар. 1929 г. Фото З. П. Малинов-ской. ОФ РЭМ.

Стр. 89 (внизу в центре): Старин-ный амбар в д. Олешково. 2005 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 89 (внизу справа): Амбар в д. Турандино. 2007 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 89: Хлебные зароды. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 105: Ветряная мельница у д. Жу-ково. 1920-е гг. Фото В. И. Равдони-каса (из домашнего архива)

Стр. 106: Рубка деревьев косарями для подготовки пахотного участка под льняное поле. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 107: Процесс обработки льна после трепания. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 108: Установка сетей для лов-ли рыбы в озере с долбленной лод-ки «осиновки». 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 109: Обжигание самодельно-го кирпича для постройки русской печи. 1929 г. Фото З. П. Мали-новской. ОФ РЭМ

Стр. 110 (вверху): Утварь из бере-сты из д. Вороньи Горки. 2007 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 110 (вверху и внизу): Кошель из бересты. Деревня Новоандре-ево. 2005 г. Фото Л. В. Королько-вой

Стр. 111 (вверху слева): Кувшин для пива из д. Григино (р. Явось-ма). Начало XX в. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 111 (в центре): Рукомойник. XIX в. 2005 г. Фото Л. В. Королько-вой

Стр. 111 (внизу): Кринка для моло-ка. Начало XX в. 2005 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 112: Резной декор на старин-ной прялке из д. Верховье (р. Рете-

Стр. 104: Хлебные зароды. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 105: Ветряная мельница у д. Жу-ково. 1920-е гг. Фото В. И. Равдони-каса (из домашнего архива)

Стр. 106: Рубка деревьев косарями для подготовки пахотного участка под льняное поле. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 106: Рубка деревьев косарями для подготовки пахотного участка под льняное поле. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 107: Процесс обработки льна после трепания. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 108: Установка сетей для лов-ли рыбы в озере с долбленной лод-ки «осиновки». 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 109: Обжигание самодельно-го кирпича для постройки русской печи. 1929 г. Фото З. П. Мали-новской. ОФ РЭМ

Стр. 110 (вверху): Утварь из бере-сты из д. Вороньи Горки. 2007 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 110 (вверху и внизу): Кошель из бересты. Деревня Новоандре-ево. 2005 г. Фото Л. В. Королько-вой

Стр. 111 (вверху слева): Кувшин для пива из д. Григино (р. Явось-ма). Начало XX в. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 111 (в центре): Рукомойник. XIX в. 2005 г. Фото Л. В. Королько-вой

Стр. 111 (внизу): Кринка для моло-ка. Начало XX в. 2005 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 112: Резной декор на старин-ной прялке из д. Верховье (р. Рете-

Стр. 116–117: «Молебен в избе». К. В. Лебедев. Начало XX в. ГМИР

Стр. 120: «Крестины». П. И. Коро-вин. 1886 г. ГТГ

Стр. 122: «Сборы на гулянье». В. М. Максимов. 1869 г. ГМИ им. А. Кастеева

Стр. 123: «Благословение на свадьбу». С. И. Грибков. 1886 г. ГХМ Алтайского края

Стр. 124: Венчальная пара. Иконы. XIX в.

Стр. 126–127: «Тихвинки, приходя-щие в праздники кланяться роди-тельским могилам». 1809 г. РНБ

Стр. 129: Погост Пирозеро. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 130–131: Церковь Преобра-жения Господня 1630 г. на погосте Шижня. 1916 г. Фото Н. И. Репни-кова. ОФ РЭМ

Стр. 130–131: Церковь Преобра-жения Господня 1630 г. на погосте Шижня. 1916 г. Фото Н. И. Репни-кова. ОФ РЭМ

Стр. 130–131: Церковь Преобра-жения Господня 1630 г. на погосте Шижня. 1916 г. Фото Н. И. Репни-кова. ОФ РЭМ

Стр. 132: Резной декор на старин-ной прялке из д. Верховье (р. Рете-

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Стр. 89 (вверху): Поселение у Рязан-ского шлюза. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 89 (внизу слева): Старинный амбар. 1929 г. Фото З. П. Малинов-ской. ОФ РЭМ.

Стр. 89 (внизу в центре): Старин-ный амбар в д. Олешково. 2005 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 89 (внизу справа): Амбар в д. Турандино. 2007 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 89: Хлебные зароды. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 90–91: «Возвращение из горо-да». А. И. Корзухин. 1870 г. ГТГ

Стр. 92: Жители Обринской воло-сти Тихвинского уезда. Начало XX в.

Стр. 93: «Переправа через реку Оять. С мельницы». В. Д. Поленов. 1872 г. МЗ В. П. Поленова

Стр. 95: «Игра в бабки». В. А. Ма-ковский. 1870 г. ГТГ

Стр. 97 (вверху): «Крестьянская сходка». Ф. С. Журавлев. 1870-е гг. ВКМ

Стр. 97 (внизу): «Чтение Манифе-ста 19 февраля 1861 г.». Г. Г. Мясо-едов. 1873 г. ГТГ

Стр. 98: «Волостной суд». М. И. Зо-щенко. 1888 г. ГТГ

Стр. 101: «Пряхи». И. С. Куликов. 1903 г. ГРМ

Основные и подсобные занятия населения. Кустарные промыслы

Стр. 102–103: «По тетеревиным выводкам». А. Д. Кившенко. 1888 г. ГРМ

Семья. Крестьянское общество

Стр. 90–91: «Возвращение из горо-да». А. И. Корзухин. 1870 г. ГТГ

Стр. 92: Жители Обринской воло-сти Тихвинского уезда. Начало XX в.

Стр. 93: «Переправа через реку Оять. С мельницы». В. Д. Поленов. 1872 г. МЗ В. П. Поленова

Стр. 95: «Игра в бабки». В. А. Ма-ковский. 1870 г. ГТГ

Стр. 97 (вверху): «Крестьянская сходка». Ф. С. Журавлев. 1870-е гг. ВКМ

Стр. 97 (внизу): «Чтение Манифе-ста 19 февраля 1861 г.». Г. Г. Мясо-едов. 1873 г. ГТГ

Стр. 98: «Волостной суд». М. И. Зо-щенко. 1888 г. ГТГ

Стр. 101: «Пряхи». И. С. Куликов. 1903 г. ГРМ

Стр. 102–103: «По тетеревиным выводкам». А. Д. Кившенко. 1888 г. ГРМ

Стр. 102–103: «По тетеревиным выводкам». А. Д. Кившенко. 1888 г. ГРМ

Стр. 104: Хлебные зароды. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 105: Ветряная мельница у д. Жу-ково. 1920-е гг. Фото В. И. Равдони-каса (из домашнего архива)

Стр. 106: Рубка деревьев косарями для подготовки пахотного участка под льняное поле. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 107: Процесс обработки льна после трепания. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 108: Установка сетей для лов-ли рыбы в озере с долбленной лод-ки «осиновки». 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 109: Обжигание самодельно-го кирпича для постройки русской печи. 1929 г. Фото З. П. Мали-новской. ОФ РЭМ

Календарные праздники

Стр. 132–133: «Молебствие на поле перед весенним севом». К. В. Лебедев. 1882 г. ГМИР

Стр. 134: Поздравительная открытка. Е. М. Бём. Начало XX в.

Стр. 135: «Христославы (Дети старой деревни)». Ф. В. Сычков. 1935 г. МРМИИ им. С. Д. Эрзы

Стр. 136: «Катание с горки». Н. П. Богданов-Бельский. 1920–1930-е гг.

Стр. 137: Поздравительная открытка. Начало XX в.

Стр. 138: «Масленица. Прощеный день в крестьянской семье». К. Крыжановский. Гравюра по рисунку Н. И. Соколова. XIX в. РНБ

Стр. 139 (вверху): Поздравительная открытка. Начало XX в.

Стр. 139 (внизу): Поздравительная открытка. Начало XX в.

Стр. 140: Поздравительная открытка. Начало XX в.

Стр. 141: «Гуляние на Троицын день». Б. М. Кустодиев. 1912 г. ГРМ

Народная пища

Стр. 144–145: «Бедный ужин». В. М. Максимов. 1879 г. ИОХМ им. В. П. Сукачева

Стр. 147: «В крестьянской избе». И. С. Куликов. 1903 г. ПИАХМЗ

Стр. 148: Вид нижнего этажа избы. 1929 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Народные верования и народные знания

Стр. 150–151: «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». В. М. Максимов. 1875 г. ГТГ

Стр. 152: «Крестьянские дети в лесу». А. И. Корзухин. 1877 г. ГТГ

Стр. 153: Дожинальная бабка. 1929 г.

Стр. 154: «У знахарки». Ф. С. Журавлев. Конец XIX в. КМИИ

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВЕПСОВ

Стр. 156–157: Группа детей за забавой — в луже. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 158: Группа крестьян. Деревня Кукас. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Поселения. Жилые и хозяйственные постройки

Стр. 160–161: Вид на д. Зиновий Наволок. 2011 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 162: Карта расселения вепсов. Конец XIX в. Л. В. Королькова

Стр. 163 (вверху): Черная изба с двумя трубами. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 163 (внизу): Черная изба с двумя волоковыми окнами и с одним косящатым. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 164: Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г. АРЭМ

Стр. 165 (вверху): Улица в д. Пелдуши. 1902 г. Фото Е. А. Ляцкого. ОФ РЭМ

Стр. 165 (внизу): Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г. АРЭМ

Стр. 166 (вверху): Общий вид группы черных изб. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 166 (внизу): Дом с двором. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 167: Хмельник на огороде крестьянской усадьбы. Деревня Боброзеро. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 168 (слева): Амбар на подставках. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновская. ОФ РЭМ

Стр. 168 (справа): Старинный амбар в д. Средняя. 2011 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 169: Часовня в д. Шигола. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 170: Женщина у печи. Деревня Нюрговичи. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 171: Русская печь в доме в д. Лаврово. 2011 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 172 (вверху): Дом с двором в д. Прокушево. 2013 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 172 (внизу): Дом в д. Саньков Бор. 2010 г.

Стр. 173: Дом постройки XIX в. в д. Вонозеро. 2011 г. Фото Л. В. Корольковой

Семья. Крестьянское общество

Стр. 174–175: Крестьяне и священник у церкви в д. Корвала. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 177: Группа крестьян у дороги. Деревня Вонозеро. 1902 г. Фото Е. А. Ляцкого. ОФ РЭМ

Стр. 178 (слева): Молодые женщины в праздничных костюмах. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновская. ОФ РЭМ

Стр. 178 (справа): Три крестьянина в рабочих костюмах. Деревня Казыченская. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 179 (вверху): Крестьянские дети. Деревня Пелдуши (Печевицы). 1902 г. Фото Е. А. Ляцкого. ОФ РЭМ

Стр. 179 (в центре): Группа детей на изгороди. Деревня Боброзеро. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 179 (внизу): Мальчик-пастух играет на берестяном рожке. Деревня Пелдуши (Печевицы). 1902 г. Фото Е. А. Ляцкого. ОФ РЭМ

Основные и подсобные занятия населения, промыслы и ремесла

Стр. 180–181: Женщина за ткацким станом. Деревня Нюрговичи. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 182: Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г. АРЭМ

Стр. 183 (вверху слева): Вспашка пашни на палу полевой сохой. Деревня Каргиничи. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 183 (вверху справа): Полевая соха. Страница из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г. АРЭМ

Стр. 183 (внизу): Развешивание овса на зароды. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 184 (вверху): Навес для сушки невода. Деревня Каргиничи. 1926 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 184 (внизу): Страницы из рукописи А. А. Киселева «Описание жизни чухарей». 1906 г. АРЭМ

Стр. 185: Группа женщин, возвращающихся из леса с ягодами. Деревня Юбиничи. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 186: Бондарные изделия. Рис. А. А. Киселева. 1905 г. АРЭМ

Стр. 187: Девочки за прялкой. Радогощинский сельсовет. 1928 г.

Стр. 188: Короб и черпак из бересты. Первая четверть XX в. 2016 г. Экспозиция РЭМ

Стр. 189: Утварь из глины. Оятский гончарный центр. Первая четверть XX в. 2016 г. РЭМ

Стр. 190: Традиционная вышивка на полотенцах и подоле женской рубахи. Начало XX в. 2016 г. Фото Л. В. Корольковой

Стр. 191: Вышивка на полотенце. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Семейная обрядность

Стр. 192–193: Костюм невесты. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 193: Свадебный костюм жениха. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 196: Девицы наряжаются перед погостом. Деревня Илларионовская. 1927 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 198: Церковные венчальные венцы. 1908 г. Фото А. А. Баталина. ОФ РЭМ

Стр. 199: Костюмы венчальные жениха и невесты. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Поминально-погребальная обрядность

Стр. 202–203: Погост Мягозеро. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 204: Кресты на кладбище у церкви Пелушского погоста. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 205 (вверху): Обряд «сорочин» — проводы души покойного к погосту. Озерской сельсовет. 1927 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 205 (внизу): Кладбище Пелушского погоста. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Стр. 206: Придорожная часовня Успения Божией Матери у д. Старые Харагеничи. 1920-е гг. Фото В. И. Равдоникаса (из домашнего архива)

Стр. 207: Часовня с придорожным крестом. Радогощинский сельсовет. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Календарная обрядность

Стр. 208–209: Общественное купание во время молебна. Пелушский погост. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Народная пища

Стр. 212–213: Традиционная вепская выпечка — калитки. Деревня Башмаковская. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

Стр. 216: Белая печь с «каржиной/каржиной» — рундуком в доме. Деревня Боброзеро. 1928 г. Фото З. П. Малиновской. ОФ РЭМ

Народные верования и народные знания

Стр. 220–221: Прогон скота под воротами с иконами в заветный праздник и окропление священных ворот. Деревня Сарозеро. 1927 г. Фото Н. С. Розова. ОФ РЭМ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРГО — Научный архив Русского географического общества

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея

ВКМ — Вольский краеведческий музей

ГАНО — Государственный архив Новгородской области

ГМИ им. А. Кастеева — Государственный музей искусств им. А. Кастеева Республики Казахстан

ГМИР — Государственный музей истории религии

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ГХМ Алтайского края — Государственный художественный музей Алтайского края

ИИМК — Институт истории материальной культуры Российской академии наук

ИОХМ им. В. П. Сукачева — Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева

КМИИ — Калужский музей изобразительных искусств

МЗ В. П. Поленова — Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник Василия Дмитриевича Поленова

МРМИИ им. С. Д. Эрьзи — Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи

НГВ — Новгородские губернские ведомости

ОФ РЭМ — Отдел фотографии Российского этнографического музея

ПИАХМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

РГИА — Российский государственный исторический архив

РНБ — Российская национальная библиотека

РЭМ — Российский этнографический музей

СПБИН РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

СПбФ АРАН — Санкт-петербургский филиал Архива Российской академии наук

ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Содержание

Вступительное слово от издательства

5

ЭТНОГРАФИЯ ТИХВИНСКОГО КРАЯ

7

Природа Тихвинского края:
геология, ландшафт, растительный и животный мир

11

Научное изучение Тихвинского края.
XIX–XX века

33

Геологические исследования

34

Ботанические исследования

35

Археологические исследования

36

Лингвистические и археографические исследования

43

Фольклор. Этнография. История

45

Православие и старообрядчество в Тихвинском уезде

54

Православие

56

Старообрядчество

69

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ	79
Поселения. Жилые и хозяйственные постройки	83
Семья. Крестьянское общество	90
Основные и подсобные занятия населения. Кустарные промыслы	103
Семейная обрядность	116
Поминально-погребальная обрядность	126
Календарные праздники	133
Народная пища	144
Народные верования и народные знания	150
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВЕПСОВ	157
Поселения. Жилые и хозяйственные постройки	161
Семья. Крестьянское общество	174
Основные и подсобные занятия населения, промыслы и ремесла	180

Семейная обрядность	192
Поминально-погребальная обрядность	202
Календарная обрядность	209
Народная пища	212
Народные верования и народные знания	220
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Список источников	231
Список иллюстраций	236
Список сокращений	240

ТИХВИНСКИЙ КРАЙ

Том 1

Главный редактор *Н. П. Феофанова*

Редактор *Я. В. Шигаева*

Корректоры *Н. В. Куликова, С. С. Смирнов*

Художественное оформление *Е. Б. Большаков*

Художественный редактор *Н. П. Феофанова*

Верстка *Л. Н. Киселева, Е. А. Назарова*

Предпечатная подготовка

А. М. Кокшаров, А. Н. Силантьев

ISBN 978-5-6042574-8-7

Подписано в печать 28.06.2019. Формат 70×100/8
Гарнитура NewBaskervilleC. Бумага мелованная 150 г/м².
Печать офсетная. Печ. л. 30,5. Тираж 500.

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15